

ИЗРАИЛЬ

8.50
АРЬЕ («ЛЕВА») ЭЛИАВ

НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

АРЪЕ («ЛЕВА») ЭЛИАВ

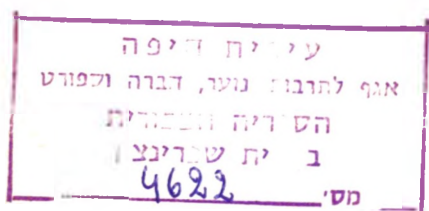
НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ

БИБЛИОТЕКА «АЛИЯ»

קפיצת הדרך

מאת

אריה (לובה) אליאב

ציור העטיפה : שרה ברקאי

כל הזכויות שמורות
לספרייה עליה — ת"ד 7422 ירושלים

היוצאת לאור בסיוע
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו יורק

דפוס : החברה המאוחדת לפרסומים והדפסה בע"מ

**Селам района Лахиш и моей дочери Офре,
родившимся в одном и том же году, по-
свящается.**

Эта книга написана в пути, когда я работал с новыми иммигрантами «образца 1969 года». Я писал ее за рубежом в перерыве между встречами с евреями, собиравшимися эмигрировать в Израиль, а главное — во время своих поездок в Центры интеграции, в порт, на аэродром и в жилые районы. Во время этих путешествий я заходил, бывало, к друзьям в Кирьят-Гат, город, стоящий на горе, и в чудесные деревни района Лахиш, просто так, чтобы отдохнуть. Естественно, что разговоры как-то само собой велись о «тех днях» пятидесятих годов, когда — всего пятнадцать лет назад — проходило великое переселение и заселение этого района. Воскресала в памяти, как бы возвращалась, атмосфера тех дней, «когда все началось». Я вспоминал легенды и рассказы о посланцах, умолявших нас, чтобы мы «оказали им милость и позволили им обогнать время». Об этой милости я и хочу рассказать.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Глава 1. На пристани в Порт-Тауфике	9
„ 2. Военный оркестр	12
„ 3. Холостяк и сирота	19
„ 4. «Кабузы»	23
„ 5. Мелкие факты. Решето	29
„ 6. «Локши» и «блоконы»	33
„ 7. Битва за Хацав	39
„ 8. Потомки мореходов царя Соломона	53
„ 9. Неватим	56
„ 10. Три Абрама Абрама	62
„ 11. Тягач Узи	71
„ 12. Округ Лахиш	76
„ 13. Коллектив	80
„ 14. Комитет по присвоению названий	87
„ 15. Комиссия по определению местности	90
„ 16. Глубокая вспашка	96
„ 17. В кровях твоих живи	98
„ 18. Визит старой леди	102
„ 19. Людей селить, не ежа купить	106
„ 20. Деревенские и городские евреи	114
„ 21. Великое приключение	117
„ 22. Гибель Бен-Ами	122

Глава 23. «Дикий Запад»	126
„ 24. Губеры	132
„ 25. Старожилы	140
„ 26. Двора Даян и ее сыновья	149
„ 27. Тощие годы «Машбира»	157
„ 28. Ночи фedaюнов	161
„ 29. Первые шаги	166
„ 30. Банк в Негоре	169
„ 31. Возникновение города	172
„ 32. Астарта из Кирыят-Гата	176
„ 33. Наперегонки со временем	180
„ 34. «Протекция»	186

Глава 1

НА ПРИСТАНИ В ПОРТ-ТАУФИКЕ

Когда начало смеркаться, мы уже были недалеко от пристани. Сасон, мой провожатый, включил газ, и джип запрыгал по узкой, разбитой снарядами дороге, ведущей от развалин деревни Эль-Шат в сторону пристани.

Через несколько минут мы были уже в дзоте. Встретил нас командир дзота, смуглый и стройный капитан Одед.

Я приехал на канал как гость Цахала, и с этого дзота у пристани в Порт-Тауфике должно было начаться мое путешествие вдоль всей линии.

Здесь я и собирался переночевать.

Переночевать? Кто же спит в дзотах ночью? Ведь именно ночью здешние ребята из мотопехоты, саперы, танкисты, пехотинцы находятся в особом напряжении, бдительно наблюдают, трудятся и воюют.

Безлунная ночь. Командир вернулся в свой штаб, а Амос обходит со мной одну позицию за другой.

Амос хотел увидеть своими глазами, что происходит на самом крайнем наблюдательном пункте. Он отправился туда в сопровождении Одеда и нескольких бойцов.

Я вернулся в штабной бункер. Затеял беседу с франтоватого вида связным и несколькими молоденькими младшими лейтенантами, вошедшими выпить чашку кофе. Потом я вышел и сел у входа.

Стояла такая густая темнота, что, казалось, ее можно прямо нащупать руками. Кругом царила тяжкая и пугающая тишина. Двадцать пять лет назад, в начале Второй мировой войны, я сидел у этой пристани с товарищами, которым было по 18—20 лет, а у меня был двухлетний военный стаж. Я прибыл тогда сюда в составе 745-го королевского саперного подразделения (так называлась еврейская саперная часть британской армии), чтобы срочно построить вот этот причал и тем самым

обеспечить снабжение восьмого корпуса Монтгомери, только что одержавшего победу у Эль-Аламейна.

Мы работали тогда вместе с британскими и южно-африканскими частями. Нам помогали машины и тысячи египетских рабочих. Порт и причал были построены с невиданной быстротой.

Девять месяцев шла эта работа. Мы уложились в график, и сам командующий британскими инженерными войсками вручил нам награду.

Здесь бросали якорь пароходы и шла разгрузка оружия и снаряжения. Однажды якорь бросило судно, на борту которого были «тегеранцы», первые, спасшиеся от европейской катастрофы. Мы, еврейские бойцы, встретили их у пристани, прижали к груди и затем отправили их на север, в Эрец Израэль.

Все это пронеслось теперь в моем воображении...

Тем временем вернулись усталые и мокрые с головы до ног Амос, Одед и бойцы. Я подсел к ним, а когда они немного отдохнули, спросил, знают ли они, что вот эту самую пристань, где они сейчас строят укрепления и воюют, построили когда-то еврейские солдаты?

Амос и Одед никогда даже не слышали об этом.

А знают ли они, продолжал я допытываться, что в этих самых полуразрушенных складах мы приняли тогда «тегеранцев»?

— Нет, — ответили они в изумлении. Они и понятия не имели, что у этой разрушенной пристани есть какая-то «еврейская» предыстория.

Я рассказал им кое-что о тех днях. Они слушали меня, как будто я волшебством воскрешаю события давно минувших дней. И я вдруг почувствовал на своих плечах тяжелое бремя времени.

Затем мы отправились на позиции. Я представился бойцам и начал беседовать с ними. Из любопытства, свойственного моей профессии — устройство новых иммигрантов — я расспрашивал каждого бойца — откуда он, из какой страны приехал он и его родители, чем занимается.

Молоденький командир отделения, стоящий у пулемета, сказал, что он из Кирьят-Гата.

— Из Кирьят-Гата? Из столицы района Лахиш? — переспросил я, приятно удивленный.

Я подошел ближе и спросил: — А зовут тебя как?

— Моше Коген, — ответил он.

— А когда ты приехал в Кирьят-Гат? И откуда приехал? — продолжал я допытываться.

— Мои родители приехали в Кирьят-Гат из Марокко лет пятнадцать назад. Мне было тогда лет пять.

— А, может, ты слышал мою фамилию? Элиав? Я был тогда руководителем района Лахиш, и я принял вас тогда.

— Что-то я слышал, — ответил Моше Коген, — родители как-то рассказывали об истории города: о лагерных бараках, о раскопках на кургане, о первых домах. И мэр города Арье Меир однажды рассказывал нам о тех днях и упомянул вашу фамилию, но сам я почти ничего не помню: ведь я был тогда совсем еще маленьким.

И вот я сижу среди «детей», которых еще на свете не было, когда мы были здесь; которых я переносил на руках с запыленных грузовиков в бараки поселков района Лахиш, куда приехали жить их родители.

Снова я почувствовал на своих плечах бремя прошедших лет.

О тех далеких, но в сущности не очень давних годах я и хочу рассказать прежде, чем время рассеет память о них, подобно тому, как ветер сдувает и уносит пыль с этой пристани. Я уже рассказал как-то о днях нелегальной иммиграции и о судне «Улуа». Может быть, я когда-нибудь расскажу еще и о бойцах, обслуживавших тяжелую артиллерию, о Порт-Тауфике, о восьмом корпусе и вообще о событиях Второй мировой войны, или, скажем, об «Операции Тушия», в ходе которой были спасены евреи Порт-Саида в дни Синайской войны. Но теперь я хочу рассказать о районе Лахиш, о гигантской кампании освоения этого района в первые годы существования государства.

Два человека из «второй алии» определили мой жизненный путь в самом начале его. Один — Шаул Авигур, мой командир в дни нелегальной иммиграции, о котором я рассказал в своей книге «Судно Улуа». Вторым — Леви Эшкол, «принявший» меня из рук Шаула после войны за Независимость.

Начну свой рассказ с моей первой встречи с Эшколом.

ВОЕННЫЙ ОРКЕСТР

Войну за Независимость мы провоевали без военной формы. Только к концу 1948 года в подразделения, прошедшие уже через множество боев, завезли единое обмундирование и знаки отличия для работников штаба и командиров. Это был один из признаков, предвещавших, что мы превращаемся в настоящую армию настоящего государства.

Для моего рода войск, то есть для военно-морского флота, помимо будничной серой формы, выдали еще и парадную — белую с золотыми нашивками. Потребовалось некоторое время, прежде чем мы освоились с новой военной одеждой и с новыми воинскими званиями.

Вскоре в армейском обиходе появился новый оборот речи: «Вам надлежит представить к такому-то числу проект сметы на будущий год». Прошли те времена, когда нас снабжали так, что мы питались и воевали, кое-как перебиваясь со дня на день.

Я был молодым полковником во флоте, и на меня была возложена задача составить смету на предстоящий год и представить ее в Министерство обороны. Понятно, что мне приходилось совещаться с товарищами из всех отделов штаба флота. «Аппетит» у всех был большой. Свой флот мы создали как бы на ходу. Мы использовали для этого суда, которыми в страну нелегально прибывали иммигранты; старый хлам, стоявший на якоре в Хайфе, который мы реставрировали нечеловеческими усилиями; ветхие корветы вроде «Веджвуда» и «Хаганы», приобретенные Мосадом Алия Бет сложнейшими окольными путями из излишков американского флота; суда, доставившие к берегам страны тысячи евреев, но уже у самого берега попавшие в руки англичан. Теперь эти полузаржавевшие шхуны снова были превращены в военные корабли. На них установили пушки. Сначала у нас были только горные пушки девятнадцатого века, и уже во время войны мы получили более приличное оружие.

Помимо этих трех-четырёх кораблей, служивших нам, так сказать, в качестве «линейного флота», у нас

были еще несколько моторных катеров, — игрушечные суда, приобретенные в Италии и вооруженные пулеметами. Мы также приспособили один десантный катер из судов призрачного нелегального флота. Самым секретным и эффективным средством нападения нашей маленькой флотилии были торпедные лодки — быстрые лодчонки, призванные служить живой торпедой: рулевые должны были добраться на них чуть ли не до самой цели, точно навести их и прыгнуть в воду всего в нескольких десятках метров от цели.

С этим вот странным никудышным флотом мы и воевали до сих пор. А теперь пришел спасительный «бюджет». Мы с воодушевлением взялись за дело.

Чего только мы не хотели? Мы хотели приобрести два-три фрегата. О миноносцах мы не смели даже мечтать из-за их огромной цены. Мы хотели усилить свои неконвенциональные плавсредства, которые бы состояли из маленьких единиц, вроде наших «торпедных лодок». Мы хотели построить дополнительные береговые базы. Мы хотели построить небольшую верфь для нужд флота. Чего только нам не хотелось? Мы перевели все это на язык израильских лир. Получился весьма внушительный бюджет.

Однако и в других родах войск — в авиации, в пехоте, в танковых и артиллерийских частях, — к составлению бюджета подошли, оказывается, с не меньшим воодушевлением.

В назначенный день, мы, представители всех родов войск, собрались в генштабе, расположенном тогда в нескольких коттеджах на одной из возвышенностей Рамат-Гана. Там нас ожидал в своем кабинете Леви Эшкол, который был тогда чем-то вроде заместителя министра обороны и именно ему Бен-Гурион поручил финансово-экономические вопросы войны. Мы уселись полукругом у его стола, держа в руках проекты бюджетов и готовые зашитить из последних сил каждый пункт.

Я знал Эшкола только поверхностно, из случайных встреч во время войны. Теперь я сидел напротив него и внимательно рассматривал этого трезвого и твердого мужчину, которому пошел уже шестой десяток. Он посмотрел на нас, молодых командиров, которым еще и по тридцати лет не было, умным и отеческим взглядом. За-

тем велел нам положить свои бюджеты на стол. Он собрал их все в кучку, полистал, быстро прикинул итог — впоследствии он рассказал мне, что итог этот был во много раз больше, чем он смел даже мечтать, — и нахмурился.

Эшкол повернулся в сторону представителя военно-воздушных сил.

— Зачем вам столько самолетов, а главное — зачем все одновременно?

Представитель летчиков принялся с воодушевлением излагать военную доктрину авиации, сказал о превосходящих силах арабских военно-воздушных сил и о их проектах на будущее. Он весьма сожалеет, но авиация никак не может обойтись меньшим, чем обозначено в проекте бюджета. В противном случае наше небо будет открытым.

— А вы, — обратился Эшкол к представителю артиллерийских войск, — может, вы немножко сбавите? Пустите по врагу один снаряд и отдохнете немножко. Вы только посмотрите, сколько вы хотите купить пушек, и все за один год.

— Даже речи быть не может, — воскликнул представитель артиллерии. — Мы обязаны, буквально обязаны заменить все эти «наполеончики». Ведь что мы имеем? Окрошку из старых орудий, почти совершенно негодных. Мы просто чудом держались до сих пор. Нам нужно срочно создать настоящие артиллерийские части, вооруженные 25-дюймовыми пушками, а также зенитными и противотанковыми орудиями. Очень жаль, но у нас решительно нет возможности отказаться хоть от одного какого-нибудь пункта.

— А вы, молодой человек, — Эшкол вонзил в меня свой острый взгляд, — вы что же, хотите состязаться уже в первом году с флотом Его Величества? Да ведь места нет в портах для всех этих ваших фрегатов, корветов и десантных катеров! Может, сбавите? Может, разбрасываете этот проект на несколько лет?

Я сделал отчаянное усилие, чтобы не уступить предыдущим ораторам в изложении важности обороны портов и берегов, защиты нашего гражданского, иммигрантского и торгового флота, создания — и то, как можно скорее — боеспособного военно-морского флота.

— Нет. Очень сожалею. Малейшее отступление от бюджета сорвет нам весь план.

Эшкол попытал счастье еще с двумя-тремя подполковниками, но никто не соглашался уступить хоть грош. В те дни подполковник был подполковником, а грош имел дырочку.

В кабинете установилась тягостная тишина. Эшкол снова взял пачку проектов в руки и начал заглядывать в них.

Его взгляд носился по графам и колонкам цифр как ястреб над своей жертвой. Вдруг в его глазах появился блеск. Он разложил перед собой несколько бумаг и провел в каждой какую-то черточку, не предвещавшую ничего хорошего. Затем поднял голову и посмотрел на всех нас.

— Ну-ка, молодой человек, — обратился он к представителю военно-воздушных сил. — У вас есть копия проекта?

— Разумеется, — ответил офицер.

— Очень хорошо, — сказал Эшкол. — Посмотрите, пожалуйста, пункт 18 на второй странице. Там написано: «Военный оркестр — десять тысяч израильских дир». Может, вы мне растолкуете, зачем вам оркестр?

— Как же, — ответил офицер. — Оркестр нам нужен для парадов и прочих торжественных случаев, а также для культурного отдыха солдат.

— Очень хорошо, прекрасно, — сказал Эшкол, будто он тут же понял всю важность оркестра для военной авиации. Вдруг он посмотрел в мою сторону.

— А вы, морячок, что у вас там написано в графе 27-ой?

Я посмотрел в свои бумаги и почувствовал некоторую неловкость.

— Ну, что у вас написано там?

— Написано, — отвечаю я, — «оркестр военно-морского флота».

— Вот-вот, оркестр военно-морского флота, — сказал Эшкол. И сколько же вы просите денег на этот оркестр?

— 12 тысяч фунтов, — ответил я слабым голосом.

— А зачем он вам, оркестр-то. Может, объясните?

— Мы не можем без оркестра, — бодро и как мож-

но убедительнее ответил я, — потому что флот, весь военно-морской флот то и дело устраивает парады и прочие торжества. Когда наши корабли или корабли дружественных государств входят в порт, мы обязаны встретить их музыкой. Кроме того, оркестр очень важен еще и для культурного отдыха, для развлечения солдат.

— Хорошо, хорошо, — сказал Эшкол нетерпеливо, приготовившись вонзить свои когти в третью жертву. офицера дивизии «Кармели» Северного флота.

— А у вас, молодой человек, на третьей странице в графе 7-а записан оркестр для дивизии «Кармели», и вы требуете, правда, весьма скромную сумму в 8100 фунтов. На что вам оркестр? Верно, все для тех же парадов и торжественных встреч, для культурного отдыха и развлечения; правильно ли я говорю?

— Совершенно правильно! — подтвердил представитель дивизии «Кармели».

— У меня идея. Вот послушайте! Ваша дивизия расположена всего в нескольких километрах от военно-морской базы, Почему бы вам не брать у них оркестр на прокат всякий раз, когда он вам понадобится?

— Или, может, наоборот, — повернулся он в мою сторону. — Может быть, флот одолжит музыкантов у дивизии «Кармели», когда нужно будет встречать корабли с музыкой?

Мы промолчали.

Тут Эшкол достал еще несколько бумаг.

— Ого, что я вижу? Артиллеристам тоже подавай оркестр, военной полиции тоже, интендантским частям тоже... Неужели всем нужен отдельный оркестр?

Я сразу смекнул, что Эшкол нашел ту самую точку опоры, которую тщетно искал Архимед, и что он вот-вот опрокинет все наши проекты вверх тормашками.

— Что же вы себе думаете? Что мы так и катаемся в масле? Едва-едва удастся наскрести деньги для уплаты счетов за горючее и зерно, каждый месяц прибывают тысячи евреев, надо строить города и села, школы и больницы для десятков тысяч иммигрантов. Мы ассигновали на армию гигантскую сумму, составляющую фантастический процент общей суммы бюджета, но если мы начнем теперь угождать вашим музыкальным и оркестровым прихотям, то и двух таких бюджетов не хватит.

— Короче, вычеркните первым долгом эту оркестровую статью из ваших бюджетов, затем сократите все остальные статьи на половину, согласуйте все это в штабе и принесите мне на будущей неделе скорректированные проекты. Вот тогда сядем с вами и посмотрим, что это бедное государство может выкроить для каждого из вас. Хорошенькое дело, оркестров им захотелось! Так состоялось мое знакомство с Эшколом.

Прошло много лет. Однажды, во время наших совместных и продолжительных разъездов по стране, я напомнил ему эту историю с оркестрами. Мы от души посмеялись, и Эшкол рассказал мне, как еще давным-давно, когда он ведал только финансами кибуца, ему пришлось усвоить ту особую «технику» финансирования, когда касса пуста, а между тем нужно накормить целую ораву голодных тигров. Эту «технику» он значительно усовершенствовал в дальнейшем, когда ведал финансами «Хаганы».

Как-то являются к нему двое: один ведал сторожевыми собаками в селах, а другой — службой связи. Оба настойчиво требовали, чтобы их тотчас же приняли. Эшкол пригласил сначала ведавшего собаками. Тот с ходу выложил свои жалобы:

— Понимаете, «Хагана» приобрела чудных собак: боксеры и овчарки. Вырастили, обучили собаководов во всех селах. Выдрессировали собак, и они прекрасно справляются со своими обязанностями. Разбойникам и ворам прямо житья нет от наших собак. Но вот на собак свалилась беда: они голодны.

— Голодны? — спросил Эшкол, сразу почуяв финансовую опасность. — Но почему их не кормят остатками пищи из кибуцовских и мошавских кухонь?

— Нет, вы не поняли, — отвечает человек. — Во-первых, в кибуцах сами люди голодны. А, во-вторых, эти собаки едят только мясо. Где возьмешь сейчас кибуц, у которого есть мясо для собак? Баклажанов эти собаки кушать не хотят. Им нужны остатки не кухонные, а с мясобоен. Для этого нужны деньги, а у нас нет ни гроша. Собаки худеют с каждым днем, а нашим селам угрожает большая опасность.

— Ну, хорошо, — сказал Эшкол. — Сколько вам надо?

— По самой малой мере сто фунтов. Это самый минимум. И то его нам хватит от силы на полгода. Тогда я еще раз приду.

— Ладно, — сказал Эшкол. — Дам вам полста, но не хочу вас здесь больше видеть до будущего года. За пятьдесят фунтов вы даже дом отдыха сможете построить для своих собак.

Человек вышел из кабинета радостный, в приподнятом настроении.

Вошел начальник службы связи. Говорит:

— Населенным пунктам, расположенным в глубинке, выдали недавно почтовых голубей. Это дрессированные голуби, на обучение которых затрачено много труда. Они выполняют очень важные функции, доставляя сообщения на дальние расстояния...

— Ну, дальше, — перебил его Эшкол. — Я еще со времен Ноя слышан о важных функциях голубя. Вам что нужно-то? То есть, голубям вашим?

— Что нужно голубям? Вы лучше спросите, что им не нужно? У них нет подходящих голубятен, а главное — нет пищи. Они просто голодны!

— Голуби и голодны? — изумился Эшкол. — Но ведь голуби мяса не едят. Я еще в детстве видел на Украине, что голуби питаются зернышками и червями и достают все это сами из мусорных ям.

— Нет, нет, — терпеливо пояснил «заведующий» голубями. — Это не то. Это особые, породистые голуби. Им нужно покрывать огромные расстояния и с большой скоростью, а для этого их нужно кормить специальной пищей по научно разработанной системе. Надо тщательно следить за тем, чтобы в пище содержался определенный процент белков, углеводов...

— Хорошо, — перебил его Эшкол. — Во сколько же обойдутся народу Израиля ваши голуби?

— Да никак не меньше, чем сто фунтов. Мне нужны специальные клетки и пища...

Эшкол выписал ему честь по чести бумажку на пятьдесят фунтов, и тот ушел.

Не прошло и трех месяцев, как те же двое евреев примчались к нему снова: и тот, который «начальник» над собаками, и тот, что над голубями.

Первый сказал: — Собаки сожрали все пятьдесят

фунтов, а на них это даже не заметно. Положение серьезное, можно сказать — даже опасное...

— Хорошо, — сказал Эшкол. — У меня идея! Подождите минутку в коридоре.

Пришел второй и говорит: — Голуби вмиг съели все пятьдесят фунтов. Их силы слабеют день ото дня...

— Подождите минутку, — сказал Эшкол. — У меня есть идея!

Он позвал первого, «начальника» над собаками, сцепил пальцы рук и сказал обоим:

— У меня нет для вас ни единого гроша. Но у меня есть хороший совет, который, пожалуй, решит и ваши продовольственные и мою финансовую проблему.

— Да? — навестили они уши. — А какой совет?

— А вот какой, — ответил Эшкол. — Возьмите голубей и скормите их собакам. Может, собаки подавятся голубями, и тогда не будет ни собак, ни голубей и ни проблем!

Глава 3

ХОЛОСТЯК И СИРОТА

Вначале 1949 года, по окончании войны, я демобилизовался из армии. Свыше десяти лет я прослужил во всех тех армиях, в которых служили представители моего поколения: в «Хагане», в британской армии, в организациях, занимавшихся нелегальной доставкой иммигрантов, в Цахале.

Предо мной встал вопрос: чем бы заняться на гражданке? Я вспомнил о том, что когда-то учился на сельскохозяйственном факультете Иерусалимского университета на горе Скопус и пошел к Саулу Авигору, который был моим руководителем и даже непосредственным начальником в подполье и в «Алиа Бет», чтобы посоветоваться с ним. Саул рассказал мне, что несколько недель назад Эшкол был назначен начальником поселенческого отдела Сохнута и ищет себе помощника.

Я попросился к Эшколу на прием, а на руках у меня была рекомендация Саула.

В те дни уже шла массовая иммиграция отовсюду. Эшкол был загружен работой по горло. В его приемной

толпилось множество самых разных людей.

Когда после довольно продолжительного ожидания я наконец попал к Эшколу, у нас состоялся в высшей степени короткая беседа.

— Хорошо, — сказал Эшкол, — начнем с конца. Когда вы можете приступить к работе?

Ошеломленный, я спросил, с какого числа он хотел бы, чтобы я приступил к работе.

— С какого числа? Со вчерашнего, — ответил Эшкол.

Я объяснил, что еще не все успел оформить и придется, если он не возражает, поработать несколько дней в военной форме.

— Да за милую душу, — ответил он и вдруг спросил: — А как у тебя семейное положение? Ты женат?

— Женат, — ответил я, — недавно у нас родился ребенок.

— Ох, — простонал Эшкол. — Родители живы?

— Старушка мать. На ее квартире мы и живем.

— Нехорошо, плохо, — ответил Эшкол, и в его глазах блеснула веселая улыбка.

— Что же тут нехорошего? — удивился я.

— Ты просто не соответствуешь моим требованиям, — ответил Эшкол. — Я твердо решил, что у того, кто станет моим помощником в той каторжной работе, которую я на себя взвалил, сиречь — устройство евреев в сельскохозяйственных поселениях — должно быть совершенно особое семейное положение: он должен быть холостяком, и в то же время круглым сиротой. А ты пришел и рассказываешь, что у тебя мать и жена, и ребенок... Где ты возьмешь время для них? Когда ты с ними видеться-то будешь?

Так началась моя работа.

Первые дни я ничего не понимал. Я никогда не работал на гражданской работе, никогда ничьим «помощником» не был. До этого я получал и отдавал приказы.

А здесь все не так.

В первый день я уселся в предоставленной мне комнате, напротив кабинета Эшкола. Я видел через дверь, как евреи стоят в очереди к Эшколу: работники Сохнута и сельского хозяйства, разные специалисты, партийные деятели и просто так евреи с проектами спасения еврейского народа.

В течение всего дня никто ко мне не заходил и не обращался.

К вечеру я зашел в кабинет к Эшколу и вежливо спросил:

— Может, вам помочь в чем-нибудь?

Эшкол, изнывая от изнеможения, уставился на меня усталым и сердитым взглядом.

— Что значит «в чем-нибудь»? А что будет со всеми бумагами, которые мне тут нагромодили сегодня?

— Какие бумаги?

— Какие бумаги? Ну, возьми хотя бы проект Гарцфельда о создании кибуцов в Негеве...

— А что это за проект?

— Но ведь он сидел здесь часа два, излагая его! Почему ты не вошел и не послушал?

— Я не вошел, потому что меня не позвали.

— Что же ты теперь хочешь? — спросил Эшкол. — Чтобы я снова повторил тебе все то, что мне наговорили за день? Да ведь для этого мне потребуется еще один день! А я занят, мне некогда, и я должен бежать.

На следующий день все повторилось в точности так же, как и в предыдущий. Эшкол изнемогал от наплыва посетителей, а я сидел, скучал и бездельничал.

Вечером, когда Эшкол попытался объяснить мне то да се, выяснилось, что я совершенно незнаком с его «клиентами». Мне снова и снова пришлось переспрашивать, кто такой тот, и кто этот.

— Что же теперь? — спросил Эшкол. — Не начинать же мне рассказывать тебе «на одной ноге» биографии людей второй и третьей алии?

На третий день я вошел к Эшколу и сказал:

— Продолжать дальше в таком духе не имеет никакого смысла. Это же чистое тунеядство. Никакой пользы я вам не приношу. Я здесь просто лишний. Поэтому я предлагаю, чтобы с завтрашнего дня я сидел тоже в вашем кабинете с вашими клиентами с утра до вечера. Только так мне, может быть, удастся разобраться во всем и помочь вам.

Эшкол с удовольствием согласился, и с этого дня началось наше тесное сотрудничество, длившееся годы. С каждым днем наша работа переплеталась все теснее, пока сплелась в единое целое. Прошло всего несколько

недель, и я уже разбирался во всех «тонкостях» нашей работы. Правда, сначала мое присутствие в кабинете казалось странным как самому Эшколу, так и его посетителям, но постепенно они к этому привыкли.

Помимо приема множества посетителей, мы были завалены еще письмами. Я старался ответить на каждое письмо, разобраться в нем. Я часами сидел над этими письмами и над ответами. Часть ответов я подписывал сам, часть отдавал на подпись Эшколу.

В один прекрасный день Эшкол говорит мне:

— Я вижу, что ты из последних сил бьешься над этими письмами: ты отвечаешь каждому Хаимовичу и Рабиновичу. Хочешь, я подскажу тебе, как упростить это дело и как сэкономить время и почтовые марки. В продолжение одного месяца ты к почте не притрагивайся. Возьми всю почту без исключения, хотя бы на конвертах и значилось «лично», «срочно», «экспресс», «сверхсрочно», «в собственные руки», и сложи все в один большой ящик своего стола, не вскрывая ни одного письма. В продолжение месяца мы будем, конечно, заниматься своими обычными делами: принимать людей, разъезжать по стране и делать много важных дел. Когда месяц закончится, вскрой все накопившиеся письма, и ты увидишь тогда, что всю переписку можно разделить на две категории: письма, которые содержат важные и срочные дела, и письма от чудаков, которым просто делать нечего. Тогда-то ты и убедишься, что дела, о которых говорится в письмах первой категории, так или иначе уже устроены или находятся в стадии срочного решения, ибо таково уж свойство важных дел, что они доходят до нас десятками различных путей: при личных встречах, — а ты ведь никому не отказываешь в личной беседе, на заседаниях, из печати и так далее. Заниматься же письмами второй категории — напрасная трата времени. В итоге получается: зачем вообще отвечать на письма?

И тут же с улыбкой добавил:

— Я, конечно, не возражаю, чтобы ты отвечал на каждое письмо, но, ради Бога, не трать ты на них все время, которого у тебя так мало. Ведь мне же не повезло с тобой: ты не холостяк и не сирота! У тебя обязанности перед семьей!

«КАБУЗЫ»

В первый год моей работы — 1949-ый, а также в последующие годы, маленький Израиль с его небольшим населением прямо захлестнули волны небывалой дотоле иммиграции. Нельзя сказать, что мы были подготовлены принять сотни тысяч наших братьев с Запада и с Востока. В те годы из Восточной Европы приехали десятки тысяч чудом спасшихся жертв войны, людей, разбитых физически и нравственно: по воздуху на волшебном ковresse-самолете прибыли тысячи наших братьев из Йемена со своими семьями; покинули Болгарию искони жившие там евреи; приехали евреи Греции и Югославии; тронулись с места евреи Вавилона (нынешнего Ирака), Ливии и Марокко.

Четко действующего аппарата для устройства иммигрантов в нашем распоряжении не было. Вся работа по приему евреев, их трудоустройству и обеспечению жильем проводилась при непрерывной импровизации и все растущем напряжении. Чтобы выстоять, мы позарез нуждались в любом добром совете, в малейшей капле помощи.

Самой трудной проблемой, с которой мы вначале столкнулись, была проблема крова для иммигрантов. В очень короткий срок — прямо в мгновение ока — все здания, оставленные арабами в городах, были забиты до отказа. Не все эти строения подходили для жилья. Многие грозили вот-вот рухнуть, поэтому жить в них было просто опасно. Мы заняли также бывшие британские военные лагеря, доставшиеся нам, и они тоже очень скоро были битком набиты. Мы перешли к палаткам — не стало и палаток. Мы обратились за помощью к Армии. Получили немного палаток, но и их хватило ненадолго. Пришлось открыть мастерские по реставрации старых палаток, которые мы собрали по всей стране. Вскоре раздался отчаянный призыв Сохнута к своим агентам во всем мире: «Достаньте нам палатки! Доставляйте любые приспособления, пригодные для жилья, которые можно доставить в страну морем!»

В те дни в США находился представитель поселенческого отдела Сохнута. Его звали Гилади. Был он специалистом по механизации сельского хозяйства из кибуца «Дегания-Бет», а послали его доставать новую технику для новых кибуцов и мошавов. До него тоже дошел призыв найти жилищные средства для иммигрантов.

В один прекрасный день мы получаем от него срочную телеграмму из Нью-Йорка следующего содержания: «Я достал по дешевке сотню кабузов в хорошем состоянии. У меня имеется опцион х) еще на тысячу штук. Намереваюсь отправить первые сто штук первым парходом».

Я повертел телеграмму в руках, долго рылся в своей памяти, но так и не сумел отыскать в своем лексиконе еврейских или иностранных слов что-либо похожее на «кабуз».

Я понес телеграмму Эшколу; может быть, он знает, что такое «кабуз» и с чем его едят? Нет, он тоже не знает; слово «кабуз» ничего не говорит его слуху.

Тогда мы позвали инженеров, работающих в техническом отделе: Иегуду Рабиновича и Александра Бесина. Это были старые, опытные работники, но они тоже не знали, что такое «кабуз». Делать нечего, пришлось отправить телеграмму Гилади и попросить его, чтобы он, ради всего святого, объяснил, что именно он имеет в виду. Для вящей верности Эшкол приписал: «Подожди со сделкой на всю тысячу до получения ответа от нас».

Через несколько дней мы получаем несколько туманный ответ: «Кабузы» — это добротные деревянные строения, подвижные и на колесах».

В дополнение Гилади высказал мнение, что в каждый кабуз вполне можно поместить семью.

Эшкол продиктовал мне следующий текст ответной телеграммы: «Воздержись от покупки новых кабузов. Не отправляй всю сотню. Отправляй пока десять. Проверим и решим. Подробные указания получишь после проверки».

Гилади сообщил, что он погрузил десять кабузов на такой-то пароход, который прибудет в Хайфу такого-

х) Опцион — привилегия на получение товара по заранее установленной цене в течение определенного срока.

то числа. Потом мы получили по почте товарно-транспортные накладные на этот груз. Вес, указанный в документах, прямо ошарашил нас. В накладной было написано, что каждый кабуз весит несколько тонн.

В день прибытия парохода я выехал в Хайфу с двумя нашими инженерами.

— Ваш груз на борту, — сказали нам работники таможни. — Еще немножко и его выгрузят.

Мы остановились у парохода и стали ждать, что будет. Кран что-то все шупал в трюме и начал поднимать огромные деревянные коробки: треугольные, квадратные, продолговатые и даже круглые. На пирсе выросла внушительная гора. Инженеры подошли ближе и принялись изучать эти сооружения. На их лицах появилось неподдельное изумление.

— Это вот похоже на стену, — сказал один из инженеров.

— А вот здесь что-то из металла, — сказал второй.

— Минутку! Давайте откроем чуточку упаковку и посмотрим.

Он оторвал несколько планок, заглянул внутрь и остолбенел.

— Там печь и дымовая труба..., — сообщил он сдавленным голосом.

Оба инженера подошли еще к одному ящику и заглянули в него.

— Посмотри, посмотри, колесо! Да какое большое!

— Колесо?! — вскричал я. — При чем здесь колесо?

Тем временем вокруг нас собралась кучка любопытных грузчиков и просто так, евреев.

— Что это? Откуда это? Зачем это?

Мы решили уйти, пока не поздно. Быстро погрузили наши кабузы на железнодорожные платформы и отвезли на склад в Црифин. Там, среди аллей эвкалиптов, мы уж всласть налюбуемся на наши сокровища и будем гадать о их назначении!

Назавтра привезли с собой из Рамле бригаду рабочих, чтобы распаковать груз. Не прошло и часа, и перед нами предстали «кабузы» во всей их «красоте»: добротные, толстостенные клетки, а на них надпись по-английски: «Северо-центральная железнодорожная компания».

Из других ящиков мы выгрузили огромные и тяжелые железнодорожные колеса, стулья, столы, которые привинчивались болтами к полу и к стенам, большую печь, которую устанавливают посреди вагона, и дымовую трубу, которая выходит через потолок. Затем окна и двери вагона.

Крепко досталось в тот день нашим инженерам (которые, увы, не были специалистами по сборке железнодорожных вагонов, а знали только строительное дело), пока им удалось собрать один такой вагон для образца. Получился большой жилой вагон на колесах, а в нем место для пяти-шести человек.

Мы пригласили инженера израильской железной дороги, чтобы он высказал свое мнение об этом «динозавре». Он приехал, глянул, изумился, хорошенько осмотрел, затем рассказал нам, что «кабуз» — это жилой вагон, который был в употреблении, главным образом, в США, но давно уже «не соответствует стандарту». Его предназначение — служить жильем для железнодорожников и работников охраны, разъезжавших по огромным просторам Соединенных Штатов. Здесь они спали, ели, пили чай или кофе и грелись. Так как вагоны вышли теперь из употребления и списаны, то железнодорожные компании стараются сбыть их по дешевке. Тут на них и напал Гилади.

Мы доложили обо всем Эшколу. Ему захотелось увидеть «кабуз» собственными глазами, и он поехал с нами в Црифин.

В тот же день мы отправили Гилади срочную телеграмму: «Намерения у тебя были хорошие, но мы не нашли применения для кабузов. Продай оставшиеся 90 штук по любой цене, даже даром».

И вот таким образом «кабузы» остались лежать в Црифине, заброшенные и всеми забытые. А все-таки настал и их час.

Спустя несколько лет, когда мы начали осваивать богатства Негева и создавать там предприятия, Эшкол вдруг вспомнил о «кабузах», валявшихся без всякой пользы. Когда к нему явился начальник строящегося калиевого комбината и, как всегда, потребовал средств, Эшкол сказал ему:

— Вы у меня получите, друг мой, столько-то тысяч

фунтов, а сверх того — еще и кабуз. Пожалуйста, не задавайте вопросов и не ломайте голову. Возьмите вот бумажку, подойдите к кладовщику, заберите у него один кабуз и поставьте его где-нибудь в Содоме. Это чудная штука, и она принесет вам немалую пользу!

Таким образом, Эшкол раздал кабузы в качестве бесплатного приложения предприятиям по добыче фосфатов в Ороне, медным рудникам в Тимне. Что они сделали с «кабузами», я не знаю и не очень-то допытываюсь...

Однако проблема жилья для новых иммигрантов настоятельно требовала решения. В один прекрасный день Эшкол собрал, не знаю уже которое по счету, совещание. Явились работники, занятые вопросами иммиграции. Прибыли инженеры и строители.

Работники отдела иммиграции представили ориентировочные данные об ожидающейся в ближайшие месяцы численности новых иммигрантов, работники по устройству иммигрантов и инженеры привели данные, иллюстрирующие положение с жильем. Пропасть между данными тех и других была прямо-таки катастрофической. Эшкол обратился к Бесину, самому бывалому из инженеров.

— Что у нас там имеется на складе? Может быть, там есть какой-нибудь строительный материал, из которого можно сколотить на скорую руку какое-либо жилье?

Инженер посмотрел в свои записи.

— Леса и досок, чтобы построить временки, — нет; брезента для палаток — тоже нет. Есть большое количество гофрированной жести, которое мы заказали для крыш сараев и птичников. Но что можно сделать из гофрированной жести?

— Минуточку, — перебил его Эшкол. — А нельзя ли сколотить из этой жести что-нибудь наподобие барачков? Бараки из гофрированной жести?

— Но у нас ведь даже для стен нет леса!

— Тогда, может, и стены сделать из жести?

Инженеры посоветовались между собой, набросали чертежи, обменялись мнениями. В конце концов, Бесин представил нам чертеж, напоминающий ящик, с деревянными столбами на углах и обитый по бокам и сверху гофрированной жестью.

Такие жестяные коробки площадью в 15 квадратных

метров, в которых кое-как помещалась семья иммигрантов, можно было сколотить очень быстро и в любом количестве.

— А как мы назовем эти жестяные бараки? — спросил кто-то.

И тут же другой придумал название «жестянка» — на манер «землянки». Так на свет божий появилась «жестянка» — на языке иврит «пахон».

Тысячи «жестянок» покрыли страну. Они обладали всеми мыслимыми и немыслимыми недостатками: зимой в них коченели от холода, а летом — изнывали от жары. И все-таки они хоть на какое-то время давали возможность решить проблему. Увы, это «временное» решение растянулось на несколько лет.

Когда на складах не осталось и гофрированной жести, изобрели «полотнянки». Вместо жести, стены обшивали полотняными полосами, сшитыми из кусков брезента, непригодных для палаток.

Как грибы после дождя, вокруг городов и сел выросли лагеря из временок, «жестянок» и «полотнянок». В центре каждого такого лагеря было составлено несколько двойных коробок, которые служили магазинами, конторами, синагогами, школами, детскими садами, амбулаториями и так далее. У каждой группы «жестянок» были установлены водонапорные колонки и примитивнейшие санузлы — все это из той же жести или старых досок.

Лагеря кишели людьми, утопали в пыли, и ни на миг в них не прекращался шум. Жили в этих лагерях в ужасной тесноте, суете и духоте. Это были знаменитые «маабарот».

Сегодня от десятков «маабарот», еще недавно покрывавших страну, не осталось почти и следа. Только тут и там можно увидеть в каком-нибудь дворе такую «жестянку», превращенную в сарайчик. Наступит день, и дети, выросшие в «маабарот», в «жестянках» и «полотнянках», и проводшие там свои отроческие и юношеские годы, будут гордиться теми днями, как гордятся первые поселенцы Хедеры «ханом» в котором они когда-то жили и валялись в лихорадке, или пионеры иорданской долины — своими первыми шалашами из саламанного кирпича в Ум-Джуни.

— Что вы понимаете? — скажет этот человек своим детям. — Что вы знаете, что такое «пахон»? Ну, давайте я вам расскажу...

Глава 5

МЕЛКИЕ ФАКТЫ. РЕШЕТО

Мы все приходили в те дни к Эшколу и изливали ему свои горести: «маабарот» битком набиты, палаток нет, зато есть ссоры; средств нет, зато есть режим экономии, сидячие забастовки и голодовки, демонстрации протеста целыми семьями, начиная со стариков и женщин и кончая грудными детьми. Что будет? Что будет?

Эшкол, бывало, говорил:

— Ребята! — так он обращался не только к ровесникам, но даже к людям старше его по возрасту, — наша жизнь похожа на решето. На это решето навалом и вперемежку набросали большие камни, и средние, и мелкие; речную гальку и песок, и пыль. Решето прямо ломится от груза и едва двигается вперед и назад, вперед и назад, безостановочно, в медленном, но равномерном темпе. Кажется, никогда не будет порядка в этом хаосе: ни один камень не найдет свое отверстие, и в конце концов решето выйдет из строя и остановится.

Но вы, ребята, что вы должны в таком случае делать? Только одно: двигайте решето. Двигайте изо всех сил! Пусть пот льется градом, пусть он ест глаза, пусть до боли ноют мышцы и глохнут уши от грохота! А вы знайте, двигайте! В конце концов крупные глыбы найдут свои большие отверстия, средние камни — средние отверстия, а камни поменьше — отверстия поменьше. Песок просыплется, пыль унесет ветром, и в конце трудового дня вы увидите чистые кучи камней, из которых можно строить прекрасные шоссе и дома. Но ни в коем случае не давайте решету остановиться ни на миг!

«ПРОСИМ СООБЩИТЬ СВОЕ МНЕНИЕ»

Еще в то время, когда Эшкол заведовал финансами Сохнута, а еще больше, когда он стал министром финансов, у нас начали увлекаться «научным» подходом к хо-

зяйственным проблемам, и пошла мода на экономистов и хозяйственных советников. Правда, тогда, в начале пятидесятых годов, еще не было в помине «питомцев» профессора Патенкина. Всем заправляли экономисты, вышедшие из немецких и центральноевропейских школ, пожилые «герр докторы», получившие когда-то ученые звания в области политической экономии, излюбленной профессии состоятельных еврейских родителей в «доброе старое время» австрийского кайзера Франца-Иосифа.

Эшкол тоже увлекся модой, хотя здравым смыслом он чувствовал, что с этих советников давно уже «сыплется песок». В тот переходный период владычества ученых-политэкономистов он с поразительным терпением относился к длиннейшим диссертациям, испещренным множеством таблиц и пересыпанным, как подобает настоящим научным трудам, ученнейшей терминологией. А когда в стране замелькал совершенно новый тип молодого израильского экономиста, Эшкол ухватился за них, как говорят, обеими руками и с радостью заполнил таковыми свои отделы.

Эшколу не было никакого дела до «научного обоснования» нашей работы по расселению иммигрантов, развитию водного хозяйства и так далее. Я хорошо помню, как нас, бывало, осеняла какая-нибудь новая идея или какой-либо проект, и мы все это тут же записывали. Затем направляли наши наброски дежурному советнику по экономическим делам с приложением письма за подписью Эшкола, заканчивающегося, обычно, словами: «Просим сообщить свое мнение».

Когда я давал Эшколу на подпись такой набросок, где речь шла, как правило, об идее, которой он дорожил, Эшкол обычно собственноручно добавлял к концовке «просим сообщить свое мнение» еще словечко «положительное».

И удивительное дело! Всегда наши наброски возвращались к нам солидно и учено оформленные, обоснованные расчетами и, конечно, с положительным отзывом.

БИМ-БОМ-БОМ

Я изъездил с Эшколом десятки тысяч километров по дорогам и проселкам страны. Наша машина всегда была

битком набита людьми — ответственными работниками, местными деятелями, а то просто так евреями, которых мы подбирали в пути.

Днем коротать время в дороге — не составляло проблемы: можно читать почту, обсуждать злободневный вопрос, провести небольшое совещание в машине. Другое дело ночью, когда мы после утомительного трудового дня возвращались в Иерусалим. Тогда я обычно садился за руль нашего черного «Паккарда» и нажимал на стартер. Специального шофера у нас, конечно, не было, и мы сидели у руля попеременно.

Эшкол был из тех, кто дремлет в дороге. Однако тогда еще не существовало специальных лампочек в машинах, которые не мешали бы водителю. Поэтому читать докладные и всякую прочую почту — было невозможно. Да и вряд ли у нас хватило бы сил на это.

В таких случаях Эшкол, обычно, напевал про себя. Был у него один напев, заученный в хедере и услышанный от хасидов в местечке: приятный такой, без слов, но ужасно однообразный — бим-бом-бом, бим-бом-бом, и так без конца. Эшкол, бывало, бимбомничал десятки километров и думал при этом. Если у него возникала какая-нибудь новая мысль, он останавливался, советовался со мной, потом снова принимался за свой бим-бом.

Обычно, через полчаса такого бимбомничанья, когда я, бывало, умоляю его:

— Эшкол, да пожалейте же вы меня! Спойте что-нибудь другое! Ваш «бим-бом» действует на меня снотворно, и я вот-вот усну за баранкой!

— Ладно, извините меня, — отвечал обычно Эшкол, — я сейчас спою что-нибудь другое.

И он начинал подыскивать другую мелодию, напевал что-то похожее на старую халуцианскую песенку: «Здесь, в стране чаяний наших предков», но пока он добирался до припева: «Ниру, нир, нир, нир; Ширу, шир, шир, шир» мелодия как-то сама собой звучала опять как «Бим-бом-бом».

— Эшкол, опять у вас бим-бом!

— Неужели? Ай-ай-ай, — спохватывался Эшкол. — Ты скажи, пристал как банный лист. Сейчас спою что-нибудь еще.

Эшкол начинал напевать «Ввысь, в горы, ввысь, в

горы!», но не доходя до заключительного «дерзайте!», он опять соскальзывал на бим-бом-бом.

— Эшкол, — перебивал я его, — и эту мелодию вы превратили в «бим-бом».

— Ну, — вздыхал Эшкол, — Шаляпин из меня уже не выйдет. А тебе судьба такая выпала на долю, слушать этот напев. И еще долго придется.

Вскоре я и сам начал подтягивать этот бим-бом-бом, и мы пели в два голоса — до самого дома.

ПАЛЕЦ

Еще в первые дни совместной работы с Эшколом я заметил, что один палец его левой руки короче других, словно отхватило кусок острым ножом.

Мне было неловко спрашивать его, как и когда он потерял полпальца. Про себя я думал, что это случилось, должно быть, накануне первой мировой войны, когда Эшкол, молодой, стройный и сильный красавец приехал из России в Эрец Исраэль. Я знал, что он стойко боролся за «освоение еврейского труда» в Эрец Исраэле и пользовался славой «человека-бульдозера» среди рабочих второй волны иммиграции. К тому же он участвовал и в самообороне, то и дело отправлялся добровольцем в еврейские вооруженные отряды.

Может быть, в борьбе со скалами или в бою с арабами и потерял он свой палец?

Потом уже, когда мы сошлись с ним ближе и подружился, я спросил его о пальце и высказал заодно свои предположения. Эшкол рассмеялся. Его рассказ был куда менее «героичным». В детстве он жил с родителями в большом имении на Украине. Бывало, бегал с крестьянскими детьми в поле и возился там с сельскохозяйственными машинами. Однажды он засунул руку в молотилку, когда та работала, и полпальца ему тогда и отсекло.

Эшкол добавил: — Ты думаешь, не нашли практического применения для моего изуродованного пальца? Так вот, послушай. Когда я поселился в кибуце Дегания-бет и зажил с семьей, меня то и дело призывали на общественную работу: в Хагану, в сельскохозяйственный центр и так далее. Однако, в конце недели я возвращал-

ся домой, и тогда одной воспитательнице пришла в голову мысль. Она приглашала меня в детский садик и демонстрировала мою руку малюткам, поясняя: «Вы видите, ребята, что получается, если целый день сосать палец? Вот папа Двойреле тоже сосал палец, когда был маленьким. Сосал, сосал, пока половину не высосал».

— Это был мой вклад в дело воспитания детей в Дегании-бет, — закончил Эшкол свой рассказ.

Глава 6

«ЛОКШИ» И «БЛОКОНЫ»

Если «маабарот» были все же каким-то временным выходом из положения для людей в окрестностях больших городов и сел, то в деревнях дело обстояло куда сложнее.

С одной стороны с тех пор, как кончилась война, у нас совершенно пустовали огромные участки пригодных для сельского хозяйства земель: в Галилее, в долине Бейт-Шеан, на севере и на юге Саронской долины, в иерусалимских горах, в южной низменности, в Негеве. С другой стороны, «маабарат» и лагеря были битком набиты людьми, у которых не было ни малейшей сельскохозяйственной подготовки. Как спарить эти два явления в одно? Мы знали с самого начала, что эти иммигранты, по крайней мере, подавляющее их большинство, не согласятся пойти в кибуц.

Евреи Восточной Европы, которым «коллективный» образ жизни, навязанный многим из них в советских колхозах и совхозах в дни эвакуации, надоел как горькая редька; люди, потерявшие свои семьи, создавшие новые семьи и народившие детей в не совсем подходящем возрасте, в неподходящем месте и в неподходящее время, и мечтающие теперь только об одном: создать себе маленькое, отдельное семейное гнездо; от таких людей нельзя было, конечно, требовать, чтобы они отправились тысячами в кибуцы.

Кибуцы, не без нашего поощрения, делали все, что было в их силах для привлечения людей. Немало нашлось желающих, в особенности среди представителей

гордых когда-то халуцианских молодежных движений в странах Восточной Европы, но все же таких было мало.

Евреи Северной Африки, Йемена, Ирака, Ирана и прочих стран мусульманского Востока, со своими многодетными семьями, стариками и инвалидами, эти патриархальные семьи, чей жизненный уклад далек от нашего, как небо от земли, и вовсе не годились для кибуцов.

Все это, естественно, толкало нас избрать второй тип сельскохозяйственного поселения, созданный в стране еще до завоевания независимости, — мошав. Правда, и мошав построен не в малой степени на взаимной помощи, на кооперации как производственной, так и сбытовой, но зато мошавник имеет свой собственный дом, а также свой земельный участок. Вот где можно применить библейский стих: каждый в своем винограднике, каждый под своей смоковницей.

Мы решили пойти по этому пути и сделать его основным в деле сельскохозяйственного поселения новых иммигрантов.

Вначале, то есть в 1949—1950 годах, мы действовали по двум направлениям: организовывали группы иммигрантов, которые должны были поселиться в новые мошавы, и одновременно с этим мы принялись за разработку типовых проектов для самих мошавов.

Мошавное движение в стране тоже включилось в дело, мобилизовало несколько своих старых членов, основателей Нахалала, Кфар Иехезкиэля, Бар-Тувии и других мошавов, для просветительской деятельности и вербовки будущих мошавников среди новых иммигрантов. С помощью работников Сохнута начало создаваться «ядро» будущих мошавов, то есть группы, состоящие из нескольких десятков семейств, выразивших согласие поселиться в деревне и заняться сельским хозяйством.

Наряду с этим, проектировщики, инженеры и архитекторы начали разрабатывать типовые проекты домов, усадеб и целых деревень. Старые мошавники принимали активное участие в разработке таких проектов.

Сразу возникли ожесточенные споры по поводу того, как именно должна выглядеть деревня: должен ли участок, который будет обрабатываться мошавником, находиться непосредственно около его дома, или же вокруг дома должна быть только небольшая усадьба с хо-

зяйственными постройками, но сам участок — за деревней? Если участок будет около самого дома, то неизбежно увеличится расстояние между дворами, и деревня раскинется на большое пространство. Наоборот, если дом будет оторван от участка, а усадьба составит не больше двух-трех дунамов, то расстояния между дворами сократятся и деревня будет более компактной.

До образования государства в стране была тенденция «компактности». Не столько благодаря проектировщикам, сколько, главным образом, из соображений централизованного приобретения земли в дни мандата. Трудно, а порой и невозможно было сконцентрировать все участки около дворов, да и соображения безопасности диктовали возможно большую компактность поселков. Старым мошавникам немало пришлось натерпеться на своем веку от отдаленности участков, а также от слишком большой скученности домов. Теперь все это накопившееся годами недовольство прорвалось наружу. Они хотели избавить новых иммигрантов от таких же неприятностей и настаивали, чтобы участки были расположены тут же возле дворов: тогда хозяину не придется терять время на дорогу в поле, а жена и дети смогут помочь в полевых работах.

Проектировщики же и архитекторы толковали со своей стороны, что большие расстояния между усадьбами нарушат внешний вид и ансамбль села, удлинят дороги, тротуары и коммуникации. Женам и детям придется далеко ходить в магазин и школу.

Были, правда, среди мошавников и такие, которые высказывались за компактность сел, а среди архитекторов — сторонники просторных сел.

Как всегда в таких случаях, спор кончился компромиссом.

В этом компромиссе, правда, перевешивала тенденция к «простору». Было дано указание архитекторам разработать типовые проекты с учетом того, что в каждой деревне поселится примерно сто семейств, а большинство земельных участков будет расположено возле дворов.

В результате получились продолговатые села, улицы которых тянулись порой на два километра и больше в каждое направление. Немедленно были придуманы и

клички для этого нового вида деревень: «рушник», «простыня», но под конец верх одержала кличка «локш», в точности передававшая главную особенность тянувшихся, как лапша, улиц.

Встал вопрос также о том, каким должен быть дом поселенца.

Ассигнования, конечно, были мизерные. Времени не было тоже, а инженеры предлагали такие проекты домов, что ни денег, ни времени для их постройки не было.

Под конец на свет божий появился двоюродный брат «временок», «жестянок», «полотнянок», а именно — «блокон». Это был четырехугольник длиной в шесть и шириной в четыре метра, построенный из бетонных блоков. В этом здании были две комнаты и небольшое помещение с одним краном, служившее одновременно и кухней, и умывальной. Пол — бетонный. Потолок — из какого-нибудь изоляционного материала, крыша — из красной черепицы. Во дворе — дощатая уборная, без канализации.

В общем и целом — довольно «гадкий утенок».

К концу 1949 года первые «ядры» были готовы к поселению на новых местах. Для поселенцев поставили палатки-временки в центре проектируемых сел, и они сами должны были построить себе «блоконы», которые будут служить им постоянным жильем. С каждым таким «ядром» отправлялся также инструктор или организатор из старых мошавников. Это были пожилые люди, которым давно уже перевалило за 50, а то и за 60, за спиной у которых были десятки лет изнурительного труда в сельском хозяйстве, и эти годы, конечно, наложили свой отпечаток как на их тело, так и на характер. Дубленые от солнца и ветра лица, сплошь в морщинах, тяжелая походка и неукротимое упрямство.

Они искренне хотели помочь иммигрантам, но не всегда находили с ними общий язык. Дело было даже не столько в языке, которого новички, конечно, еще не успели усвоить, а в той, казалось, непроходимой пропасти, которая разделяла понятия, духовный мир и чаяния тех и других.

Постоянное стремление старожилых рассказать новичкам о великих испытаниях, выпавших на их долю, когда они приехали в страну: лихорадке, голодухе, раз-

бойниках, вооруженных нападениях, засухе и так далее, — чаще всего только сердило новых иммигрантов, выходцев из стран Востока и бывших узников концлагерей. Этих неугомонных рассказчиков о былом даже нарекли «кешебатниками», от слова «кешебати» («когда я приехал»).

Поездки в старые мошавы, которые организовывали для новичков, чтобы они могли воочию убедиться, какого благосостояния можно достичь, поработав десятки лет не покладая рук, явились тоже психологической ошибкой. Новые иммигранты просто не верили, что эти прекрасные особняки, передовые хозяйства, роскошные цитрусовые и фруктовые плантации, были созданы кропотливым трудом буквально в пустыне. Им казалось, что все это богатство досталось хозяевам, что называется, со дня сотворения мира. Сравнение между старожилами с их цветущими мошавами, с одной стороны, и условиями, господствующими в «маабарот» и убогих «блоконах», — вызывали в новых поселенцах как раз неприязненные чувства. «Идеология» мошава тоже была чужда новым иммигрантам.

Один из новых мошавов был создан в долине напротив Тул-Карема, неподалеку от линии перемирия с Иорданней. Это место называлось раньше Бир-Борим; в дальнейшем оно было переименовано в Баротим.

Там поселили в палатках несколько десятков семейств, только недавно прибывших из Чехословакии. Стояла зима, и глиняная почва превратилась в сплошное месиво.

В один из первых вечеров мы приехали туда с группой деятелей «Движения мошавов». Поселенцы собрались в большой палатке, чтобы послушать нас.

Я сидел на деревянной скамье среди этих чешских евреев, одетых в тяжелые «шинели» и обутых в резиновые сапоги, сплошь покрытые грязью. Наш представитель встал и начал читать на иврите доклад о мошавном движении и о принципах мошава. Однако язык не был понятен поселенцам, и вскоре он перешел на идиш. Но и его идиш они не понимали. Эти евреи даже идиш знали плохо, во всяком случае язык нашего представителя они не понимали. А он, между тем, говорил с воодушевлением — то и дело вставляя высказывания и

цитаты из трудов основателей рабочего движения в стране, в особенности Берла Каценельсона. Более того, он даже привез с собой в подарок новым поселенцам собрание сочинений Берла на языке иврит: 12 томов, в которых он постоянно рылся, чтобы прочитать вслух множество цитат, то и дело подчеркивая, что он оставит эти тома в подарок новому поселку. В его выступлении так и мелькали слова «Берл Каценельсон» и «подарок».

Один из поселенцев, сидевший рядом со мной, нагнулся ко мне и спросил на своей окрошке из немецкого, чешского и идиш:

— Простите, пожалуйста. Правильно ли я понял, что докладчик говорит об агрономе Каценельсоне?

— Нет, — ответил я. — Он говорит об идеологе и вожде Каценельсоне.

— Жаль, — сказал мужчина, — я думал, что он говорит об агрономе Каценельсоне, и что он привез нам книги о выращивании овощей.

...На первых порах мы частенько сталкивались с множеством совершенно непридвиденных трудностей.

Во время одной из наших многочисленных поездок с Эшколом мы побывали в Яхини, расположенной на севере Негева. Сюда привезли выходцев из Йемена, недавно прибывших в страну на «ковре-самолете». Мы приехали в поселок в самый разгар кампании по переселению семей из палаток в только что построенные блокины.

Мы зашли в некоторые дома, чтобы посмотреть, как люди устраиваются в блокнах. Йеменцы, — поджарые, ловкие, и смышленные люди, приспособились к своему новому положению благодаря своей гибкости гораздо легче представителей других общин. Они быстро научились также разбираться в лабиринте «еврейской» бюрократии, которую им навязали, и находить в нем своеобразные щели и выходы.

После обхода мы собрали поселенцев, инструкторов и работников Сохнута в Негеве для беседы. Большая часть беседы ушла, конечно, на жалобы, тяжбы, просьбы и претензии поселенцев к нашим работникам.

И вот встает один из поселенцев, щуплый, бородастый мужчина с глазами, горящими как угли. У него, дескать, большая жалоба на «господ». «Господа» — это мы,

работники по устройству иммигрантов и инструкторы. Ему, — продолжает наш жалобщик, — выделили всего один блокон, хотя всем известно, что он привез с собой из Йемена двух законных жен, и у него, слава Всевышнему, четверо детей от одной жены и трое — от второй. Жены молодые, дети маленькие, как же все могут жить в одном блоконе? Где же справедливость? С ним обошлись не только несправедливо, но еще и мешают исполнению заповеди: «плодитесь и размножайтесь».

Один из инструкторов пояснил, что блоконы построены по принципу: один двор на семью. Если ему теперь дадут два дома, то ему достанутся и два двора, а это невозможно.

Йеменит внимательно посмотрел в нашу сторону и сразу понял, что на этот раз он имеет дело с «начальством» повыше его постоянного инструктора, и он может тут же добиться решения вопроса.

— Ваше честь, вот вы говорите и пишете, что чем больше детей у иммигранта, тем лучше. Мы прямо молимся все, чтобы было больше детей. Ну так вот: если вы мне дадите еще один блокон, то я смогу заключить с вами договор...

— А именно? — спросил Эшкол.

— Вы мне дадите еще один блокон, а я беру на себя обязательство дать родине по двое детей ежегодно.

Он подумал немножко и добавил:

— По меньшей мере, двое.

Кончилось тем, что йеменит все-таки добился еще одного блокона. Пришлось приравнять его к «специалистам» и выделить еще один блокон, построенный без земельного участка для «специалистов».

Несколько месяцев спустя мы получаем вдруг приглашение на «брит-мила» от того еврея; инструктор приписал к приглашению несколько слов, поясняющих, что это первый взнос за «рассрочку».

Глава 7

БИТВА ЗА ХАЦАВ

За три года нашей работы в стране выросли сотни новых населенных пунктов, большинство — мошавы, на-

селенные новыми иммигрантами. Блоконы покрыли всю страну — от гор Галилеи и до низменностей Юга и Негева. И на этой земле иммигранты вели нелегкую борьбу за приспособление. На первый взгляд казалось, что мы боремся с ними плечом к плечу. На самом же деле получалось, что они воевали и против нас. Мы были «начальством», то есть — источником всех бед, обрушившихся на их голову.

В те дни в Израиле царила нужда, была карточная система. Это были дни кефира и трескового филе. Овощи и фрукты можно было достать только с большим трудом. В новых селах господствовало тяжкое недовольство. Ссоры, драки, случаи бегства были обычным явлением. Яростно воевали между собой общины, семьи, синагоги разных толков, а все вместе — с работниками Сохнута и инструкторами.

Приходилось брать на себя функции пожарников. Мы метались из одного поселка в другой, вооруженные своим незамысловатым противопожарным оборудованием: дополнительная смета на благоустройство, обещания, хладнокровие, много, много терпения и сердечности. Часто ничего у нас не получалось. Озлобленные поселенцы покидали села, и мы привозили на их место группы новых иммигрантов.

В один из зимних дней 1952 года — третьего года массового заселения — к нам явилась группа жителей нового мошава Хацав, расположенного к югу от Гедеры. Люди часто приходили, чтобы излить перед нами свое изболевшееся сердце, и мы к этому уже привыкли. Однако эта группа поселенцев, сидевшая в коридоре, дожидаясь своей очереди, произвела на меня особое впечатление. На этот раз речь шла преимущественно о молодых людях, стройных и ладных парнях, спокойных и грустных. Они не кричали и не топали ногами. От имени всей группы говорил один парень, которого звали Бенцион Халфон. Он рассказал, что в мошаве Хацев люди прошли уже через все муки переселения и трудоустройства. Жители мошава уже не жалуются и не «бузят». Они знают, что мы люди занятые, но все равно они не вернутся в мошав, не поговорив с нами и не излив нам свои жалобы.

У меня просто не хватило совести отослать их ни с чем. Я вызвал к себе Леви Аргова, друга и товарища

еще по нелегальной работе, ответственного теперь за район Реховот, в котором находился и мошав Хацав.

Леви коротко рассказал мне, что происходит в Хацаве. Рассказ был малоутешительным. Мы попросили группу из Хацава в кабинет и приготовились выслушать их претензии. Бенцион Халфон, парень лет двадцати, рослый и черноволосый, с очень живыми черными глазами, говорил от имени всех.

...Вот уж год в Хацаве проживает около семидесяти семейств, приехавших из Ливии. Жилье уже построено. Они получили от Сохнута немного труб для оросительной системы, коров, мулов, сельскохозяйственный инвентарь. Дела пока идут неважно: они еще не научились как следует возделывать землю, не привыкли и к скоту этих пород; однако среди поселенцев много таких, кто готов любыми усилиями освоить сельскохозяйственную науку и научиться возделывать землю, на которой они сидят.

Однако, к сожалению, в селе взяли верх отдельные иммигранты, которые стремятся только к одному: продать все, что они получили от Сохнута, на «черном рынке», а затем покинуть деревню и переехать в какую-нибудь «маабара» или в какое-нибудь городское предместье.

Бенцион объяснил нам, что «те» составляют в деревне большинство. Верховодят несколько сильных глав семейств, которым подчиняется около пятидесяти семей. Тех же, кто им не подчиняется, они всячески преследуют, оскорбляют, избивают, издеваются над ними, упрекая в том, что они берегут доверенные им инвентарь и имущество.

— Короче, мы не живем, а мучаемся, — закончил свой рассказ Халфон.

Мы сразу поняли: если немедленно не принять меры, то село совсем распадется. Леви Аргов подтвердил все, что рассказал Халфон. Он добавил, что инструкторы из старых мошавников, направленные в Хацав, ничего не смогли сделать. Хулиганы угрожали им и под конец совсем прогнали их из села. Он сам был в деревне десятки раз, изо всех сил пытался исправить положение, но ничего не получилось и у него. Он тоже считает положение отчаянным.

Мы чуть ли не решились предложить меньшинству

покинуть Хацав и поселиться в другом месте. Нам уже не раз попадались такие безвыходные случаи. Когда окончательно выяснялось, что дело гиблое, мы просто сидели и ждали, пока село совсем опустеет, и тогда привозили новую группу иммигрантов.

Вдруг я почувствовал, что на этот раз такое решение явится страшной обидой для делегации. Я и сам почувствовал глубокую обиду. Что здесь, собственно, происходит? Неужели эти замечательные парни, которые полны решимости остаться в мошаве и возделывать его землю, неужели именно они должны покинуть село и оставить его на произвол той банды хулиганов? Где же правда? Неужели мы допустим такой произвол? Я прямо кипел от гнева. Пошел к Эшколу и сказал ему:

— Дайте мне отпуск на несколько дней. Я хочу поехать туда и разобраться во всем этом деле лично. Отложим решение, пока я вернусь.

Эшкол, знакомый уже с моим упрямством, не стал долго препираться со мной.

— Ладно, поезжай. На месте посмотришь, что можно спасти от этого пожара.

Я объявил Халфону и его товарищам, что завтра буду в Хацаве и попросил, чтобы они попридержали язык и не рассказывали людям «большинства», что приезжает «сам помощник Эшкола». Я приеду в качестве нового инструктора.

Я предупредил их также, чтобы не строили себе иллюзий. Посмотрим, что можно сделать, а там уж решим. В глазах парней засверкала надежда. Они хватались за этот шанс, как утопающий за соломинку.

Наутро я приехал в мошав, и поселившись в пустом конторском бараке, начал присматриваться к тому, что здесь происходит.

Мошав Хацав или «Новая Масмия», как его еще называли, был построен в прекрасном месте: у самого шоссе, ведущего от Гедеры до поворота в сторону Масмии. Однако в тот день село выглядело серо и тоскливо, как зимний воздух, окутывавший его. Село раскинулось широко — буквой П. Вдоль длинных улиц маячили голые и убогие блокины. Около некоторых домов жильцы построили какие-то сарайчики из жести и всевозможных других отходов. Это еще больше портило вид деревни.

Водопроводные трубы валялись во дворах, поля лежали заброшенные и всеми забытые. Во дворах стояли хозяйственные постройки: бетонные шалаши, которые должны были служить конюшнями или сараями для скота. В некоторых сараях стояли коровы и мулы; вид у них был весьма неказистый. В других дворах хозяйственные постройки пустовали. Я хорошо помню, как выглядели эти коровы, когда их привезли из Америки: мы на них прямо наглядеться не могли.

Мы, «начальство», не только не были готовы принять и расселить такую волну новых иммигрантов, но, создавая десятки и сотни поселений, мы каким-то странным образом забывали и о их трудностях. Мы действовали по рутине и, хоть и не желали того, но сильно провинились перед ними.

Почему-то нам казалось, что мы имеем дело со старыми поселенцами, людьми Нахалала или Кфар-Иехезкиэля. Мы передали им скот и недвижимое имущество, словно они были старые и опытные земледельцы. Мы привезли в те годы сотни замечательных породистых коров из Соединенных Штатов и раздали их новым мошавам.

Из Израиля в Соединенные Штаты отправлялись специалисты по крупному рогатому скоту, там они тщательно проверяли и отбирали коров, обращая внимание на их упитанность и родословную. По прибытию в Израиль коровы подвергались дополнительному ветеринарному осмотру и лишь лучшие из лучших были доставлены в новые мошавы.

Большинство поселенцев сроду не видели таких коров. Каждая корова казалась слоном. Сложный уход за этими крупными, но деликатными животными оказался им не под силу. Бедные коровы и бедные люди!

Еще хуже обстояло дело с мулами. Наши специалисты решили, что пахать новые мошавники будут на мулах. И уж если мулы, то купить, конечно же, надо самых лучших, самых крупных и сильных. Немедленно за границу выехали агенты, специалисты по мулам. Специалисты эти нашли в Югославии прекрасную породу мулов, каждый мул — ростом с кедр, а по силе — лев. Купили специалисты сотни таких крупных мулов и раздали их мошавам.

В большинстве мошавов в то время еще нечего было пахать. Однако мулы стояли на конюшне, нагоняя страх на хозяев. Это огромное животное с мощными копытами требовало много дорогого корма. Когда с ним обходились не так, оно становилось норовистым, било копытами и вообще выходило из себя. Не раз наши инструкторы находили по утрам корову или мула, привязанных к воротам: поселенцы просто хотели избавиться от такой «напасти».

Не только прекрасным скотом, но и первоклассным сельскохозяйственным инвентарем снабдил неисчерпаемый Сохнут поселенцев. Мы ведь составили свои сметы, основываясь на данных передовых старых хозяйств. То, что хорошо для Кфар-Виткин, подавно хорошо для Хацава, думали мы. Мы завезли в мошавы сотни тракторов: «фордсоны», «кэтерпиллеры»; купили комбайны марки «Элис Чалмерс», «Джон Дир». Мы даже не подумали о том, что пахать пока еще нечего, а убирать и подавно. А мы не унимались: привозили все новое и все более сложное оборудование, требующее больших технических знаний. Вершины мы достигли так называемыми «перкварами», опрыскивателями, построенными по последнему слову техники. Это был огромный бак на колесах, окрашенный в желтый цвет, который прицепляли к трактору. От бака шло множество рукавов веером, а из этих рукавов шли десятки тоненьких струй. Смесь для опрыскивания получалась автоматически, а подача регулировалась контрольным устройством. Такую дорогую машину, предназначенную, главным образом, для плантаций, мы завезли в каждый новый мошав. В поле не видеть еще травинки, не говоря уже о фруктовых плантациях, но «перквар» уже красуется в центре села. В лучшем случае эти машины служили забавой для детей, устроивших себе из них качели; им находили, однако, и другое применение, как, например, в Хацаве.

Все это имущество, как скот, так и инвентарь, выдавался мошавам без всякой расписки. Так делали тоже из лучших побуждений. Ведь и в прошлом, лет тридцать-сорок назад первые поселенцы тоже не расписывались в получении имущества, которое им передавалось. Это считалось «неприличным», «неприятным». Теперь тоже никому не пришло в голову брать расписки с

поселенцев. Мы находились в плену наших добрых, старых понятий. В крайнем случае мы брали расписку от «комитета мошав». Эти «комитеты» были, однако, весьма призрачными учреждениями: не успели их создать, как они тут же прекратили свое существование.

...И вот я хожу по деревне. Везде наталкиваюсь на неприязненные и настороженные взгляды. Вечером я пошел к Бенциону. Меня накормили ужином, а то я сильно проголодался за день. В 10 часов вечера мы с Бенционом вышли из дома. Он сказал:

— Я думаю, сегодня ночью мясники явятся тоже. Мне очень хочется, чтобы вы увидели все собственными глазами.

Мы тихонько пересекли шоссе и спрятались на старой заброшенной плантации. Прошел час. Вдруг со стороны Реховота подъехал грузовик и въехал на плантацию. При свете луны мы могли увидеть силуэты мужчин, направляющихся из деревни к грузовику. Они тащили за собой корову.

— И вот так каждую ночь, — сказал Бенцион. — Это мясники «черного рынка». Они приезжают сюда из Реховота, Бет-Дегана и Эзора и покупают коров.

Это были дни, когда с продовольствием было трудно и действовала карточная система. «Черный рынок» расцвел повсюду.

— Сколько коров уже продано таким образом? — спросил я шепотом.

— По меньшей мере штук двадцать. При таком темпе в Хацаве через месяц не останется ни одной коровы. Трубы, жесты и даже древесная плита и черепица продаются прямо среди бела дня. Завтра вы сможете увидеть, как в мошав приезжают перекупщики строительных материалов и покупают все, что попадает под руку.

Со строительными материалами тогда тоже было очень трудно. Мы вернулись в мошав.

Я пробыл в селе три дня и хорошо изучил улицы и дома «главарей». Некоторых я знал уже в лицо, а фамилии узнал у Бенциона и его товарищей. Выяснилось, что пятеро собирают материалы, предназначавшиеся для продажи, у себя дома, и они-то являются посредниками между спекулянтами «черного рынка» и мошавом.

После своей учебной командировки я поехал с Леви

Арговым в отделение полиции Гедеры. Начальником отделения был Арье Нир. Он ничуть не удивился и сказал:

— Я знаю, что там происходит в Хацаве. Впрочем, Хацав у нас — не одиночка. Есть у него братья и сестры во всей округе.

— Но у меня имеются проверенные доказательства, и я прошу, чтобы вы выехали и арестовали тех, кто продает наше имущество.

— Ваше имущество? — с горечью воскликнул Арье Нир. — Где написано, что это ваше имущество? У вас есть какой-нибудь документ на руках, подтверждающий, что коровы и трубы собственность Сохнута?

И, покачив головой, он добавил:

— У меня есть указание из штаба не вмешиваться в эти дела. Теперь это в стране настоящая эпидемия. Если у вас нет доказательств, что это ваша собственность, то, значит, — это собственность поселенцев и они вольны распорядиться ею, как им вздумается.

Я поехал в штаб полиции, в Тель-Авив. Пошел к заместителю начальника Кути Керну. Выложил перед ним всю историю.

Он покачал головой:

— Нет, мы не можем таскать для вас каштаны из огня. Вы сделали огромную глупость, когда раздали имущество на миллионы фунтов без расписки и гарантий. Вы сначала сами исправьте ошибку, только тогда у нас будет законное основание вмешиваться.

Я вернулся в Реховот и посоветовался с Леви. Леви говорил, что зараза спекуляции распространяется все больше и больше, и если ей не будет положен конец, то развалятся десятки мошавов.

— Винить новых поселенцев не приходится, — добавил он. — Тузы «черного рынка» в селах — не какие-нибудь новые иммигранты, а старожилы и даже сабры; это они объезжают мошавы и соблазняют новичков деньгами и чем угодно. Тут устоять трудно.

— Хорошо, — ответил я Леви. — Я предложу Эшколу, когда вернусь, что нужно срочно и со всей решительностью собрать с поселенцев расписки за переданное имущество, чтобы мы могли обратиться в полицию. Но пока так останется, что станет с Хацавом?

— Знаешь что? — сказал я, подумав немного. — Я

предлагаю изъять насильно из мошава весь скот и весь сельскохозяйственный инвентарь, который там еще остался. Когда мошаву нечего будет больше продавать, нам легче будет избавиться от «главарей», связанных с «черным рынком», и их сторонников.

Леви удивленно посмотрел на меня.

— То есть, как это — насильно? Те времена миновали. Теперь мы живем в законном государстве. А силы ты где возьмешь? Полиция вмешиваться не станет.

— Надо будет организовать другую силу, — ответил я, — Мы привезем с собой ребят. Где-то нужно дать бой. Это не только оздоровит обстановку здесь, но и послужит предостережением другим. А главное — будет поднят вопрос, и начнут теперь оформлять все по закону. Если теперь не поднять шума, то конца краю этому не будет.

Мы принялись энергично организовывать операцию.

Леви мобилизовал несколько молодых инструкторов из района. Я поехал в поселенческий отдел в Тель-Авиве и провел срочное совещание с Абрамом Икаром, который когда-то состоял одним из руководителей Хаганы, а теперь ведал делами гражданской обороны в новых населенных пунктах, главным образом, пограничных. У Абрама Икара, суховатого, крепкого мужчины всегда под рукой были ребята из предместий, готовые на любое дело.

После краткого обсуждения мы решили, что он захватит с собой с десяток своих ребят. Нам нужны были еще грузовые машины с шоферами. Их мы мобилизовали в транспортных конторах, где работали друзья, которых можно было посвятить в нашу тайну.

Накануне операции, в четверг, 21-го февраля, весь «отряд» собрался в служебных помещениях поселенческого отдела в Реховоте. Я изложил им цель и план операции.

Цель: изъять одним внезапным ударом из нижепоименованных дворов коров, мулов, трубы и сельскохозяйственный инвентарь, молниеносно погрузить все на машины и перевезти на склады Сохнута в Црифин.

Боевой состав: Отряд по изъятию имущества, состоящий из инструктора Леви, — 18 человек. Отряд для прикрытия в составе «ребят» Абрама Икара — 14 человек.

Транспортный отряд, состоящий из пяти грузовых автомашин, — 10 шоферов и их помощников.

Командует операцией: пишущий эти строки, Абрам Икар и Леви Аргов.

Я повесил на стену большую карту Хацава: пять домов, подлежащих «экспроприации», были помечены красным, подъездные пути к ним — черными стрелами.

Я сказал ребятам:

— Нам нужно использовать прежде всего элемент неожиданности и покончить со всей операцией прежде, чем люди придут в себя. Наша колонна выедет отсюда в 4.30 утра и на рассвете мы будем уже на месте.

После инструктивного совещания я поехал в полицию к Арье Ниру и сказал ему:

— Арье, завтра утром я отправляюсь с Абрамом Икаром и Леви Агровым погулять по Хацаву.

— Очень интересно, — сказал Арье улыбаясь. — Но зачем ты мне об этом рассказываешь? Ведь тебе не нужен полицейский экскурсовод для этой прогулки.

— Боже упаси! Переулки Хацава мне очень хорошо знакомы. Я не прошу также ни о какой иной помощи. Я буду, однако, очень благодарен, если ваш джип с несколькими полицейскими будет ездить взад и вперед по главному шоссе, начиная с половины шестого утра.

— А зачем тебе там полицейский джип? — спросил Арье.

— Арье, — ответил я. — Мы вступим в пререкания с кое-какими нашими поселенцами, в теоретический спор, так сказать, о судьбе находящегося в их руках имущества. Ты знаешь, слово за слово, все мы темпераментные евреи, вдруг кто-нибудь даст волю рукам, а это, как я понимаю, уже касается ваших функций.

— Это точно. Драки — это наш хлеб насущный!

— Вот я и предлагаю быть наготове. Чем черт не шутит? Может и придется вам утром разнять дерущихся.

В ту пятницу 22 февраля утро выдалось пасмурное и туманное. Наша колонна въехала в деревню, когда все еще спали и, конечно, разбудила жителей. В окнах появились полусонные лица еще не совсем проснувшихся поселенцев. Наши силы быстро рассыпались по деревне, строго по плану. Инструкторы и ребята Абрама Икара

спрыгнули с машин и принялись собирать и погружать в машины инвентарь и скот.

Я и Абрам Икар, а с нами еще с десяток людей направились ко двору Якова Реувена, главаря шайки.

Дом Якова Реувена стоял поодаль от центра мошавы. Пока мы добирались до дома, старик успел собрать во дворе свою многочисленную родню. Когда мы подошли к забору, положение уже было сложное: перед нами у ворот, ведущих во двор, стоял сам Реувен и три его сына-силача. За их спиной, так сказать, на «второй линии» — еще десяток мужчин. А позади мужчин — десятка два женщин и детей разного возраста. Женщины галдят, визжат и ломают руки.

Я сказал старику:

— Мы из Сохнута. Мы пришли вывезти со двора коров, мулов и трубы, которые вы от нас получали и теперь разбазариваете.

Старик устремил на меня свои колющие глаза и ничего не сказал. Вместо него ответил один из сыновей.

— Никто во двор не войдет и никто ничего не возьмет. Все это наше.

— Лучше вам не мешать, — ответил я. — Как только мы заберем имущество, вы сможете убираться восвояси. В Хацаве нет для вас места!

— Если кто ступит во двор, мы его тут же убьем, — ответил один из сыновей.

В подтверждение его слов все трое замахали вилами, выхваченными из навозной кучи у сарая. Мужчины позади них тоже были вооружены — кто рукояткой от кирки, кто кайлом или другим инструментом.

Воцарилась короткая напряженная тишина. Краем глаза я видел, что во всех остальных местах операция проходит более или менее гладко. Я шепнул Абраму, чтобы он послал кого-нибудь из своих людей за подкреплением. Мне сразу стало ясно, что если нам не удастся сломить сопротивление Якова Реувена и его родни, то все пойдет насмарку. Я понял также, что без потасовки мы ничего не добьемся и что кому-нибудь надо сделать первый шаг.

Я подождал, пока бегом примчались ребята Абрама Икара и шепнул Абраму:

— Я ударю ногой в калитку и попытаюсь ворваться

во двор; как только на меня поднимут вилы, вы ворветесь и ударите. Я полагаюсь на тебя и на твоих людей, бить надо сильно и «сухо». Кровопролития не должно быть!

— Не беспокойся, — ответил Абрам. — Ребята опытные.

Я приблизился к забору. Я был один, но у меня не было другого выхода: кто-то должен был начать. А ведь я же «заварил» всю эту кашу!

Ногой я пнул деревянные ворота и очутился лицом к лицу со стариком. Старший сын поднял вилы и изо всех сил опустил их. Я инстинктивно протянул руки, чтобы поймать опускающиеся на меня вилы, но при этом острое вил глубоко вонзилось в мою руку, брызнула кровь.

Ребята Икара тотчас же перескочили через забор. Разъяренные видом крови, за ними кинулись и инструкторы. Все немедленно набросились на членов семьи Реувена.

Моя рука сильно болела. Один из инструкторов пытался перевязать ее сорванной с себя рубашкой, но кровь не останавливалась.

Тем временем потасовка продолжалась. Я видел, что наши ребята делают свое дело как следует — одного за другим они валили наземь людей Реувена. Оглушающий женский визг сопровождал весь этот «спектакль».

Один из инструкторов посадил меня в машину и вывез из деревни. На шоссе мы встретили полицейский джип, спешивший в село. В Гедере мне оказали первую помощь, а оттуда повезли в Тель-Авив, в Гадасу.

Дежурный врач осмотрел рану и спросил, откуда она. Мне не хотелось пускаться в подробности. Я сказал, что работаю в новых поселениях и во время работы споткнулся, упал на вилы и поранил руку.

Мне сделали укол против столбняка, и врач позвал хирурга. Тот сделал все, что надо, и после перевязки посоветовал мне лечь в больницу на несколько дней.

В тот же день пополудни я уже был в Хацаве. Полиция прекратила «драку», и в селе воцарилась напряженная тишина. Я нашел наших людей в конторском бараке. Абрам рассказал мне, что сопротивление во дворе длилось всего несколько минут, и что весь скот и инвен-

тарь вывезены на склад в Црифин. Операция удалась на славу: «потери» были минимальные, всего один раненый — я сам. Зато шайка была разбита наголову.

В субботу к нам в Реховет приехал Бенцион Халфон и рассказал, что в деревне полнейший переполох. «Они почти все готовы покинуть мошав и поселиться в городе. Мы посоветовались с работниками отдела устройства и попросили, чтобы кто-нибудь из них присоединился к нам на следующий день, но чтобы у него был список городов, которые мы могли бы предложить на выбор желающим переехать. Мы попросили также, чтобы этого работника снабдили полномочиями для решения тут же на месте всех вопросов, связанных с переездом людей на новое место.

В воскресенье утром мы выехали в Хацав. Мы расположились в конторе и начали вызывать по списку глав всех семейств. Тридцать с лишним семей согласились оставить мошав тотчас же, без всяких жалоб и претензий и получить квартиру в городе. Большинство выразило желание переехать в Реховот.

В ходе бесед с этими людьми нам стало ясно, что мерить всех одной меркой нельзя. Часть из них просто следовала за главарями и теперь, искренне раскаиваясь, выразила готовность остаться в мошаве и вести себя «как положено». Более того, даже некоторые из главарей, и прежде всего семейство Якова Реувена, предстали перед нами за спокойной беседой в совершенно ином свете: это были предприимчивые люди, тертые, правда, но мужественные. Старик, например, так и не явился на вызов. Он послал своих сыновей. Гордость не позволяла прийти на беседу с теми, кто только третьего дня напал на него.

Я подумал: чего мы хотим от этих евреев? Разве они виноваты в том, что в Израиле нельзя достать того и этого, что существует карточная система? Разве они виноваты в следствиях закона спроса и предложения в израильской экономике 1952 года? Разве не соблазняли их спекулянты «черного рынка», используя в корыстных целях их положение? И, наконец, обвинять во всем стрелочника, это проще простого. Мы-то сами где были? Где была наша голова? Почему мы не взяли с них расписок за инвентарь? Сами же создали условия для разбазарива-

ния, а теперь виним во всем их!

Короче говоря, мы дали свое согласие на то, что не все семейства «большинства» обязаны покинуть село.

Мы посоветовались также с Бенционом, и он с товарищами, пожалуй, тоже поняли и согласились.

Из шестидесяти семейств уехало тридцать: те, кто либо не хотел, либо не мог остаться и заниматься сельским хозяйством. Половина семейств решила остаться, среди них и семейство Якова Реувена.

Однако покончить на том дело нельзя было. Мы предложили всем, решившим остаться, расписаться на документе, который тут же набросали и отпечатали во многих экземплярах на машинке. Для этого мы воспользовались фирменными бланками Сохнута, так сказать, для пушей важности. Никакой законной силы документ, не имел.

А вот и сам документ:

В поселенческий отдел Реховот

Обязательство

В соответствии с данными вам мною заверениями и на основе договоренности, достигнутой между нами сегодня, я заявляю следующее:

1. Я обязуюсь остаться в Хацаве и честно заниматься сельским хозяйством.

2. Я обязуюсь возделывать свой участок добросовестно и в соответствии с указанием инструкторов поселенческого отдела Сохнута.

3. Я обязуюсь выполнять все указания избранного совета и прочих органов села во всем, что касается их деятельности в селе.

4. Я обязуюсь платить налоги в срок и участвовать в охране села по указаниям комитета.

5. Я обязуюсь сбывать свою продукцию в соответствии с указаниями уполномоченных Сохнута и правительства.

6. Я обязуюсь беречь скот и сельскохозяйственный инвентарь, обеспечить им надлежащий уход в соответствии с указанием инструкторов поселенческого отдела Сохнута.

7. Если я нарушу вышеуказанные обязательства, обязуюсь покинуть мошав.

Число.....Роспись жителя мошава Хацав.....

Мы разъяснили на элементарном иврите содержание документа всем жителям, затем попросили их расписаться, обставив эту церемонию со всей возможной торжественностью

Несколько дней спустя я вернулся в Иерусалим. Рука у меня все еще была перевязана.

Вскоре после этой истории в Сохнута был создан специальный отдел «договоров и гарантий», который вплотную занялся делами поселенцев, взяв с них ретроактивно расписки за каждую полученную от Сохнута мелочь. Мало-помалу «балаган» приводили в порядок.

А Хацав? Неужели в Хацаве все сразу устроилось наилучшим образом? Увы, нет! Как и все новые мошавы, Хацав пережил еще не один кризис. Его тоже не обошли стороной болезни роста и трудности приспособления. Но несмотря на эти неизбежные муки, молодой Хацав пустил крепкие корни, и вот он здравствует и процветает.

Сегодня Бенцион Халфон — один из руководителей мошавного движения в стране и заместитель министра сельского хозяйства. То ли ему еще предстоит! Яков Реувен принялся за дело, его хозяйство расцвело, и умер он в глубокой старости и в полном достатке. И его сын Израиль, тот самый, который так ловко всадил тогда вилы в мою руку, теперь один из лучших футболистов районной команды «Гапоэл».

Глава 8

ПОТОМКИ МОРЕХОДОВ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Кочинские евреи верят, что они потомки мореходов, посланных царем Соломоном на поиски сокровищ Офира, тождественного по их преданиям с Индией. Здесь в Кочине те древние мореходы пристали к берегу и построили торговый центр. Потом они стали жениться на красивых местных женщинах и создали, таким образом, эту своеобразную еврейскую общину.

Так ли это или не так, но факт остается фактом, и вот уже сотни лет на южной оконечности Индийского полуострова существует еврейская община, насчитываю-

шая несколько тысяч человек. Кочинские евреи находят-ся, видимо, в близком родстве с йеменскими евреями на арабском полуострове. Когда в Индию лет четыреста назад впервые прибыли португальцы, основавшие там колонии и фактории, они уже застали в Кочине евреев.

Кочинские евреи не отличаются от местных жителей ни цветом кожи, ни языком. Они такие же смуглые и говорят на том же звучном языке малайяли. Подобно всем евреям в странах рассеяния, они тоже занимались торговлей, посредничеством, ремеслами, разного рода службой. Каким образом эти несколько тысяч евреев, веками оторванных от религиозных и культурных еврейских центров, сумели остаться евреями среди моря племен и народов, населяющих эту часть Индии, действительно загадка. Вернее, еще одно чудо неистребимости еврейского народа.

Кочинские евреи молились на древнееврейском языке единому богу, создавшему небеса и землю. Только очень немногие понимали слова молитв, но все соблюдали основные обряды: обрезание, бар-мицву, обряд вступления в брак и обряд похорон. Индийское окружение повлияло, конечно, на церемониал, но праздники остались еврейскими. Кочинские евреи не дали миру великих мудрецов и учителей, но в их молитвенниках имеется множество чрезвычайно задушевных и поэтических стихов, полных тоски по Сиону.

Двадцать пять лет назад до кочинских евреев дошли первые вести о сионизме. Они слышали, что евреи со всех концов земли возвращаются в Иерусалим, восстанавливают его крепостные стены и руины. В Кочин прибыли сионистские деятели и посеяли новые зерна в истосковавшуюся по ним мессианскую почву кочинских евреев. Дети кочинских евреев стали носить новые имена: Гериль, Вейцман, Вольфсон. Девушек стали называть: Циона, Тиква, Геула.

После провозглашения независимости Израйля, усилилось беспокойство среди кочинских евреев: слышны уже колокольчики Мешиаха, до каких же пор будут медлить они сами? Потом прибыли представители Сохнута и начали звать в Израиль. Многие продали свое имущество и сидели уже на чемоданах.

В начале пятидесятых годов в страну прибыли пер-

вые евреи из Кочина. Среди них были и юноши, которые тут же устроились в кибуцах в рамках «Алият нора». Большинство кочинских евреев хотели последовать за пионерами. Они только ждали знака. Но вот на них обрушилась беда, о которой в Священном писании, увы, ничего не написано.

В медицинских учреждениях Израиля распространилось вдруг мнение, что у кочинских евреев существуют серьезные болезни, неизвестные в Израиле: филариазис и элифантиазис, которыми часто болеет население южной части Индии. Как пояснили мне врачи, филариазис — это болезнь, в ходе которой в кровеносные сосуды попадают микроскопические черви, гнездящиеся в красных тельцах крови, и вызывают сильное ослабление всего организма. Элифантиазис же, так называемая «слоновая болезнь», поражает лимфатические железы, а в результате пораженные части тела — нога, рука, грудь — увеличиваются до гигантских размеров.

Эти две болезни — следствие антисанитарных условий и недостаточного питания, которыми страдают народы Дальнего Востока. Не миновали они и евреев Кочина.

Органы здравоохранения задержали иммиграцию кочинских евреев. Дело приняло скандальный характер. На место были посланы медицинские делегации, высказавшие разные мнения. Однако, в 1954 году, все единогласно решили, что нельзя помешать приезду целой еврейской общины только потому, что кто-то из них болен.

— Что же это такое? — спрашивали многие. — Да если пойти таким путем, то конца краю не будет!

Решили, что в интересах самих кочинцев, а также в интересах израильского населения, будет лучше, если первые группы кочинских евреев поселятся в селах, где будет легче следить за больными и лечить их.

Именно в тот год я вернулся с учебы из Англии и прямо жаждал деятельности. Я стоял в нерешительности: продолжать ли мне работать в штабе, то есть в руководстве поселенческого отдела, где я уже проработал четыре года, или отправиться в деревню и возделывать землю. Мне очень нехватало непосредственного соприкосновения с новыми иммигрантами, с их буднями и трудностями. Правда, я и до этого разъезжал по новым селам и проводил с иммигрантами дни и ночи, но все

равно меня не покидало чувство, что я все еще недостаточно знаю свой народ и что я должен пожить с ними и их инструкторами на селе.

Тогда же со всей остротой встал вопрос о сельскохозяйственных инструкторах. Инструкторов старшего поколения становилось все меньше и меньше. Этим людям было уже за шестьдесят, они до конца исчерпали свои силы и энергию в тяжелом труде за плугом в кибуцах и мошавах. Те дополнительные три-четыре года, которые они проработали инструкторами в новых селах — с нелегкими людьми и в нелегких условиях — окончательно их доконали.

Таким образом возникла острая потребность в новом поколении инструкторов. Поэтому после возвращения из Англии я недолго колебался и заявил Эшколу, что не буду больше работать с ним или в штабе, а пошлю себе какой-нибудь мошав иммигрантов, где смогу работать инструктором. Посмотрев список групп, ожидавшихся в ближайшем месяце, я обратил внимание на группу кочинских евреев, которые должны были прибыть на самолете из Индии и которых предполагали направить в мошав Неватим, расположенный в Негеве.

Так я попал к евреям Кочина в Неватим.

Глава 9

НЕВАТИМ

Мошав Неватим расположен в девяти километрах к востоку от Беер-Шевы. Основан он был еще в 1946 году в числе нашумевших одиннадцати населенных пунктов, созданных в ходе борьбы с властями мандата за заселение Негева. После войны за Независимость первые поселенцы покинули мошав. В начале пятидесятых годов здесь построили «классический» мошав для новых иммигрантов по типу «локша»: продолговатый четырехугольник, каждая из четырех улиц которого тянулась как «голус». В мошаве стояли подряд около восьмидесяти «блоконов», а в центре — несколько общественных зданий: конторы, склад, пункт по приему и переработке молока, склад оружия, магазин, синагога и тому подобное.

В 1952 году в мошав привезли группу поселенцев, выходцев из Венгрии и Румынии: большинство — бывшие узники немецких концлагерей, нелегально пробравшиеся в страну.

Поселенческий отдел Сохнута планировал сначала развить здесь животноводство, полагая, что Беер-Шева, превратившись в настоящий город, станет главным потребителем молока, которое будет поставлять Неватим.

Понятно, что в скотные дворы, построенные из бетона у «блоконов», завезли самых лучших коров. Полагали, что выходцы из Восточной Европы сумеют ухаживать за своими коровами лучше, чем их братья — выходцы из стран Востока.

Вскоре, однако, открылось нечто неожиданное: почвы мошава, которые хорошо не изучили, не были пригодны для посевов кормовых культур. Мошав страдал от недостатка воды, попадавшей сюда по узеньким трубам из Беер-Шезы. Жители чувствовали себя оторванными от всего мира: шоссе Беер-Шева — Димона — Содом не значилось еще даже в проектах. От Неватим в Беер-Шеву шла дорога второй, а то и третьей категории. Ни электричества, ни телефона не было. Очень скоро поселенцы начали работать «налево»: молоко и молочные продукты они сбывали частным путем, а не через сбытовые организации; коровы тоже переходили от одного хозяина к другому, пока не попадали в руки мясников — в стране все еще существовала карточная система.

Мошав Неватим стал центром торговли бараниной, козлятиной, говядиной и всяким прочим мясом. Скот — мелкий и крупный — поставляли бедуины. Часть поселенцев покинула мошав и разбрелась кто куда. Некоторые из оставшихся купили у них скот и инвентарь и стали хозяевами больших животноводческих ферм. Контроль за опустевшим наполовину селом со стороны Сохнута становился все слабее, пока совсем не прекратился...

В 1954 году в селе проживал с десяток семейств, выходцев из Венгрии и Румынии, которые стремились накопить как можно больше денег торговлей мясом, чтобы потом обосноваться где-нибудь в другом месте. Поэтому было решено сделать все, чтобы ускорить выезд

оставшихся семейств и подготовить село к приему кочинских евреев.

Обо всем, что происходило тогда в Неватим, я узнал в кабинете заведующего отделом Негева, Мони Кананович. Моня, опытный агроном, получивший диплом в Соединенных Штатах, был старым работником поселенческого отдела. Это был упитанный широкоплечий мужчина лет за сорок, вечно улыбающийся во всякое время и во всякую погоду. Несмотря на неуклюжую фигуру, это был очень подвижный человек. Столь же легко и быстро он принимал решения. Особенно он любил ходить пешком и совершать длительные походы.

Теперь он сидел напротив, разглядывая меня со все возрастающим изумлением:

— Я не стану копаться в твоей душе, чтобы узнать причины, толкнувшие тебя на этот путь, — сказал Моня. — Но я предлагаю тебе сесть в джип, прежде чем ты примешь окончательное решение, и съездить туда. Когда ты вернешься, мы с тобой поговорим еще раз.

Я принял его предложение.

Село имело совершенно заброшенный вид. Белые «блокины» одиноко торчали на фоне серовато-желтого леса, тянувшегося до самого горизонта. На всем этом просторе не видно было почти ни одного зеленого пятна. Всюду безраздельно господствовал коричневый цвет засохших бодяков.

Пустынные улицы утопали в пыли. Я вошел в пустые «блокины», в которых окна и двери были вырваны из проемов и сразу заметил, что некоторые из домов служили последнее время сараями для овец и скота. Всюду — засохшие кизьяки, запекшаяся моча, солома, навоз. То там, то тут попадался обжитый дом. Я ходил и беседовал с жителями, сразу предупреждая их, что собираюсь стать инструктором у кочинских евреев, которые скоро сюда приедут. Из своих бесед я сделал вывод, что эвакуировать эти несколько семейств, живущих уже месяцами без школы, без элементарных услуг, без транспорта и вообще без общества, будет нетрудно.

Все же мне пришлось спросить кое-кого из мужчин — не согласятся ли они остаться жить вместе с иммигрантами из Кочина, правда, я нашел нужным рассказать им — хотя и не был убежден, что это действительно

нужно, — об особенностях состояния здоровья кочинцев.

Мужчины, а в особенности их жены, испуганно уставились на меня:

— А это заразно?

Я ответил, что не врач и не знаю.

На северо-западном краю деревни я вдруг обнаружил один дом, прямо утопающий в зелени: кругом деревья и зеленые насаждения. Двор составлял такой разительный контраст с унылой серостью всех остальных домов и голых дворов, что мне трудно было побороть любопытство. Когда я подошел ближе к блоку, мое изумление усилилось еще больше. Этот блок, чисто выбеленный известкой и покрытый красной черепицей, был словно пересажен сюда из другого мира. Во дворе росли молоденькие тенистые деревья, кругом грядки овощей и цветов, виноградные лозы на деревянных кольях.

В огороде работал бородатый с длинными красными волосами, ниспадающими на лоб и плечи, босой, полуголый мужчина. Загорелый, потный — это был настоящий Робинзон Крузо. Дверь, ведущая в дом, была полукруглая.

Увидев меня, он крикнул:

— Мария, киузи ла порта! («Мария, закрой дверь»).

Итальянский в Неватим — такого я никак не ожидал! Я еще успел заметить, как женщина загнала в дом двух мальчишек и закрыла за собой дверь.

Работяга-мужчина стоял теперь у забора, он улыбался мне и сказал на иврите, звучном, словно итальянский:

— Шалом. Меня зовут Даниилом Мартинезом. А вас?

Я тут же смахнул слой пыли с тех обрывков итальянского, который усвоил во время службы в британской армии и нелегальной работы по переправке иммигрантов в Италию и ответил ему:

— Бон джиорно, синьор Мартинез. Микиамо Элиав. Мольто пиацере. («Здравствуйте, господин Мартинез. Меня зовут Элиав. Мне очень приятно»).

Лицо Мартинеза засияло. Он с ходу перешел на итальянский и заговорил быстро-быстро. Я перебил его и попросил говорить чуть медленнее. В короткой беседе он рассказал мне, как он попал сюда в Неватим.

... Он из крестьян и родился в одной из сицилийских деревень. Перед Второй мировой войной его мобилизовали в итальянскую армию и отправили на фронт в Западной пустыне. Воевать ему так и не пришлось. Еще в 1941 году он попал в плен к англичанам. Те отправили его в лагерь для военнопленных в Эрец Исраэль, а там он вскоре устроился денщиком у одного из офицеров. Он много разъезжал со своим господином по стране и видел, как евреи цепляются за свою землю, пускают в ней корни и крепко врастают.

Пять лет провел Даниил в Эрец Исраэле. Когда война кончилась, его освободили и отправили домой. В родном селе Мартинез почувствовал себя совершенно чужим. Его братья обрабатывали убогий участок земли отца и были не особенно рады его возвращению. Деньги, которые он отложил в плену, помогли ему: он женился на одной девушке из села, но устроиться в родной деревне ему так и не удалось. Тогда он вспомнил о стране евреев. Почему бы ему не поселиться среди евреев в одном из новых сел и вместе с ними осваивать пустыню в их стране?

Мартинез взял свою беременную жену, ребенка и то немного, что у него было, и подался в Израиль. Как это ему удалось? Об этом он не хотел рассказать, но я и без того догадался, что он без особого труда просочился вместе с огромной волной сотен тысяч евреев, перед которыми Израиль распахнул свои ворота.

После долгих скитаний семья попала наконец в Неватим. Конечно же, он и во сне никогда не думал о поселении в рамках «мошавного движения», а представлял, что получит участок земли и на нем заработает себя на жизнь. Но «кооперация», «взаимопомощь», «Тнува», «Гамашбир», «поселенческий отдел» — все это ему никогда и не снилось. Мартинез уединился в своем дворе как волк в логове посреди социального леса, в котором он вдруг оказался.

Он посадил деревья вокруг блока, деревья, которые по мнению специалистов ни за что не примутся на этой почве, поливал свои грядки по системе, принятой в Сицилии, а овощи, которые выращивал, продавал на рынке в Беер-Шеве. Свою жену Марию держал взаперти, по обычаю его родины, а трое детей — тем време-

нем в добрый час родился уже здесь еще один ребенок — тоже почти не выходили за пределы участка. Так и жил себе Мартинез, как некий Рабинзон Крузо на острове, созданном им в Неватиме.

Он видел, как приехали и уехали венгерские и румынские евреи, но так и не понял — зачем они приехали и почему уезжают. И не только это было для него непонятно. Теперь, когда я рассказал ему, что скоро придут сюда «евреи из Индии», он нисколько не удивился, а только попросил меня, чтобы его не прогнали и дали жить спокойно. Не надо было проходить курс социальной психологии, чтобы понять — взаимоотношения между сицилийским крестьянином и кочинскими евреями не будут самыми идеальными.

Я вернулся в центр деревни и поинтересовался судьбой общественного имущества, которое осталось в деревне. Со слов поселенцев выяснилось, что из всего имущества остался лишь один грузовик марки Джи-Эм-Си. Все остальное либо разбазарили, либо возвратили на склад Сохнута. Техническое состояние грузовика было весьма плачевным.

Вернувшись в Беер-Шеву, я вместе с Монеи принял-ся составлять новую смету расходов для Неватим. Я просил следующее: средства для реставрации грузовика либо для приобретения нового, средства для проведения подготовительных сельскохозяйственных работ; временную работу поселенцам — либо в сельском хозяйстве по соседству, либо на общественных работах; новые кредиты для кооперативного магазина. Я описал Моне санитарное состояние деревни и требовал, чтобы немедленно были построены уборные с глубокими выгребными ямами во дворах. После того как я посмотрелся на кучи нечистот во дворах, этот вопрос меня особенно беспокоил.

Из Беер-Шевы я отправился в отдел иммиграции в Иерусалим. Там выяснилось, что первая большая группа кочинских евреев должна прибыть через неделю самолетом из Индии в Лод; оттуда их перевезут в лагерь Шаар Гаалия около Хайфы, где желательно держать их как можно меньше. Таким образом, я оказался в цейтноте, а работы, между тем, было по горло.

Тревожила меня и проблема языка. Представители,

побывавшие в Кочине, сказали мне, что тамошние евреи почти не знают английского. Я бросился на поиски кочинских евреев, которые уже, так сказать, старожилы в стране и знают иврит, узнал, что года два или три тому назад из Кочина приехало несколько юношей, которые находятся теперь либо в учреждениях «Алият ноар», либо в кибуцах, и решил повидаться с ними.

В мое тель-авивское бюро прибыло трое: Нисим Элиягу, Нисим Нисим и Абрам Абрам. Им было лет по восемнадцать — трое юношей, не похожих друг на друга ни внешне, ни по характеру.

Нисим Элиягу — маленького роста и страшно худой, прямо кожа да кости. Казалось, что его ветром качает. Цвет лица смуглый, нос острый, глаза черные, как угольки, полные жизни и подвижные, как кролики в клетке.

Нисим Нисим — тоже небольшого роста, но покрепче, чем Нисим Элиягу. Цвет кожи оливковый, красивое круглое лицо, миндалевидные глаза, спокойные и немного грустные. Волосы седеющие, явление довольно частое среди кочинских евреев: юноши выглядят старше своих лет.

Абрам Абрам — ростом выше, широкоплечий, атлетического сложения. Лицо малайского типа, волосы гладкие, прямые, жесткие и блестящие. В нем не было ничего, что указывало бы на его еврейское происхождение.

За два года, проведенные в кибуце, они успели научиться ивриту. Говорил за всех Нисим Элиягу. Он же ответил утвердительно на вопрос, согласны ли они быть моими помощниками в Неватим и работать в качестве переводчиков. Нисим Элиягу заверил меня, что они готовы сделать все, что я от них потребую, коль речь идет о кочинских евреях и их устройстве. Мы договорились о встрече в Шаар Гаалия на следующий день после приезда кочинцев.

Мое самочувствие заметно улучшилось.

Глава 10

ТРИ АБРАМА АБРАМА

И вот наступил день, когда меня известили, что первые сорок семейств кочинских евреев находятся уже в Шаар Гаалия. Я немедленно поехал туда.

Лагерь в Шаар Гаалия был набит до отказа. Тысячи и тысячи евреев, настоящий языковой и физиономический Вавилон. Мужчины, женщины и дети ходили по двору мимо продолговатых бараков, стояли в очереди за пищей, за справками, за вещдовольством, за местом в машины, которые должны были развозить их по всей стране. Стоял гул всевозможных диалектов и говоров: язык евреев с Атласских гор смешался с румынским идиш; кто-то что-то кричал по-курдски, ему отвечали по-арабски; восклицания по-венгерски перебивали беседу, которую вели по-французски; и всюду — элементарный язык иврит работников Сохнута, пытающихся объяснить и внести какой-то порядок в этот огромный современный Вавилон.

Кое-как я добрался до барака моих евреев, евреев Кочина.

Они сидели на «сохнутовских» кроватях, — обнаженных железных койках, сидели как-то странно, и одна уже поза указывала на то, что они совсем из другого мира, люди совершенно иной цивилизации. В бараке царила какая-то особая тишина. Никто не кричал. Они сидели и ждали, когда кто-нибудь придет и скажет им, что нужно делать и что с ними будет дальше.

Именно я и оказался тем человеком.

Я посмотрел на этот маленький коллектив, состоящий приблизительно из сорока семейств. Они были такие худенькие и миниатюрные! У большинства мужчин — черные реденькие бороды. На всех — белые хлопчатобумажные одеяния, какие носят в Индии, а сверху — европейские пиджаки. Женщины кутались в цветные сари, длинные черные или седые волосы — тщательно зачесаны и уложены на их изящных головках. Мальчики и девочки казались младше своих лет. Они, как и родители, сидели как-то необычно спокойно; только их глаза любопытно и удивленно блестели.

Мои молодые «помощники» — Нисим Элиягу, Нисим Нисим и Абрам Абрам, — уже ждали меня в бараке и радостно бросились навстречу. Я обошел все семьи, пожал каждому руку, сказал «добро пожаловать» и другие приветственные слова, тут же переведенные Нисимом Элиягу на язык малайяли.

Я попросил у работника Сохнута список прибывших,

чтобы познакомиться с каждым лично. Однако, просмотрев список, просто остолбенел. Вот как приблизительно он выглядел:

СПИСОК СЕМЕЙСТВ ИММИГРАНТОВ, НАПРАВЛЯЮЩИХСЯ НА ЖИТЕЛЬСТВО В МОШАВ НЕВАТИМ

Порядковые №№	Номер иммигр. свид.	Фамилия	Имя	Год рожд.
1	70552	Элиягу	Элиягу	1912
		Элиягу	Сара	1915
		Элиягу	Шимон	1937
		Элиягу	Менахем	1939
		Элиягу	Абрам	1942
		Элиягу	Хана	1947
		Элиягу	Мириам	1950
		Элиягу	Рахель	1953
2	70553	Абрам	Абрам	1926
		Абрам	Сара	1932
		Абрам	Рахель	1948
		Абрам	Ривка	1950
		Абрам	Моше	1952
		Абрам	Давид	1953
3	70328	Элиягу	Элиягу	1891
		Элиягу	Ривка	1894
		Элиягу	Элияс	1934
		Элиягу	Шломо	1937
		Элиягу	Симха	1940

Четвертым шло семейство Абрама Абрама, состоявшее из пяти душ. Пятым — семейство Эфраима Моше; Шестым — Элиягу Нехемии; седьмым — Нехемии Элиягу; восьмым — Элиягу Элиягу; девятым — Моше Эфраима; десятым — Абрама Моше, и так далее и так далее всевозможные комбинации имен Элиягу, Абрам, Моше и Нехемия.

Я спросил у Нисима, почему это так. Он объяснил мне, что таковы еврейские имена кочинских евреев. Кроме еврейских, у них есть еще и другие фамилии, но от тех они хотят теперь избавиться и потому не записали их в свидетельствах. Я попросил назвать какую-нибудь такую индийскую фамилию, но тут же убедился, что она содержит добрую половину всего алфавита, а при попытке произнести ее, она так и застряла у меня в горле. Уж лучше пускай Абрам Абрам!

Тут же на месте я составил себе статистическую таблицу кочинских семейств, и мы договорились о дне, когда они придут в Неватим.

Я вернулся в Неватим. «Сел на голову» работникам технического отдела Сохнута, требуя от них форсирования строительства уборных. Отдал машину в ремонт, договорился о работе для новоприбывших на первое время, распределил и отметил пустые дома для ожидаемых семей, потребовал и получил от полиции несколько винтовок. Я знал, что никто из новоприбывших никогда не держал винтовку в руках, и потому принялся искать «стрелка». Из Сохнута прислали Якова Леви, молодого, атлетически сложенного парня, мастера на все руки: водитель, механик, а когда нужно, — и стрелок. Естественно, что поскольку только мы с Яковым умеем обращаться с оружием, именно нам и придется нести охрану села.

В назначенный день иммигранты прибыли и были тут же распределены по домам согласно имевшегося у меня списка. Наутро я созвал собрание всех мужчин в центре села у конторы.

Первым вопросом на повестке дня была раздача обуви. Еще в Шаар Гаалия я заметил, что кочинские евреи прибыли в сандалиях и тому подобной летней обуви. Там же на месте я потребовал, чтобы с них сняли мерки и выделили каждому черные высокие ботинки.

Вместе с иммигрантами прибыл и мешок ботинок, и я начал раздавать их. Достая из мешка пару, а на них написано: Абрам Абрам. Громко называю это имя, и из среды собравшихся выходят вперед трое мужчин — у всех троих было имя Абрам Абрам. Я тут же решил, что нужно присвоить им порядковые номера, а то совсем запутаемся. Так же мы поступили с тремя Элиагу Элиагу,

Нехемиями Нехемия и всеми остальными двойными и тройными.

Так в Неватим появились Абрам Абрам первый, Абрам Абрам второй, Абрам Абрам третий.

Самая важная и срочная работа, которой мне сразу же хотелось занять новоприбывших, была уборка домов, а также всего села. Поэтому я решил посвятить свою первую беседу вопросам санитарии и гигиены и начал говорить, останавливаясь после каждых двух-трех предложений, чтобы Нисим Элиягу, моя правая рука, мог перевести мои слова на язык малаяли.

— Очень важно, — так начал я свое выступление, — чтобы мы соблюдали чистоту в домах, во дворах и в общественных местах.

Нисим переводит мои слова на кочинский язык, и тут я вижу, к своему изумлению, что собравшиеся отрицательно качают головами слева направо и справа налево. Еще несколько предложений на ту же тему, Нисим перевел, а народ продолжает качать головой, на этот раз, казалось, даже еще более решительно.

Я шепнул Нисиму:

— В чем дело? Почему народ со мной не соглашается?

Нисим уставился на меня, ничего не понимая:

— Как так не соглашаются? Они соглашаются, да еще как!

— Если так, — сказал я, — то почему же они все время качают головами?

Нисим засмеялся:

— В Индии качают головой в знак согласия, а кивают — в знак несогласия.

Теперь, поняв в чем дело, я испытывал живейшее удовлетворение, видя, с каким воодушевлением народ качал головой из стороны в сторону в ответ на мои слова.

Мы разбили прибывшие сорок семей на группы, раздали им лопаты, грабли и кайлы, и народ, вооруженный этими инструментами, разошелся по домам.

Будучи единственным шофером в селе, я сел за руль грузовика, превращенного теперь в машину для вывоза мусора, подъезжал к домам и погружал в кузов кучи мусора. Когда машина была нагружена доверху, отъехал

с несколькими кочинцами на подножках километров пять к востоку от села по проселочной дороге и вывалил весь мусор в глубокое ущелье.

В это хлопотливое утро выяснилось, что в домах и во дворах развелось немало змей. То и дело раздавался крик «фамфа!», «фамфа!». И тут же несколько кочинцев подбегали с палками и, как опытные змееловы, ловко истребляли их. «Фамфа» — первое слово на языке малаяли, выученное мною.

Кочинские евреи были большими специалистами в охоте на змей еще в Индии. У них это нечто вроде национального спорта, и уже в первый день пребывания на новой родине им довелось заняться любимым спортом.

Так прошел первый день в Неватим. Вечером во всех сорока домах зажглись керосиновые лампы, а мужчины отправились к облезлому бараку, где помещался клуб, на вечернюю молитву. Я взял с собой Нисима, Элиагу и Абрама и обошел с ними все дома, чтобы пожелать жильцам доброй ночи.

Спускалась ночь. Яков, наш стрелок, я и мои трое помощников распределили между собой вахту. Мы несли охрану парами, обходя деревню в течение всей ночи, вооруженные двумя винтовками.

Последующие дни и ночи были заполнены напряженным трудом. Кем и чем я только не работал! Был инструктором, шофером, учил детей, обеспечивал новопривывших работой, продовольствием, заботился о санитарном состоянии, медицинском обслуживании и многом другом! Может быть, мой рабочий журнал наглядно проиллюстрирует, над чем приходилось биться инструктору в первые дни и недели существования мошава для новопривывших иммигрантов.

Техотдел: выгребные ямы, побелка (колером) домов, устройство металлических сеток на дверях и окнах (по требованию районного врача), устройство душей, генератор для уличного освещения, таблички, застекление окон, мусорные ящики.

Поселенческий отдел: смета на телефон, спецовка, аванс под зарплату, смета на молоко детям, штатная единица бухгалтера, исследование почвы, средства на приобретение нескольких мулов, небольшой сейф, смета на культурные мероприятия, средства на проведение празд-

ника уборки урожая («бижурим»), бланки для договоров.

Районные организации в Беер-Шеве: свиток Торы на время, продовольственные карточки, радиоприемник, баня, профсоюзные билеты, футбольные и волейбольные мячи. Игры для детского сада и школы, автобусный транспорт — «Эгед», удостоверения личности, вечер отдыха с участием «Нахала» из Беер-Шевы, резник, «мезузы» для всех домов, передвижная почта, учитель и воспитательница для детского садика, мебель для школы, инструкторша по народным танцам.

Машбир (потребительская кооперация): специальные лимиты на рис, сахар, веники, керосин, мыло, дуст, мастерки, холодильники, битую птицу и свежую рыбу, жалоба на испорченный горох, корм для мула, лед.

Больничная касса и органы здравоохранения: беременные женщины, медсестра, лекарства в медпункт, комитет по делам гигиены и санитарии, лектор на медицинские темы, проблема змей, обследование легких у всех, демонстрация санитарно-просветительных кинофильмов.

Цахал: дополнительные винтовки, средства на всеобщее обучение, замок и решетка для склада оружия.

... Так прошли первые дни. Наступили будни. Мне удалось мобилизовать еще двух помощников: Иоэля и Иону, оба — бывшие кибуцники, переехавшие в Беер-Шеву и согласившиеся работать со мной. Иоэль был занят в основном организацией сельскохозяйственных работ, а Иона помогал мне во всем, что касается «механизации»: в уходе за машиной, за насосом, за генератором и так далее.

Сельскохозяйственных работ в первые недели в Неватим было немного. Мы вырабатывали трудодни в питомнике «Керен-Кайемер» в Гилате, сажали деревья вдоль шоссе Негева. Люди выезжали на работу рано утром на машине и возвращались вечером. Моня выделил мне средства на благоустройство, и мы сделали посадки также вдоль улиц и у домов села. Мы завезли саженцы, люди копали ямы, посадили деревья и ухаживали за ними, не жалея сил.

Я поехал в кибуц и купил там несколько сот цыплят. Привез их в Неватим и раздал семьям — по пятнадцать штук на семью.

Увы, цыплята эти — породы «Лехгорн» — прожили у нас недолго: то ли они не могли никак привыкнуть к нашим евреям, то ли последние не могли привыкнуть к цыплятам, но ничего из этой затеи не вышло. У меня был весьма небольшой опыт по части птицеводства, а переводы Нисима и его товарищей, наверное, еще больше напутали все, короче — цыплята очень скоро попали в суп наших кочинцев и внесли хоть некоторое разнообразие в убогое меню семей.

Ко мне кочинские евреи относились со смешанным чувством. Уж коль я не знал, «с чем их едят», то они давно не понимали, что меня привело к ним, чего я от них хочу и куда их веду.

Первое время они видели во мне что-то вроде «сахива» — британского барина, хорошо знакомого им по Индии. Неватим был в их глазах некой «плантацией», где они работают по найму, а я — их управляющий. Они бы, пожалуй, нисколько не удивились, если бы я подошел к ним и щупал мышцы.

Через некоторое время я им показался, должно быть, совсем уж непонятым чудачком. «Сахив» копается вместе с ними в навозе, доставляет беременных в роддом, живет среди них и довольствуется малым, спит на железной «сохнутовской» кровати в конторском бараке. Что же это за «сахив»? А может, он вовсе не «сахив», а своего рода факир?

Однако мало-помалу перегородки между мной и кочинскими евреями начали рушиться, а помогла этому «тетка», то есть тетя Нисима Нисима, решившая принять меня в члены своей семьи.

В первой группе иммигрантов, прибывших в Неватим, были также дядя и тетя Нисима. Иосеф Элиягу — так звали дядю — мужчина низенького роста, довольно пожилой, с тоненьким носом, быстрыми глазами и в очках. Он весь так и светился добротой и честностью. Однако, всем в доме заправляла тетя, то есть жена Иосефа Элиягу. Этой тете было лет за сорок, она была выше его ростом, черты лица — поразительно благородные и красивые, седые волосы собраны в толстую косу, спускающуюся на ее, словно точеные, плечи; все тело как будто нарочно создано, чтобы оно куталось в сари, грудь — пышная, а цвет лица — оливковый.

«Тетка» все рожала и рожала. Были у нее взрослые дети, среднего возраста и совсем маленькие. Она всегда была беременна и казалось, что ее способности рожать и кормить грудью никогда не будут конца.

Однажды вечером, недели через две после нашего прибытия в Неватим, ко мне в барак пришел Нисим Нисим, а за ним — «тетя».

— У моей тети просьба к вам, — робко сказал Нисим.

— Буду рад помочь, если смогу, — ответил я. — Какого рода просьба?

Я думал, что сейчас услышу обыкновенную жалобу, каких мне ежедневно приходилось выслушивать сотни.

— Тетя говорит, — начал Нисим, — что она просто не может смотреть, как вы живете и питаетесь. У нее болит сердце, глядя на вас, а когда Абрам и я рассказали ей, что у вас жена и ребенок в Тель-Авиве, и жена ждет еще одного ребенка, она пристала ко мне, чтобы я во что бы то ни стало привел вас к ней, и чтобы вы питались вместе с ее семьей.

Пока Нисим говорил, «тетя» стояла у порога, одаривая меня чудесной улыбкой, обнажавшей ее ровные величественные зубы.

Я попытался отнекиваться, но безрезультатно. Пришлось уступить. Было решено, что по пятницам я буду приходить на трапезу к «тетке».

... В блоконе стоял запах индийских духов вперемежку с запахом незнакомых блюд. Глава семейства и сыновья, одетые в белое, и женщины в пестрых сари, уже ждали меня. После «кидуша», прочитанного в манере кочинских евреев, мы уселись за стол. Место нашлось для каждого, и «тетя» начала подавать к столу.

Острыми специями первого блюда «тети» я обжег себе небо. После второго, третьего и четвертого блюд, — их там было чуть ли не десяток, — пожар перекинулся и на живот. Я изо всех сил старался быть вежливым и ел все. Попытался потушить пожар, полыхавший в моем желудке, напитками, стоявшими на столе. Это были спиртные напитки, которые мои хозяева привезли еще из Кочина. Очень вкусные напитки, но они только еще больше разжигали огонь зажженный «кари» и прочими кочинскими специями. Кое-как я справился с ужи-

ном. После субботних песен от души поблагодарил это милейшее семейство и пошел домой. Я шел спокойно, пока не добрался до забора моего барака. Как только вошел во двор, со всех ног бросился к крану и открыл его до отказа. Казалось, я влил в себя всю воду, подаваемую по водопроводу на Негев. Только тогда мне немного полегчало.

В дальнейшем, однако, я привык к блюдам «тети» и даже полюбил их.

... Так шли дни в Неватим. Среди серых трудовых будней выдавались изредка и праздники: рождение первого мальчика в селе, на торжественном празднике обрезания которого я выступал в роли кума — моего «крестного» сына называли Бен-Гурионом; первая свадьба; освящение полученного местной синагогой свитка Торы и, не рядом будь помянут, вечер отдыха с ансамблем одного из подразделений Нахала, оказавшемся в Негеве и согласившемся дать у нас концерт. На этом чудесном вечере кочинские евреи и сами исполнили ряд прекрасных песен, полных тоски по Сиону, хотя мелодия и ритм были похожи на индийские.

Ребята из Нахала научили кончинцев песне «Свет анемона, шепот лоз, на Кармеле поднимается запах роз». А сами научились у них песне «По горам спешил вестник».

Это был вечер настоящего «единения диаспор».

Глава 11

ТЯГАЧ УЗИ

Весной того года, сразу после того как я начал свою деятельность в Неватим, Бен-Гурион обратился к молодежи, родившейся в старых мошавах и кибуцах, с призывом отправиться добровольцами в новые села — для оказания помощи иммигрантам.

Он призывал молодежь оставить на год, на два, свои цветущие хозяйства, свои семьи и поселиться в новых селах среди иммигрантов, учить их, работать с ними плечом к плечу, пройти вместе с ними мучительные «детские болезни» и помочь им пустить корни в стране.

Это был смелый призыв, и обращен он был к поколению, прошедшему через войну за Независимость, людям моих лет, вынесшим уже немало на своем веку: Хагану, нелегальную иммиграцию, войну. Многие из этих только что вернулись из армии, после долгих лет воинской службы.

Молодые мошавники откликнулись на призыв. Возглавил их Аси Яффе и Арик Нехэмкин из Нахалала, Меир Рабинович из Кфар-Виткина и другие их ровесники из старых мошавов. К ним присоединились несколько молодых кибуцников.

Они организовали первые добровольческие группы по пять человек и направили их в новые поселения.

Я встретился с ними. Со многими мы служили вместе в армии. Я попросил, чтобы такую группу прислали в Неватим. Они слышали о моей «партизанской» работе среди кочинских евреев, были рады записать меня «ретроактивно» в свои ряды и прислать мне в помощь инструкторскую группу.

Так, жарким летним днем в Неватим прибыли Нафтали, «Квика», Овадия и Ора.

Нафтали и «Квика», оба из Кфар-Виткина, усатые, рослые, поджарые и мускулистые — как баскетболисты. Овадия из мошава Херут был выходцем из США. Это был спокойный работяга, коротко подстриженный по американской моде. Последняя — Ора Хармони, тоже из Кфар-Виткина. Я сразу увидел, что эти ребята коренным образом изменят жизнь и отношение к работе в Неватим.

Я предоставил в их распоряжение пустовавший блок, и они жили в нем коммуной, в которой Ора была «хозяйкой». В первый же вечер, при свете керосиновой лампы, я рассказал им о «своих» евреях, об их привычках и обычаях, пояснил им, основываясь на личном опыте, как лучше всего работать и обращаться с этими людьми, добродушными, дисциплинированными, но слабым здоровьем и весьма хрупкими как физически, так и душевно, так как они попали в совершенно непривычные для них условия.

Мы вместе набросали план работы и сельскохозяйственного инструктажа на полях. Наутро парни уже вышли в поле, ведя за собой три группы новых поселенцев.

Тут я впервые почувствовал, что груз, лежавший на моих плечах, заметно уменьшился в весе.

Я получил огромное удовольствие, глядя, как Нафтали и «Квика» обучают своих евреев азам сельскохозяйственной техники, учат их запрягать мула, сеять, удобрять, поливать землю.

Кочинцы тоже почувствовали, что в их жизни наступил перелом. Дни неизвестности и ожидания кончились; начался период организованного сельскохозяйственного труда.

Овадия взял на себя обязанности военного инструктора. Мы получили автомат и несколько винтовок, нам выделили также средства на обучение. Тут же мы начали обучать поселенцев обращению с оружием.

А чем была занята Ора? Она служила в Неватим живым примером девушки, выросшей о трудовой израильской деревне: очень красивая, с чистой кожей и сияющими глазами, она часто смеялась, обнажая свои великолепные зубы. Одним присутствием в селе она выполняла уже свое назначение, но возложили на нее еще три рода обязанностей: обязанности домашней хозяйки в доме инструкторской группы, няни и воспитательницы детей села и инструктора по птицеводству.

Ора приобрела специальность птицевода еще у себя дома — на птицеферме в Кфар-Виткине. Новых цыплят, которых мы привезли в Неватим, Ора раздала по заранее составленному списку; она сама ходила за птицей, одновременно обучая хозяев, как обращаться с птицей и выращивать несушек.

С наступлением вечера, поужинав у Оры — мне пришлось кушать попеременно то у нее, то у «тетки» — мы, устав за день, тут же засыпали. Все, кроме Оры: она ждала своего Узи.

Когда Узи подъезжал в полночь к Неватим, все село — как жители, так и инструкторы — просыпались. Потому что Узи подъезжал не как-нибудь, а на своем традиционном тягаче.

Узи, тоже житель мошава, рослый, молодой парень, который так и пышет силой и молодостью. Он работал шофером на огромном грузовике одного транспортного предприятия. В те дни эти грузовики как раз начали перевозить первый калий, добываемый из Мертвого моря

востановленным заводом в Содоме. Шюссе Содом — Димона — Беер-Шева — еще не существовало. Приходилось перевозить калий кружным и весьма длинным путем — из Содома в Иерохам, оттуда в Беер-Шеву, а уж потом на север в Хайфу. Это был изнурительный рейс, который длился несколько дней. А коли так, то понятное дело, что Узи останавливался на ночь в Неватим, где жила Ора, его подруга. Кому какое дело, что для этого приходилось гнать тягач и вдобавок тридцать тонн поташа несколько лишних десятков километров? Перевозка поташа была так или иначе убыточная, ее проводили в надежде опыта, и государство выплачивало субсидию. И если в счет этой субсидии Узи и Ора проводил ночь вместе, то кому это мешало?

Итак, по ночам мы видели фары гигантской машины сквозь пыль по дороге в Неватим и слушали рокот тяжелого мотора среди ночи. Это доисторическое животное врывалось с грохотом на улицы села, сотрясая все блокины деревни и их жителей. Потом раздавался оглушительный скрежет тормозов, и тягач останавливался у дома, где жили инструкторы. Узи прыгивал из машины прямо в объятия Оры.

И опять на Неватим опускается великое безмолвие пустыни...

Месяца через два в Неватим прибыла еще одна группа иммигрантов из Кочина. На этот раз прибыло около тридцати семейств. Прямо из Индии. Теперь к их приезду уже все было готово.

Мы выбрали комитет из среды «старожилов» и поручили ему позаботиться об устройстве новичков. Блоконы, предназначенные для новоприбывших, были отремонтированы и тщательно выбелены. Полагающаяся мебель — железная кровать и три одеяла на душу, стол и несколько стульев, керосинка и фонарь, несколько ведер, кастрюль и шкаф — все это было доставлено в каждый дом заблаговременно. Ора и ребята из детского сада украсили все ворота и входные двери надписью «Добро пожаловать»!, и даже цветы поставили в каждом доме.

Мы купили цитро, хозяйки напекли очень вкусные индийские пироги, и праздник выдался на славу.

Устройство новых иммигрантов было теперь, конеч-

но, намного легче: о новичках заботились их родственники-«старожилы», они знакомили их с селом, объясняли им — что за работа, кто такие инструктора и кто такой «Элиягу» (я забыл сказать, что кочинцы с первого дня нарекли меня именем «Элиягу»; к моей настоящей фамилии «Элиав» они никак не могли привыкнуть).

К персоналу мошава присоединились теперь две учительницы. Я получил также половину штатной единицы бухгалтера и привез на эту должность из Беер-Шевы одного толкового и умного болгарского еврея по фамилии Алкалай.

Теперь ночью селение охраняли сами кочинцы, которые умели уже обращаться с оружием. Эти евреи относились к делу прямо с пугающей серьезностью, и войти ночью в Неватим было довольно небезопасно. Дежурные двигались бесшумно, как кошки; они не курили, не разговаривали между собой — все строго по уставу, которому их учили. Если кто-нибудь как ни в чем ни бывало приезжал ночью из Беер-Шевы, с ним легко мог случиться удар: вдруг из-за какого-нибудь дома или забора появлялись двое с каменными лицами и горящими глазами, направляя винтовки со взведенными курками прямо в грудь пришельца. Чаще всего это был друг — мой или инструкторов, — приехавший выпить с нами рюмку.

Когда лето подходило к концу, я почувствовал, что село выбралось на столбовую дорогу и находится в надежных руках. Таня, моя жена, должна была вот-вот рождать, а кроме того, я знал, что назревают новые большие дела, в которых мне хотелось принимать участие. Поэтому я решил расстаться с Неватим.

Прощальный вечер был волнующим. Пришли все: кочинцы — в праздничной одежде, инструкторы, несколько работников поселенческого отдела Сохнута в Беер-Шеве, а с ними и Моня Каганович, бухгалтер, шофер. Много добрых слов было сказано на языке кочинцев, я тоже не остался в долгу, а Нисим Элиягу и Нисим Нисим трудились изо всех сил, переводя речи и приветствия то на иврит, то на язык мзалаи.

К концу вечера ко мне подошел один из старейшин общины, протянул мне позолоченное кольцо с изобра-

жением государственного герба в синем кобальте, и сказал:

— Дорогой Элиягу, два таких кольца мы изготовили в Кочине перед тем как переехали в Израиль. Одно из них предназначено президенту государства Израиль, и мы вручим его президенту лично, когда поедем в Иерусалим. Второе же кольцо мы решили преподнести тому, кто поможет нам пустить корни на нашей новой родине. **Ты и есть этот человек.**

Я крепко пожал руку старику и тут же надел кольцо на палец.

Инструкторы тоже преподнесли мне подарок. Это был свернутый лист, на котором написан текст «телеграммы», якобы прибывшей в Неватим. «Телеграмма», написанная латинскими буквами, гласила:

№ п/п, дата—26.8. 1954 г. Кол-во слов: 51. Почта Неватим, Дорогой Элиав!

Расставаясь с тобой, мы хотим выразить тебе чувства глубочайшей благодарности, которыми полны наши сердца. С того самого дня, как ты приехал к нам в «Шаар Гаалия» и по сей день, ты провел с нами не один месяц: тем труднее нам расставаться с тобой. Но мы надеемся, что ты часто будешь приезжать к нам в гости, где бы ты не находился. Мы же никогда тебя не забудем и приложим все старания, чтобы следовать по тому же пути, по которому вел ты нас. Желаем тебе удачи во всем.

Жители Неватим.

Глава 12

ОКРУГ ЛАХИШ

В конце 1954 года взаимоотношения между Давидом Бен-Гурионом и Леви Эшколом были еще отличными.

Бен-Гурион, только что ушедший в отставку с поста главы правительства, жил тогда в Сде-Бокер. Он много разъезжал по необжитым еще районам страны, по новым селам и очень интересовался делами иммиграции и заселения. Леви Эшкол был тогда министром финансов в правительстве Моше Шарета, но оставил за собой также

должность заведующего поселенческим отделом Еврейского агентства.

Это был год, когда совершалось пресловутое «дело», повлекшее за собой в дальнейшем «историю», больно ударившую по очень многим, в том числе и по самому Бен-Гуриону и Эшколу. Однако все это было еще в далеком и туманном будущем. А пока Эшкол вызвал меня однажды в Иерусалим и сказал:

— Я только что разговаривал с Бен-Гурионом о перспективах заселения того района, который простирается между полосой Газы и Хевронскими горами. Он как раз вернулся из поездки по тем местам, полный воодушевления. Поезжай к нему в Сде-Бокер и послушай, что он тебе скажет.

Мы назначили встречу со «стариком». Я сел в джип и выехал из Иерусалима в Сде-Бокер.

Поля, жена Бен-Гуриона, встретила меня перед бараком, утопающем в зелени, долго расспрашивала о цели поездки и, строго-настрого наказав не задерживаться слишком долго, пропустила меня в его комнату. Бен-Гурион сидел, как всегда, за столом, заваленным книгами, статьями, бумагами. Он уже знал о моей работе в Неватим и принял меня очень любезно. Сначала он все расспрашивал о моем опыте работы с новоприбывшими, затем начал излагать свои впечатления о необжитых просторах, открывавшихся ему во время его поездок по югу и по Негеву. В особенности он подчеркивал необходимость заселить безлюдные просторы, расположенные между иерусалимским коридором и Негевом, и между полосой Газы и Хевронскими горами.

Я сказал, что уже разговаривал с Эшколом и у меня есть основания надеяться, что вскоре будет принято решение о создании особой организации для заселения этого района, и я, вероятно, возглавлю ее.

Бен-Гурион обрадовался. Только недавно он говорил с Эшколом, и вот уже стоит перед ним человек, которому поручили проектирование и проведение в жизнь заселения этого нового района.

Я вернулся в Иерусалим и рассказал Эшколу о моей встрече с Бен-Гурионом.

Спустя несколько дней руководство поселенческого отдела приняло решение о создании нового поселенче-

ского округа, округа №5; до сих пор существовало четыре поселанческих округа: Север, Центр, Иерусалим и Негев. Руководителем нового округа назначили меня.

Прежде всего я принялся искать название для округа, а также помощников. Связавшись с секретариатом президента государства Ицхака Бен-Цви и попросив аудиенцию, объяснил секретарю ее цель.

Ицхак Бен-Цви, большой любитель географии и истории, чрезвычайно обрадовался, что люди дела обращаются к нему за советом. Я показал ему на карте территорию, о которой идет речь. Бен-Цви достал свои собственные карты — исторические и археологические, — погрузился в Библию и другие источники и крепко задумался.

Затем он поднял голову и посмотрел на меня своими добрыми глазами, в которых я прочел, что он нашел то, что искал.

— Район, который вы собираетесь заселить, принадлежал в древности частью к стране филистимлян, частью — к Иудее. В центре этого района, там, где встречаются прибрежная низменность с подножьем гор, иудеи воевали с филистимлянами сотни лет. Самой крупной иудейской крепостью в этом районе был город Лахиш. Раскопки, проведенные там не так давно, доказывают, что иудейские цари придавали крепости огромное значение.

Я предлагаю, чтобы вы назвали весь этот район именем Лахиш и тем самым воскресили память об одной из крупнейших крепостей Иудеи!

Что-то в этом названии было добротное, крепкое. Оно так и вызвало видения боев между иудеями и ассирийцами, картины знамен и колонн, идущих в бой, боевой гул и клич.

Я тепло поблагодарил Бен-Цви, вышел от него, а в кармане у меня лежал «округ Лахиш».

Теперь передо мной стояла проблема персонала и рабочего места.

По опыту предыдущих лет я знал, как это важно — уже с первого дня располагать штабом, в который входили бы специалисты всех отраслей, так или иначе связанные с проектом, и чтобы весь штаб находился в одном месте и работал под одной крышей. Я знал, что беготня и отсутствие координации в работе отделов причинили нам в прошлом большие неприятности. Бывало, работ-

ник, планировавший сельское хозяйство, не знал толком, над чем работает инженер-гидролог, а этот, в свою очередь, не знал планов инженера-строителя, который опять-таки не был в курсе планов инженера-дорожника и так далее и так далее. Такое положение вызывало лишние препирательства, взаимную неприязнь, а главное — страдал сам проект.

Теперь, когда мне поручили проектировать новый округ с самого начала, я решил, что наилучший способ избежать дублирования и обеспечить возможно более полную координацию — сконцентрировать весь персонал, который будет занят как планированием, так и проведением планов в жизнь, в один штаб, и чтобы этот штаб находился не в Иерусалиме, не в Тель-Авиве и даже не в Беер-Шеве, а перешел сразу и в полном составе в ближайший к району город и там начал свою работу. Поэтому мы остановились на Мигдал-Ашкелоне, где уже проживало несколько тысяч человек.

На первый взгляд мой план казался чересчур революционным и экстремистским. «Принудить» инженеров, архитекторов и прочих специалистов не только проектировать новый район, но и быть своего рода «авангардом»! Удастся ли найти энтузиастов, которые согласятся на такие условия, а главное на то, чтобы переехать на постоянное жительство в новый, не совсем еще обжитый город?

Однако, у меня этот план крепко засел в голове, и я принялся искать подходящих людей.

Сначала решил подыскать себе двух заместителей: одного — ответственного за планирование, а другого — ответственного за проведение проекта в жизнь. Заместителей найти было нетрудно. Я очень хорошо знал всех ответственных работников поселенческого отдела. Большинство из них — мои старые товарищи. Я пригласил двух своих друзей, лучших работников отдела, в кафе «Хермон», что напротив здания Сохнута в Иерусалиме.

Леви Аргов и Бени Каплан явились без опоздания. Они уже предчувствовали, о чем пойдет речь.

КОЛЛЕКТИВ

Леви Аргова я знал еще со времен нелегальной иммиграции. Когда мы с ним впервые встретились в послевоенной Европе, где оба занимались нелегальной иммиграцией, Леви Аргову было под тридцать. Это был крепкий круглолицый парень, на лоб у него всегда свисал чуб цвета вороньего крыла.

Леви был уроженцем Чехословакии. Он приехал в страну еще до войны в составе группы «Гашомер Гацар», прошедшей ахшару. Вскоре Леви вступил в ряды Хаганы и Пальмаха. В дни Второй мировой войны он состоял членом той небольшой, но легендарной группы молодых парней и девушек, которых засылали в Европу для выполнения специальных заданий.

Сразу же после войны Леви принялся за организацию нелегальной иммиграции из стран Восточной и Центральной Европы, главным образом, из Венгрии и Чехословакии. Его «нееврейская», почти славянская внешность, немало помогала ему в подполье. Тогда-то мы и встретились с ним впервые.

В войну за Независимость Леви Аргову, поддерживавшему прекрасные связи с чешскими властями, поручили организовать перевозку воздушным путем в Израиль оружия, приобретенного нами в Чехословакии.

Сразу же после войны мы опять встретились, но на этот раз уже дома, в Израиле. Я как раз начал свою работу у Эшкола. Как-то я зашел в небольшое кафе в Тель-Авиве и застал там Аргова. Вид у него был грустный.

— Как дела, Леви?

Леви рассказал, что два события произошли в его жизни: он женился на своей Оре и собирается покинуть кибуц. Теперь он ищет того, кто дал бы ему «путевку в жизнь».

— Пойдем работать с нами, — предложил я ему. — Мы затеяли большое дело. В страну прибывают десятки тысяч евреев. Нам нужны такие люди, как ты. Сейчас мы начинаем устраивать всех этих людей. Ты, со своим

организационным и сельскохозяйственным опытом, легко найдешь себе место у нас.

Так оно и было: четыре года Леви работал по устройству новоприбывших в центральном районе и на юге страны. Его штаб находился в Реховоте, он отдался работе всецело и прекрасно справлялся с нею.

Теперь я ему предложил стать моим заместителем в Лахише. Он согласился без малейших колебаний.

Моим вторым заместителем был Бени Каплан. Бени недавно демобилизовался из армии, еще до этого он закончил сельскохозяйственный институт и успел уже прославиться как великолепный организатор.

Это был рослый мужчина — метр восемьдесят, если не больше; его умные глаза и высокий лоб, переходящий уже в лысину, придавали ему «ученый» вид. И действительно, Бени был битком набит всякими агрономическими знаниями. В характере Бени счастливейшим образом слились острый ум восточноевропейских мудрецов и интеллигентов с добродушным цинизмом сабров.

Леви был моим заместителем по исполнительной работе, а Бени возложил на себя сложные обязанности сельскохозяйственного проектирования; по существу именно он держал в руках ключ к созданию облика будущего района.

В Ашкелоне только что начали строить квартал Афридар. В центре квартала построили административное здание. Мы обратились к доктору Зонабенду, директору Афридара, и сняли внаем несколько комнат в этом здании. Мы решили переехать в Ашкелон вместе с семьями, чтобы можно было полностью отдаться работе, а не тратить время на разъезды.

Мне досталась маленькая двухкомнатная квартира в двухквартирном доме №11 по ул. Гаврадим.

Мы упаковали свой немногочисленный багаж на нашей тель-авивской мансарде, взяли двух детей: шестилетнего Цвику и двухмесячную Офру, сели в мой новенький джип и поехали в Ашкелон.

Бени сразу окунулся в работу как безумный. У него была своя теория, согласно которой нашей «бригаде» необходимо как можно быстрее создать картину или хотя бы генеральный план всего района.

— Если у нас будет карта, — говорил мне Бени, —

мы будем здесь королями. Тот, у кого генеральный план, решает все. Именно к нему приходят и именно с ним согласуют все.

Поэтому Бени изо всех сил торопил своих людей.

Со своей стороны мы требовали от поселенческого отдела и других организаций, чтобы к нам перевели лучших специалистов, без которых не может быть и речи о создании и претворении в жизнь проекта.

Мы чувствовали, что это теперь главное: мы обязаны окружить себя хорошими инженерами, проектировщиками и организаторами и накрепко привязать их к себе. Для этого нужно привезти в Ашкелон всех работников и посадить их под одну крышу: чтобы они вместе работали, вместе жили, сообща вникали в поставленные перед ними задачи, и тогда — мы чувствовали это всем своим существом — мы придем все к правильным, согласованным решениям и не будем наступать на мозоли друг другу. По опыту прошлых лет нам было известно, что когда проектированием занимаются разные учреждения, то неминуемо создается неразбериха, от которой страдают в конечном итоге будущие села и сами поселенцы.

Нам были памяты «классические» примеры такой неразберихи. В одном мошаве построили все дома, как вдруг выяснилось, что по плану гидроинженеров половина этих домов будет затоплена водохранилищем, проектировавшемся в районе...

Я помнил поездку с Эшколом по новым селам на севере Негева. По пути мы увидели бригаду строителей, которые закладывали фундаменты новых домов. Эшкол оглянулся вокруг и закричал:

— Ведь они строят на том месте, где пройдет паводок!

Мы подошли к прорабу, старожилу из старожилов, и сказали:

— Товарищ, ты ведь строишь в самом русле вادي. Наступит паводок и снесет дома вместе с жильцами.

Прораб, знавший Эшкола, ответил:

— Я знаю? Я связался с инженером в Тель-Авиве и предупредил его. Он мне ответил: «Ты работай согласно проекту и поменьше задавай вопросов!»

Эшкол прямо кипятил от злости. Он не поленился, сел

в машину и повез прораба к инженеру в Тель-Авив. Там Эшкол устроил ему такую головомойку, что стены дрожали.

Мы крепко запомнили эти и другие упущения, когда подошли к созданию нашего рабочего коллектива. Каждому новому человеку говорили:

— Дорогой товарищ, если ты хочешь работать, то приезжай, пожалуйста, на один-два года в Ашкелон; более того — привези с собой семью. Мы будем жить вместе и работать вместе.

Вот таким образом мы и подобрали всех руководящих работников.

Так попал к нам Хасдай Хавив, казначей района. Я знал, что для такого большого проекта, как наш, нужен опытный финансист, который умел бы добиваться получения средств и позаботиться о том, чтобы не было перебоев в работе нашей «машины» из-за отсутствия ассигнований или денег. Мне нужен был человек, на которого я мог бы полагаться полностью и который снял бы с меня заботу о деньгах. Хавив, выходец из Турции, работал раньше в финансовом отделе Сохнута в Иерусалиме. Это был человек среднего роста, очень гибкий в движениях, с таким же гибким умом. Он не только передвигался чрезвычайно ловко, но и понимал все с полуслова. После двух-трех бесед он перешел к нам. Это был старый вояка, службу в армии прошел давно, и у него была, конечно, семья. Теперь он переехал с семьей в Ашкелон и взялся за наши финансы.

Еще в первые дни я ему сказал:

— Хавив, я по опыту знаю, что хуже всего дело обстоит с зарплатой для поселенцев. Так уж почему-то повелось. Никогда у тебя не будет денег, чтобы своевременно рассчитаться со всеми. Но, не дай Бог, если мы у себя допустим такое безобразие с зарплатой! Все тогда полетит к черту! Речь идет о насущном хлебе для поселенцев.

Я рассказал ему о том, что происходило в Неватим в те дни, когда я работал инструктором среди южнских евреев. Каждые две недели повторялось одно и то же: я подаю счета на зарплату в бухгалтерию округа в Беер-Шеве, а оттуда мне возвращают их и сообщают, что денег нет, или же что я могу получить только половину

или четверть нужной суммы. Мы не только брали тяжкий грех на душу — ведь еще в Священном Писании сказано: «Не откладывая на утро расчет с наемным работником», но мы обрекали чуть ли не на голод своих евреев: у них не на что было купить даже хлеб в кооперативе. Такое же положение было и в других местах.

Так как меня считали привилегированным инструктором («бывший секретарь Эшкола»), и я был лично знаком с начальством округа, то мне и приходилось сломя голову мчаться в Беэр-Шеву и кланчить деньги. Являюсь, бывало, в бухгалтерию со своими бумагами и чуть не силой заставляю их выписать чек, чтобы я мог выдать зарплату.

— В Лахише такого не будет, — сказал я Хавиву.

Мы посидели с ним и действительно сделали открытие, которое оказалось чрезвычайно эффективным. Мы заказали в типографии большие красные ярлыки, на которых аршинными буквами написано: СРОЧНО! ЗАРПЛАТА РАБОЧИХ! НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬ! Затем раздали эти ярлыки всем инструкторам и прорабам во всех селах. Когда они подавали счета на зарплату, они сопровождали их таким ярлыком. Хавив ввел систему, что «красные» счета идут в самую первую очередь, а уж только затем другие счета, какими бы важными они ни были. И для «красных» счетов всегда находились деньги.

Прибыл к нам инженер Рафи Гурвиц, который, окончив институт в США, работал в «Израильском водном проекте». Это был один из лучших водных инженеров, добродушнейший человек, с очень развитым чувством юмора.

Прибыли инженеры Шмуэль Урбах из технического отдела Сохнута, успевший накопить уже немалый опыт в сельском строительстве, и Шмуэль Герстенфельд, молодой талантливый архитектор, который был назначен главным архитектором округа и переехал с семьей в Ашкелон.

Прибыл «Сико», он же — Пинхас Зусман, в прошлом отважный боец Пальмаха, который только что с отличием закончил сельскохозяйственный факультет в Реховоте и стал теперь помощником Бени Каплана.

Прибыл «Фифка», он же — Арье Меир, молодой и крепкий «немец», воспитанник кибуца, у которого под

внешней педантичностью и страстью к «порядку» (порядку) скрывалось добродушнейшее человеколюбие.

Поступил Гершон Фрадкин из мошава «Яркона», человек с большим боевым опытом. Он был назначен главным в группе инструкторов.

Прибыл Моня, низенький ловкий мужчина, один из первых связистов и радистов Хаганы. У нас он заведовал снабжением.

И прибыла Шейла, секретарь округа. Я знал Шейлу Пэлед еще по службе в Хагане. Теперь она добровольно поступила на службу к нам и тоже переехала с семьей в Ашкелон.

Шейла, со своим ясным лицом и всегда смеющимися глазами, немедленно подчинила себе всех и вся: нас самих, наши журналы и наш распорядок дня. Работники района тотчас же стали подчиняться ее указаниям.

С первого дня в Ашкелоне закипела лихорадочная работа. Сосредоточение коллектива в одном месте сразу сказалось на интенсивности и качестве работы. Каждый день мы уже с самого утра были погружены в работу. На трассу выезжали топографы, агрономы, гидрологи, инженеры, архитекторы, землеустроители, инженеры-гидрологи, инженеры-связисты, и множество других специалистов — каждый на свое место. Но хотя мы расплозились по участку в сотни тысяч дунамов пустующей земли округа Лахиш и его холмов, все трудились над одним и тем же: над освоением и заселением этого нового района.

Джипы, грузовики и пикапы выезжали каждое утро в поле, а возвращались поздно вечером. Мы захватили около двадцати комнат в центре Афридара в Ашкелоне и построили рядом еще четыре временных барака. Это были конторские помещения округа. Людей в них, как пчел в ульях.

Надо было немедленно внести какой-то порядок в нашу активную деятельность, чтобы не запутаться в ней.

Я разработал дневные и недельные графики. В кабинете повесил огромный график, на котором разноцветными линиями отмечалась работа каждого отдела.

В кабинетах инженеров стены покрылись картами, чертежами и фотографиями, сделанными с самолетов. Люди работали день и ночь: после утомительного рабо-

чего дня в поле они по ночам занимались обработкой материала в кабинетах. Мы ввели недельные совещания, на которых каждый отчитывался о выполнении порученной ему работы за неделю. Работа была все время согласована. Недельные отчеты раздавались всем работникам округа, а месячные отчеты шли в управление в Иерусалим.

Наряду со всем этим мы всячески старались соблюдать чистоту как в самой работе, так и в рабочих помещениях. Я имею в виду не только чистоту в узком смысле слова, хотя и за нею мы следили строго. Каждый вечер я обходил с Шейлой все кабинеты, проверял чистоту помещений, все ли бумаги и карты приведены в порядок.

Мы привезли новую мебель и обеспечили работников современными и удобными, хотя и на чересчур новыми инструментами. Наша мебель была проста: рабочие столы, стулья, полки и чертежные доски. В кабинетах не было ни одного кресла, а то усядется в нем кто-нибудь удобно и уже не захочет встать.

Я ненавидел картины на стенах, в особенности, картины типа «Керен Гайесод — Дегания в первые дни своего существования», «Нагалал в первые дни», «Халуцим пляшут хору» и тому подобные.

Я отдал распоряжение не ставить в рабочие помещения столы с ящиками, потому что они обыкновенно превращаются в мусорные ящики, куда сваливаются бумаги, которыми никто уже не занимается, и тщательно следил за тем, чтобы не накапливались письма, ждущие ответа.

На наших совещаниях не подавали чай с печеньем каждые полчаса; только прохладительные напитки, да и те в меру. Я ненавидел долгие совещания, где на столах валяются скомканные записки, а пепельницы доверху набиты окурками. У нас столы должны были оставаться чистыми.

Еще со времени моей работы у Эшкола, когда мне приходилось участвовать в больших «конгрессиистских» совещаниях-говорильнях, я проникся неприязнью и презрением к бесконечным «чаям» и «бутербродам».

Вот как бывало на этих совещаниях: на повестке дня, скажем, вопрос «Недоедание детей в «маабарот».

Приглашают человек тридцать. У каждого есть что сказать по этому вопросу. Не проходит и четверти часа, как подают горячий чай со сливочным печеньем. Все говорят, все кладут сахар в чай, все помешивают чай ложечкой, и в комнате стоит сплошной звон от этого. Все дуют на чай, попивают чай, и такой шум создает как бы музыкальный фон для прений.

Покончили с чаем. В пустые стаканы бросают теперь остатки еды, бумаги, весь стол покрыт крошками. Обсуждение детского недоедания продолжается. Еще через полчаса опять появляются официантки, на этот раз с тарелками полными бутербродов. Бутерброды с яйцом, бутерброды с колбасой, бутерброды с мясом, бутерброды с сыром. Наши евреи едят, а тем временем очередной оратор говорит о голоде и прочих бедствиях детей в «маабарот».

С тех пор я испытываю отвращение к таким совещаниям, и тогда же я поклялся в душе: если я сам стану когда-нибудь руководителем, то не допущу таких порядков. И действительно, в Лахише таких совещаний не было.

В те осенние и зимние месяцы мы жили только одним — проектом. День и ночь, в поле и в конторе, за общим столом и даже в семье, — а наши семьи вскоре сошлись все, образовав маленький, но тесно сплоченный коллектив, — мы жили только одним, имя ему было — Лахиш.

Глава 14

КОМИТЕТ ПО ПРИСВОЕНИЮ НАЗВАНИЙ

Среди проектировщиков поселенческого отдела существовал обычай, превратившийся в традицию: когда на карту наносились новые населенные пункты, им присваивали «временные названия», потому что присвоение постоянного названия — это, конечно, длительный и изнурительный процесс, осуществляемый комитетом канцелярии главы правительства, очень почтенным, очень ученым и очень осторожным комитетом. Если уж этот комитет присваивал какое-нибудь название, то можно было быть уверенным, что над ним сидели долгие месяцы.

По этой причине проектировщикам приходилось импровизировать временные названия. Как правило, использовали арабское или древнее еврейское название ближайшей местности, а когда нужно было назвать в той же округе еще несколько населенных пунктов, то решали эту задачу чисто арифметически: Теанах №1, Теанах №2, Теанах №3, Теанах №4 и так без конца.

У комитета главы правительства времени много, а у поселенцев нет времени. Названия никакого еще не придумали, а между тем люди успели приехать и поселиться им приходилось в Джулис №5 или в Теанах №7. Они очень хорошо чувствуют, что название села — временное. А когда к временному названию села присоединяются еще другие временные явления, неизбежные при массовой иммиграции, то атмосфера временности витает прямо-таки над всем: все меняется и все течет — сами поселенцы, их новые профессии, и само село, у которого даже названия нет настоящего, а всего лишь цифра какая-то.

Мы решили, что в Лахише так не будет. Здесь мы присвоим селам постоянные названия еще до прибытия поселенцев.

Я подался в Иерусалим в комитет по присвоению названий, имея при себе план всего района Лахиш, а на нем около двадцати обозначенных «Лахишей» — населенных пунктов, которые будут созданы в районе.

Комитет по присвоению названий назначил специальное заседание для обсуждения моего заявления. Это отнюдь не просто: собрать десяток евреев почтенного возраста, из коих каждый велик и недостижим в своей области — красовании, знании Библии, языкознании и так далее.

Я развернул перед комитетом карту новых «Лахишей». Они меня сразу засыпали вопросами: где будет мошав, а где кибуц? Где будут жить иммигранты, а где старожилы? Какого типа хозяйство будет в том или другом селе? И прочие ученые вопросы.

Со своей стороны я просил, прямо умолял: придумайте тут же на месте еврейские названия для будущих сел, но красивые и покороче.

Больше всего я боялся названий типа «шнора», то

есть названий, призванных увековечить фамилии филантропов, и названий из Талмуда.

С одной стороны, на комитет оказывали нажим еврейские и сионистские учреждения — «Керен Кайемет», «Керен Гайесод» и другие фонды и учреждения, желавшие увековечить имена своих жертвователей, деятелей и филантропов.

С другой стороны, знатоки Священного писания, Талмуда и комментариев к нему из среды членов комитета всячески старались почерпнуть названия из Библии и Талмуда, если только району не повезло, и он расположен не вблизи какого-нибудь древнего селения. И вот так на свет Божий появились такие названия, как «Эвен Ицхак Гохберг», с одной стороны, «Кислон», «Авадон» и «Керен Бен-Зимра», с другой.

Я попросил, чтобы прежде всего был решен вопрос о назначении центрального города, который вырастет в районе. Так как предусматривалось, что этот город будет расположен вблизи древнего Тель-Гата (археологические раскопки, проведенные в тех местах впоследствии, поставили под вопрос мнение о том, что это действительно Гат древних филистимлян), и так как именем древнего холма уже был назван кибуц «Гат», то члены комитета, после продолжительного и тщательного обсуждения, решили, что город нужно назвать именем «Гита».

— Ну, на что это похоже? — взмолился я. — Да ведь это же прямо людям на смех. Вот посмотрите, люди сразу начнут острить: «Я живу в Гите, сестре Риты или Диты, которая питается «Витой», закусывает питой...»

Выслушав мои возражения, ученые мужи задумались, углубились снова в книги и разные планы, искали, искали, пока, наконец, нашли: город будет называться «Гитит».

Я опять поморщился.

— Что же плохого в «Гитит»? — спросили ученые.

— Что плохого в «Гитит»? — ответил я. — «Гитит» — сопит и пыхтит, и у людей сразу пропадает аппетит. Пожалейте, ради Бога, город, — он когда-нибудь вырастет и прославится по всей стране, — назовите его, ради всего святого, человеческим именем. Почему бы его не назвать просто «Гат»?

— Да, — ответили они, — но ведь уже есть кибуц Гат.

— Очень хорошо, — сказал я, — будет, значит, кибуц Гат и будет также «Ир-Гат», то есть город «Гат».

— «Ир-Гат» звучит нехорошо, — ответили они. — Но почему не «Кирьят-Гат»?

— Вот и прекрасно, — согласился я, — Кирьят-Гат звучит и красиво, и просто.

Так возник «Кирьят-Гат».

Я решил ковать железо, пока горячо, и не отставал от членов комитета до тех пор, пока не получил от них приличную дозу чудесных названий для населенных пунктов района.

Оцем, Шахар, Нога, Зохар, Негора, Сде-Давид, Нир-Хен, Ноам, Эйтан, Шзanan, Ор-Ганер, Сде-Моше, Лахиш, Амация, Нехуша, Гефен, Тирос, Бейт-Нир, Сдот-Миха и Лузит.

Глава 15

КОМИССИЯ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕСТНОСТИ

Как определяют место для нового населенного пункта в Израиле? После того, как Бени Каплан и его люди прочесали вдоль и поперек весь район Лахиша, измерили шагами его земли они принялись чертить «клетчатый» генплан: в каждой клетке — одно село. Клетка определяет, сколько хозяйственных единиц будет в селе, но она не указывает, кибуц ли будет создан в деревне, мошав или что-либо другое. В клетке не указывается также месторасположение самой деревни. Определение местоположения деревни внутри сельскохозяйственной клетки — это уж особое дело.

Наш проектировщик Бени не волен выбирать место, где ему заблагорассудится: в этом деле много других хозяев, начальников, советников, представителей организаций, которым тоже «есть что сказать»; одним словом, месторасположение села определяется «Комиссией по определению местности». Так это было и, хотя я не знаю, так ли оно останется на веки вечные, но в Лахише нам пришлось подчиниться этим порядкам. Я по опы-

ту знал, что просто невозможно собрать вместе десятков специалистов, у каждого из которых есть свои собственные «железные» интересы, и надеяться, что они придут к согласию.

В состав Комиссии по определению местности входят:

1. Начальник района.
2. Заместитель начальника района по сельскохозяйственному планированию и его помощники.
3. Архитектор района, его помощники и представитель техотдела главного управления в Иерусалиме.
4. Главный инженер-гидролог и его помощники.
5. Представитель проектного отдела Министерства внутренних дел и его помощники.
6. Представитель Армии Оборона Израиля и его помощники.
7. Дорожный инженер отдела общественных работ.
8. Представитель Электрической компании.
9. Представитель Археологического отдела.
10. Представители «поселенческих движений», члены которых должны были обосноваться на новом месте.

Все эти сановные лица, вооруженные картами, чертежами, биноклями, измерительной аппаратурой и, конечно, бутербродами и прохладительными напитками, занимают место в десятке автомашин: легковых, джипах и пикапах, — и вся колонна выезжает к «клетке», внутри которой нужно определить месторасположение нового села.

Мы приезжаем на место. Выходим из машин. Бени Каплан делает доклад перед всей почтенной аудиторией о «клетке» и ее сельскохозяйственных возможностях. Ему задают сто и один вопрос, на которые Бени старается добросовестно ответить. Мы стоим на холме в центре местности, и Бени указывает рукой еще на два холма — один восточнее, а второй — севернее от нас.

Бени говорит:

— Я думаю, что на одном из этих трех холмов, которые помечены на карте условно «А», «Б» и «В», можно построить село. Мы должны теперь решить — на каком именно.

Мы начинаем обходить один холм за другим. Сначала идём гуртом, одной большой группой. Вскоре, однако, группа распадается на небольшие кучки специалистов, которые склоняются над своими картами. Инженеры-

гидрологи исследуют возможности прокладки водопровода, архитекторы рассматривают каждый холм с точки зрения строительной, дорожные инженеры обсуждают между собой возможности прокладки дороги к селу и присоединения ее к главной дорожной магистрали. И таким образом каждый специалист со своей свитой взвешивает свое.

Один только археолог — явление из ряда вон выходящее. Он привез с собой связку старинных книг и столь же древних карт. Он захватил также небольшую киянку, такую же лопаточку и несколько холщевых мешочков. Этот человек опаснее всех. Я это знаю по опыту и поэтому не отхожу от него ни на шаг, стараясь отвлечь его разговорами от премудростей его страшной науки. Мы взбираемся на холм «Б». Археолог прямо ест глазами местность, то и дело наклоняется и поднимает черепки, прошедшие на своем веку огонь и воду, что-то на них помечает, а затем осторожно складывает в специальный мешочек.

— Это черепки периода ранней бронзы, — поясняет он мне с сияющим лицом, — или, как мы называем сокращенно, «Эй-би».

Еще выше археолог копает немножко своей маленькой лопатой и находит еще черепки.

— А вот эти, повидимому, периода иудейских царей, — говорит он радостно, — но это еще надо проверить как следует.

Чем больше набирается черепков в его мешочке, тем все более муторно становится у меня на душе. А когда он вдруг вскочил и принялся помахивать несколькими старинными манетами, которые он, ликуя, отнес к византийскому периоду, я явственно почувствовал, что шансы постройки села на холме «Б» катастрофически падают. Кто знает, что найдет археолог на самой вершине холма? И то, что я опасался, настигло меня. Он обнажил там при помощи своего инструмента фундаменты нескольких строений римского периода.

— Но это тоже нужно проверить как следует.

И, повернувшись ко мне, он любезно добавил:

— Вы, конечно, понимаете, что на этом этапе я никак не могу дать разрешение вести строительные работы на холме «Б». Мы обязаны произвести здесь раскопки

и установить, что это за строения. Может случиться, что мы обнаружим чрезвычайно интересное поселение.

Мне эта песенка была хорошо знакома. Нам предстоял нелазгкий бой.

Мы пошли к холму «В». Он не разочаровал археолога. Там он тоже нашел черепки, монеты и остатки «интересных» строений.

— Откуда вы вообще взялись, археологи? — сказал я ему. — Ведь если послушать вас, то страну эту вообще заселять нельзя. Разве есть в стране холм, на котором бы не было черепков и монет? Кто только не проживал здесь до нас? Жили мастера по кремнию каменного века; жили люди периодов ранней и средней бронзы; в век железа здесь жили канаанцы и филистимляне и израильтяне; затем страну наводнили египтяне и ассирийцы, вавилоняне и персы; вернулись из изгнания и снова поселились евреи периода Второго храма; снова хлынули греки, римляне и византийцы. Страну завоевали и заселяли арабы и крестоносцы, мамлюки, турки. Наконец, ее завоевали англичане, и снова здесь поселились евреи. А где, по-вашему, селились все эти люди, если не на этих холмах? Те же соображения, которыми руководствуемся и мы, привели также их к холмам А, Б, и В. И где же мы теперь построим село? В долине? На равнине? Дадим паводкам унести дома? Заставим людей страдать от влажной жары внизу, когда они могут дышать чистым воздухом наверху, где подует и ветерок? А как быть с проблемой безопасности?

Мы снова возвращаемся на холм «А». Подкрепившись бутербродами, усердно приложившись к прохладительным напиткам, приступаем к обсуждению.

Выступает архитектор:

— Мне больше нравится холм «Б». Он очень удачен: у него продолговатая вершина длиной в целый километр и два очень милых склона покороче. Я думаю, что здесь можно будет легко построить около ста домов для поселенцев. Село будет иметь форму эллипса, в центре которого будут стоять общественные здания и жить люди, занятые обслуживанием. Холм «А», на котором мы сейчас стоим, совершенно не подходит, так как он отдален от сельского центра, который будет построен в трех километрах отсюда. Дети не смогут ходить пешком

в школу, и весь смысл сельского центра потеряет свое значение, если мы так удалим от него населенные пункты. Холм «В» — слишком мал, на нем просто нельзя построить сотню домов.

Выступает инженер-гидролог:

— Для меня совершенно ясно, что только этот холм, то есть холм «А», подходит для постройки села. Только к этому холму можно будет без особого труда и без лишних расходов подать воду из главного водовода, который по проекту будет проходить всего на расстоянии полукилометра отсюда. Любой другой выбор повлечет за собой большие дополнительные расходы: придется проложить еще два-три километра труб. Откуда возьмем средства?

Слово взял дорожный инженер.

— Господа, какой может быть разговор? Единственное место, где можно построить село — это холм «В». Только он. Ведь только этот холм можно без особого труда привязать к проектирующемуся районному шоссе, а оттуда уж и к главному. Если, не дай Бог, мы построим село на холме «А» или даже «Б», то подъездная дорога с мостиками обойдется в лишние четверть миллиона лир, а у меня нет дополнительной сметы.

Теперь наступила очередь Цахала. Их было двое: подполковник и майор. Подполковник Харсина был одним из ветеранов Хаганы. Он успел исходить на своем веку все населенные пункты страны. Майору мы дали кличку «Эфраим-коза» благодаря его удивительной способности перескакивать с одной возвышенности на другую и носиться впереди всех по холмам как коза.

Харсина и Эфраим-коза заявили так:

— О холмах «А» и «Г» не может быть и речи с оборонной точки зрения. Они совершенно не подходят. Холм «А» слишком отдален от возможной линии нападения. Оттуда нельзя будет, в случае необходимости, отстоять шоссе. С другой стороны, холм «Г» недостаточно высок: штурмующий враг легко взберется на него. Вот холм «Б» — тот подходит: он расположен достаточно близко к шоссе, а значит, — и к возможной линии передвижения вражеских сил.

Лицо архитектора засияло на мгновение, но только на мгновение.

— Итак, — продолжали представители Цахала, — холм «Б» подходит, но только при одном условии: мы не согласны, чтобы помимо центральной части эллипса были заселены и его края. На краях дома будут слишком изолированы и смогут служить отличной мишенью для внезапной атаки, так как центр села не сможет оказать им поддержку.

— Но, — вскричал архитектор, — как же я без краев построю сто домов, предусмотренных проектом?

— А это уже не наше дело, — ответили военные.

Археолог, который до сих пор вежливо молчал, счел момент подходящим:

— Господа, может быть, мы вообще оставим эти три чудных холма, где столько черепков и где можно будет проводить богатейшие раскопки, и поищем другое место.

Я бросил в его сторону недвусмысленный взгляд.

— Я хочу сказать, — извиняющимся тоном продолжал археолог, — что если вы в конце концов остановитесь все-таки на одном из этих холмов, то учтите, пожалуйста, что необходимо огородить и беречь остатки всех древних строений, которые смогут оказаться на вершине.

Тут вмешался один из деятелей поселенческих движений, известный пока по части компромиссов, и сказал не то всерьез, не то в шутку:

— Господа, у меня есть предложение: может быть, бросим жребий? Вот, у меня платок. Завяжем узлы и потянем.

Слово взял Бени:

— Мне тоже холм «Б» кажется наиболее подходящим. Он расположен в центре всей местности, так что расстояние от села до полей будет невелико. Поселенцы смогут легко доставить урожай с поля на сортировочные и перевалочные пункты села.

Я почувствовал, что созданся некий скрытый пока компромисс, и уж во всяком случае большинство в пользу холма «Б», который с самого начала понравился и мне. Поэтому я попытался «нейтрализовать» армию — обратился к ним со следующими словами:

— Что же вы себе думаете, дорогие товарищи? Что

мы построим здесь село по всем правилам стратегии и тактики Цахала? Вы считаете холм «Б» подходящим. Так же считают Бени и архитектор. В чем же тогда дело? В тех двадцати домах, которые выйдут из ряда? Пускай себе на здоровье выходят. А то придумайте какой-нибудь стратегический выход из положения, которого нет в учебниках, либо решим, что, когда это потребуется, мы переселим жителей крайних домов в центр села, и все дело.

На скамейке Цахала раздался глубокий вздох. Я принял его за молчаливое согласие.

Потом повернулся к дорожному инженеру и гидрологу.

— А вы, товарищи, постарайтесь как-нибудь и проведите воду и подъездные пути к холму «Б». Что же касается дополнительной сметы, то вы ее составьте и передайте в бухгалтерию. Уж мы найдем путь, как выжать для вас еще немножко денег.

Все положили свои карты на землю. Бени отметил на своей карте холм «Б» жирным красным карандашом, остальные сделали то же, — каждый на своей карте.

Так, в добрый час, холм «Б» пережил свое новое рождение — на этот раз став рабочим мошавом в районе Лахиш, именем же его нарекли в Израиле «Нога» («Сияние»).

Глава 16

ГЛУБОКАЯ ВСПАШКА

Район, расположенный в центре всего округа Лахиш, где мы хотели построить большинство мошавов и новый город, служил в дни войны за Независимость решающим полем сражения между армиями Израиля и Египта. Именно там расположена «крепость Иоаба», она же — полицейский участок «Ирак-Суидан». Эта крепость была главной военной базой Египта в районе, отсюда вели артиллерийский обстрел, затем и атаки на Нетбу, но так и не смогли ее взять. Впоследствии мы сами обрушили на эту крепость ряд контратак, и после тяжелых боев крепость была взята. Здесь, на этом участке, сражалось под-

разделение Гивати, прорвавшее дорогу к осажденным населенным пунктам Негева. Здесь, в котле Фалуджа, попало в окружение египетское воинское подразделение, в котором служил Гамаль Абдель Насер.

Когда сюда прибыли проектировщики — первые землеустроители и топографы, — всюду еще были заметны следы войны. Холмы были изрезаны выемками, траншеями, огневыми позициями и тысячами воронок от снарядов, разбросанных по местности. В особенности — мины. Были там поля, заминированные и египтянами, и нами.

Я очень боялся, как бы не нарвался на мину какой-нибудь наш джип, а то и кто-нибудь из наших работников, проектировщиков и землемеров, которым предстояло облазить всю местность.

А что будет, когда придут массы поселенцев, которые вообще ничего в этом не понимают?

Поэтому мы решили, что не начнем работы на местности, даже землеустроительные, пока не расчистим ее от мин. Легко сказать «расчистить от мин»! В Цахале нам не удалось получить информацию о заминированных полях. Пришлось предположить, что вся местность заминирована и опасна. Мы отправились с Леви к высокому военному начальству, пустили в ход всю свою силу убеждения и получили танк «Шерман», специально предназначенный для разминирования. У этого танка спереди вмонтирован «паук» — металлический цилиндр, а на нем цепи и тросы, которые молотят землю во время езды, вылавливая мины, отбрасывая их прочь и взрывая на ходу.

Этот танк проделал всю «грубую работу». Он бороздил местность в течение нескольких недель и взорвал множество мин. Тем временем я связался с Давидом Фромером, одним из старых саперов и специалистов по особым заданиям Хаганы, Пальмаха и военно-морского флота. С ним было несколько парней, тоже больших специалистов по разминированию и обезвреживанию снарядов; мы их мобилизовали для очистки местности.

Но и этим мы не удовлетворились. После того как саперы ушли, началась глубокая вспашка всех площадей района. Такая вспашка преследовала двоякую цель: во-первых, мы хотели удостовериться, что не осталось

больше мин, а во-вторых, нужно было поднять эту давным-давно запущенную целину.

И вот огромные тракторы марки «Д-8» и «Д-9», выкрашенные в желтый цвет, поползли по полям Лахиша вдоль и поперек, таща за собой гигантский ножевой плуг, который проникал на глубину в полметра и даже больше, оставляя за собой огромные борозды.

Когда эта глубокая вспашка кончилась, мы знали, что теперь можно привезти сюда Авраамово семя: евреев, которым тоже предстоит процесс глубокой вспашки.

Глава 17

В КРОВЯХ ТВОИХ ЖИВИ

Два больших «маабарот» в северо-восточной части района мы построили не по заранее разработанному плану, а нас принудили к этому обстоятельства: просто некуда было поселить иммигрантов. Все «маабарот» в стране — битком набиты, а поток иммигрантов — главным образом, из Марокко — не прекращается. Пришлось построить два временных лагеря на северной окраине района, чтобы без помех осуществить наш проект. Маабара «Херувит» была построена севернее кибуца Кфар-Менахем, а «Мешоа» — на 12 километров восточнее первой.

Маабара «Херувит» — больших размеров, там могли поместиться около тысячи семей. В мгновение ока выросли ряды времянок из оцинкованной жести и общественные здания, собранные из полуфабрикатов. От конца узкого шоссе кибуца Кфар-Менахем вела грунтовая дорога в «Херувит».

Вскоре в «Херувит» набилось полно народу. В первые дни лагерь сильно страдал из-за отсутствия надлежащего медицинского обслуживания. Правда, была там дипломированная медсестра, которая днем и ночью ухаживала за сотнями больных, но амбулаторию еще не успели построить, не было ни врача, ни оборудования, ни нужных бланков и печатей. А у бедной сестры работы по горло. Больным, которым она не могла помочь, направляла в ближайшую больницу, то есть в больницу

имени Каплана, расположенную неподалеку от Реховота. Вначале работники регистратуры относились снисходительно к нашим евреям, являвшимся в больницу без соответствующих документов. Каждый раз им говорили: «В следующий раз мы вас не примем, если не принесете направления по форме».

Время шло. Вдруг работники регистратуры получили указание «свыше» отнестись поосторожнее к евреям, направляемым в больницу из «Херувит» и «Мешоа» без документов по форме и отказывать им в приеме. Приходилось нашим инструкторам-добровольцам отправляться каждое утро с грузовиком, наполненным больными, и препираться с работниками регистратуры. Наши парни не отличались излишней терпеливостью, и не раз дело чуть не доходило до драки между ними и работниками регистратуры. Последние оправдывались: «Таковы инструкции. Разве нам не жалко больных? Но мы получили очень строгие указания».

Я немедленно созвал совместное совещание руководящих работников правления Купат-Холим, Министерства здравоохранения и другого «начальства».

Как водится на таких «межведомственных» совещаниях, каждый начал валить вину на другого. Работники Купат-Холим обвиняли во всем работников Министерства здравоохранения, те — этих, те и другие — технический отдел района Лахиш, нарушивший сроки ввода в действие поликлиники, а все вместе — ведомство общественных работ, не прокладывающего дорогу в лагерь, и Министерство финансов, не ассигнующего средства.

Я предложил прервать совещание и собраться числом поменьше в самом лагере: на месте будет виднее, что делать.

Мы назначили день и час совещания, которое должно было состояться в конторе районного управления.

В назначенное утро в наше управление в Ашкелоне явились районный врач и старшая сестра — от Купат-Холима. Все четверо очень хорошо знали друг друга по совместной долголетней работе и вечным взаимным конфликтам.

Старшие медсестры жили в стране с незапамятных времен. Они были из тех, кто делал профилактические

уколы еще Гарцифельду, Эшколу и Голде в «Гдуд-Гаавода» («Трудовом батальоне») на строительстве шоссе Тивериада — Цемах, или кололи малюток Моше Даяна из Ум-Джуни и Игала Файковича — из Масхи.

В то утро разверзлись небеса, и на район Лахиш обрушился небольшой потоп. Никто не передумал и не жаловался: раз так, то мы с Леви Арговым запустили моторы наших двух джипов и тронулись в путь.

Кое-как добрались до Кфар-Менахем. Оттуда и до лагеря нам то и дело приходилось переключать все особые скорости джипов, и однако мы чуть ли не на каждом шагу буксовали и зарывались в грязь. С огромным трудом добрались до амбулаторного барака и ворвались туда, промокшие до нитки. В бараке нас ждали несколько инструкторов и наша медсестра.

По выражению их лиц я понял — что-то случилось. Сестра сразу обратилась к врачам и сестрам:

— Сегодня утром начались сильнейшие родовые боли у одной женщины. Она погибает от болей у себя в бараке. Все попытки облегчить роды ничего не дали.

Не успела она досказать, как врачи и медицинские сестры побежали в барак к роженице.

Мы остались в бараке, служившем амбулаторией, инструкторы вскипятили нам чай, и мы сидели и беседовали. Дождь по-прежнему лил, не переставая.

Прошло полчаса. Два члена нашей «медицинской комиссии» вернулись в амбулаторию. Они рассказали нам, что роженица — ее звали Саррой Мизрахи — в очень тяжелом положении. Она истекает кровью и если ее не перевезти в больницу сейчас же, то ни она, ни ребенок, пожалуй, не выживут. Помочь здесь может только гинеколог да операционный зал.

Мы все помчались к бараку. Быстро сколотили носилки, на которых вынесли бедную женщину, извивающуюся от боли. Прикрыли ее простынями и одеялами и положили в джип Леви Аргова. Рядом с ней сели две медицинские сестры. Я посадил двух врачей в свой джип, и мы рванулись прочь из лагеря.

Наш рывок очень скоро превратился в отчаянный бой с жидкой кашцей, покрывшей толстым слоем то, что некогда было грунтовой дорогой. Мы продвигались больше ползком, буксовали на каждом шагу, нас то и дело

заносило. Выезжая из лагеря, мы попали в лужу, настоящее озеро. Я ехал впереди, поэтому мне как-то удалось проскочить. Зато джип Леви Аргова застрял посредине. Мы вышли из машины, полезли в озеро до самых колен. Из лагеря прибежали инструкторы, а с ними несколько мужчин. Общими усилиями мы пытались столкнуть с места машину, из которой раздавались душераздирающие вопли роженицы.

Джип крепко увяз и упирался, как мул. Мы вынесли женщину из машины и перенесли ее на руках в мой джип. Вместе со мной сели врач и медсестра, я включил мотор, и машина тронулась.

Видно, заступилась за нас праматерь Рахель, которая тоже немало настрадалась при родах; так или иначе, а через полчаса труднейшей езды мы добрались, наконец, до шоссе кибуца Кфар-Менахем. До этого я не слышал и не хотел слышать ничего на свете. Я весь ушел в рулевое управление и в коробку скоростей. Когда я выехал на шоссе, то спросил у сестры, сидевшей сзади, как там роженица.

— Очень плохо, — ответила сестра. — Если вы можете ехать быстрее, то, пожалуйста, сделайте это. Тогда мы ее, может быть, спасем.

Роженица не то лежала, не то сидела на заднем сидении, а ее обнаженные ноги, скрученные судорогой, лежали на спинке переднего сидения, чуть ли не у самого моего плеча.

Она уже не кричала: видно, совсем обессилела. Только продолжительные стоны и глухие рыдания вырывались из ее уст.

Я до отказа нажимал на газ и мчался, как привидение, по узкому шоссе. Когда мы добрались до главного шоссе, у перекрестка Масмин, я включил все фары и помчался во весь опор, сигналив непрерывно, как пожарная машина.

Еле живые мы добрались до больницы. Роженицу немедленно положили на носилки, и она мигом скрылась из наших глаз в больничном коридоре.

Я просто изнемогал от усталости и волнения. Снова сел в машину и медленно поехал в Ашкелон. Дома принял душ и переоделся.

Потом пошел в контору и попросил Шейлу позво-

нить в больницу. Несколько минут спустя она вернулась и сказала:

— Поздравляю. Она родила сына. И она и сын здоровы.

На очередном совещании мы выпили за здоровье матери и сына.

Глава 18

ВИЗИТ СТАРОЙ ЛЕДИ

Однажды зимой, в самый разгар подготовительных работ и строительства большой «маабары» в Херувите, позвонили срочно из Иерусалима, из Министерства иностранных дел.

Разговаривал со мной заведующий отделом США.

— Слушай меня внимательно, — сказал он. — На будущей неделе в страну приезжает Элеонора Рузвельт, и мы хотим, чтобы она побывала один день у тебя в Лахише. Ты ей там все покажешь, познакомишь со стройкой.

— С какой стройкой? — не понял я.

— Лахиш, конечно, — ответил он.

— Да ты что, друг милый! Это же прямо смешно! У нас еще нечего показывать, кроме временных служебных помещений, нескольких затасканных карт и пустынных просторов, усеянных минами и изрытых снарядами. Оставьте нас в покое, ради Бога! В Израиле, слава Богу, есть что показать и помимо Лахиша. Совершенно незачем таскать леди Элеонор в наше захолустье.

— Ты не понимаешь, — сказал мне сотрудник Министерства иностранных дел. — Ей еще в Америке успели всучить ваш Лахиш и вдолбили ей в голову, что Лахиш — жемчужина израильского планирования на сегодняшний день. Она обидится, если мы ее не повезем туда.

Я без обиняков высказал товарищу, что я думаю и о нем, и о его коллегах, успевших сбить с рук то, что еще в помине нет; прошелся заодно и по Министерству иностранных дел и вообще по нашему правительству, а под конец сдался.

— Насколько я понимаю, она сначала поедет смотреть наш водный проект «Яркон-Нетев» в Рош-Гааин. Ладно, буду ждать ее на перекрестке у Масмии часов

в десять, повезу ее в маабару «Херувит», познакомлю с окрестностями и угощу обедом в Ашкелоне.

— Ни в коем случае! Ты понимаешь, что ты говоришь? — испугался работник министерства. — Ты соединишься к генералу Бен-Арци, начальнику компании «Мекорот», вы заберете госпожу Рузвельт в семь часов утра, ты поедешь тоже на проект Яркона, а оттуда уж повезешь ее в Лахиш.

— Но зачем это все? — спросил я. — Жалко рабочего времени.

— Что значит — жалко? — изумился мой собеседник. — Как же она поедет одна, без сопровождения, из Рош-Гаанин в Масмию? Этого нельзя допустить ни в коем случае!

И вот, в одно пасмурное и серое утро мы явились с генералом Бен-Арци к подъезду гостиницы «Рамат-Авив» — в то время самой роскошной гостиницы Тель-Авива, расположенной на северном берегу Яркона.

В семь к нам вышла госпожа Элеонора Рузвельт и два сопровождающих ее лица. Мы представились ей, а она, повидавшая на своем веку не одного бригадного генерала или там начальника проекта, посмотрела на нас со своей высоты в метр восемьдесят с лишним, — мы с Бен-Арци — оба не низкорослые, — и добрейшая улыбка засветилась на ее своеобразном лице — нельзя сказать красивом, но ужасно милом, благородном, умном и любознательном.

Мы сели в черную длинную машину. Бен-Арци начал объяснять госпоже Рузвельт, что едем мы смотреть, как «укрощают» реку, вгоняя ее в трубы, по которым вода будет подана в Негев.

— А как зовут эту реку? — спросила она.

— Яркон, — ответил Бен-Арци и торопливо добавил. — Вот мы как раз проезжаем по мосту над рекой.

Не успел он досказать, как наша машина оставила далеко позади себя маленький мостик «Бейли», который вел тогда через Яркон.

Элеонора Рузвельт повернула свою длинную шею, посмотрела назад, затем в окно и в изумлении спросила Бен-Арци:

— Уот ривер? Уот бридж? («Какая река? Какой мост?»).

Добравшись до истоков Яркона в Рош-Гаазин, мы вышли из машины и спустились в большой туннель, который вырыли в склоне одного холма. Из соображений безопасности туда поместили двигатели и насосы, перекачивающие воды Яркона по трубам большого диаметра в Негев.

В туннеле стоял оглушительный шум. Шипели ацетиленовые сварочные аппараты, кругом гулко ударяли молотки, мотористы сновали у своих двигателей, выкрикивая распоряжения и советы друг другу. Гремели бетономешалки.

Элеонора Рузвельт смотрела на все это через тучу пыли, освещенную прожекторами и электрическими лампочками, приговаривая: «Гранд», «Уондерфул», «Вериксайттинг» («Величественно», «Чудесно», «Захватывающее»). После этого мы вышли, чтобы показать ей источники воды и каким именно образом их перехватывают посредством огромных бетонных сифонов.

Между туннелем и колодцами простирались несколько сот метров непролазной грязи. Госпажа Рузвельт, вся испачканная липкой глиной, шла по нашим следам как длинноногая цапля.

Наконец-то мы добрались до бетонных сифонов, имевших форму цилиндра, вкопанного в землю. Бен-Арци попросил госпожу Рузвельт нагнуться через бетонный парапет и заглянуть на дно колодца. Госпажа Рузвельт послушно заглянула. Бен-Арци пояснил, что на дне каждого колодца имеются несколько родников, на которые теперь «накинут узду», и вместо того, чтобы вода напрасно текла в море, она попадет в насос, а оттуда ее перекачают в Негев.

Мы все заглянули на дно колодца, где на глубине десяти метров весело журчал малюсенький родничок.

Элеонора Рузвельт смотрела несколько минут на этот родник, затем испытующе посмотрела на нас, словно хотела проверить — не издеваемся ли мы над нею, и наконец спросила:

— Вы хотите сказать, что все те гигантские машины, которые я видела под землей, должны будут перекачивать этот ручеек, что внизу?

Пришлось нам пояснить ей, что это все, чем мы располагаем в нашей маленькой стране, и что ни в какое

сравнение наш водный проект с какой-нибудь «Долиной Теннесси», «Гранд-Колорадо» или другими проектами в ее стране идти не может.

Часы показывали уже девять и осмотр водного проекта подошел к концу. Госпожа Рузвельт проявляла явные признаки усталости. Она попрощалась с Бен-Арци и с его свитой и села в длинную черную машину. С этой минуты я ответственен за высокую гостью, и я не забывал указания Министерства иностранных дел не оставлять ее ни на минуту в «нолевом» положении.

Я сел рядом с шофером, обернулся и увидел, что Элеонора Рузвельт прямо «кклюет носом». Я подумал: чем провинилась эта чудесная старушка передо мной или перед народом Израилевым, чтобы морочить ей голову скучным «цифровым материалом»? Не лучше ли будет дать ей вздремнуть?

Поэтому я прикусил язык и устремил свой взгляд на дорогу. Минут через пять еще раз обернулся и увидел, что голова госпожи Рузвельт несколько запрокинута назад, а сама она спит мирным сном праведника. Я не стал мешать ей, и так мы доехали вскоре до маабары «Хсрувит».

Когда меня оповестили о предстоящем визите госпожи Рузвельт, я долго бился над вопросом, что ей здесь показать. Карты? Аэрофотоснимки? Рабочие чертежи? Что она найдет в них интересного?

Единственным живым «экспонатом» была маабара с ее тысячью северо-африканских семейств, проживающих во временках из гофрированной жести. Я решил привести госпожу Рузвельт в маабару. А чтобы придать ее визиту торжественный характер, попросил воспитательниц и учительниц, работавших здесь на добровольных началах, принарядить детей, расставить их двумя рядами у ворот маабары и научить их кричать: «Добро пожаловать!». Я попросил также, чтобы несколько детей преподнесли гостю букеты цветов.

Что же сделали милые воспитательницы? Они отправились в то утро с детьми на соседние холмы, покрытые полевыми цветами, нарвали целые охапки желтых анемонов прямо с корнями, на которых налипла земля, и связали несколько десятков букетов, весом по меньшей мере полкилограмма каждый.

Когда мы с Элеонорой Рузвельт вышли из машины, нас встретили два ряда мальчиков и девочек, одетых в голубую форму, и с желтыми букетами в руках.

Старая леди и я стали обходить ряды, и вдруг по приказу старшей воспитательницы дети принялись забрасывать нас цветами. Воспитательница, видно, решила, что таков обычай в Америке и побуждения у нее были, конечно, самые лучшие. Беда только в том, что вместе с цветами на нас обрушивались и комья земли, прилипшие к корням.

Элеонору Рузвельт этот залп, обрушенный детьми по ней из любви, захватил врасплох. Все платье было испачкано грязью. Я побледнел и попытался перехватить злополучные букеты-снаряды еще до того, как они ударят по моей леди, прикрикивая на детей и на воспитательниц прекратить огонь.

Хорошо то, что хорошо кончается. По счастью, старая леди не была лишена чувства юмора, и когда я объяснил ей секрет торжественной встречи, которую нам с ней устроили, она от души посмеялась. Она побеседовала с учительницами и воспитательницами, прижала к сердцу нескольких детей, затем я рассказал ей, что мы собираемся создать здесь в Лахише, и как родители этих детей станут заправскими земледельцами, а вечером мы с нею распрощались, вручив огромный букет полевых цветов, на этот раз хорошенько вымытых и без комьев на корнях.

Глава 19

ЛЮДЕЙ СЕЛИТЬ, НЕ ЕЖА КУПИТЬ

Весной 1955 года наш первенец, село Оцам, был готов принять поселенцев..

Жилые дома были уже покрашены, а рядом с каждым домом — уборная, построенная из асбеста, и колонка. В центре села стояли бараки, в которых разместились общественные учреждения: кооператив, синагога, миква, клуб, склад оружия, детский сад, школа.

Переселение первой партии было назначено на вторую половину мая.

Представители «движений» уже начали орудовать в большой и многолюдной маабаре «Херувит» и сколачивать там «поселенческие ядра». Действовали два движения — «Движение мошавов», вот уже года три-четыре проводившее упорную и благотворительную работу среди иммигрантов, и мошавное движение «Гапозл Гамизрахи», сугубо религиозное.

Обе эти организации охотились теперь на новых иммигрантов. Руководители «Движения мошавов», основывающегося на светских принципах, сразу поняли, что им нужно срочно приспособиться к религиозному и традиционному образу жизни выходцев из стран Ближнего Востока, и начали искать среди мошавников-старожилых людей, соблюдающих религиозные обычаи, которые могли бы работать среди иммигрантов. Мошавное движение «Гапозл Гамизрахи» подобных трудностей, конечно, не испытывало.

Обе организации соперничали между собой весьма энергично. Каждая сознавала, что чем больше она перехватит душ, тем больше у нее будет шансов на то, чтобы получить «клетки» и поселить там свои «ядра».

Вся эта история с «ядрами» продолжала внешне великую традицию заселения страны времен мандата, когда представители поселенческих движений отправлялись в страны рассеяния и убеждали там молодежь пристать к тому или другому «ядру ахшары».

Однако теперь положение было совершенно иное: люди прибывали тысячами и десятками тысяч — старики, женщины, малые дети. Они совсем не разбирались в тонких нюансах «движений», не имели ни малейшего понятия об идеологической структуре трудового мошава. Они знали одно: они вернулись в страну своих предков, чтобы жить каждый под своим виноградником и под своей смоковницей.

Таким образом «идеологическая» деятельность между этими иммигрантами несколько отличалась от разъяснительной и просветительной деятельности халуцианских движений в прошлом. Представители движений быстро поняли, что главное — это опередить соперника и заполучить главу каждого большого и важного семейства еще за рубежом. Если «Убедить» главу семейства, то весь род шел потом следом за ним.

Иммигранты со своей стороны тоже поняли, что существует большой спрос на них и, значит, можно поторговаться.

Чтобы не допустить лишнего соперничества между обоими движениями и не дать разгораться страстям и междоусобным еврейским войнам, мы пришли к молчаливому соглашению о том, что маабара «Херувит» — сфера влияния «Движения мошавов», а маабара «Машоа» — такая же сфера влияния мошавного движения «Гапоэл Гамизрахи».

Чем ближе подходил срок переселения, тем все усиливалась работа «Движения мошавов» среди иммигрантов лагеря «Херувит». Первое «ядро», созданное там, состояло из выходцев из Марокко, а именно — из села Бугмаз, расположенного на южном склоне Атласских гор.

Эти евреи, с огромными черными бородами и с горящими как угли глазами, носили темные и белые халаты, совершенно как арабы; молодые мужчины — крепкие и сильные, у каждого — многочисленная семья; а женщины носили яркие одежды, по обычаю евреев, проживающих среди берберийских племен. Евреи Бугмаза прибыли в страну, словно представители какой-то очень древней цивилизации. Они с незапамятных времен жили среди берберов, в плодородных долинах у южных подножий покрытых вечными снегами Атласских гор, в живописных деревнях, каждая из которых, окруженная стеной из красного кирпича и управляемая «кесарем», является крепостью местного властелина.

Сельское хозяйство в этих деревнях было отсталым, жители были преимущественно заняты на финиковых плантациях.

Однако берберы — отважные бойцы и отличные наездники еще с тех пор, когда они совершали набеги на Иберийский полуостров.

Евреи совершенно вписались в этот дикий и живописный ландшафт в течение веков, — может быть, еще со времен Второго храма, — и вполне акклиматизировались. Они выполняли там органические виды работ: были сапожниками и портными, ковали железо и медь, были золотых и серебряных дел мастерами и, конечно же, торговали вразнос и на многолюдных деревенских

и городских базарах пестрыми тканями и сверкающими украшениями.

Климат в Атласских горах — довольно резкий: снег и морозы зимой, а летом — невыносимая жара. Климат и природные условия наложили свой отпечаток на евреев и на их одежду. Лица у них были словно дубленные от ветра, солнца и мороза, без малейшего признака городской изнеженности: мужчины были настоящими мужчинами, а женщины — настоящими женщинами. Домом единовластно правит мужчина. Семьи — большие и патриархальные. Каждый знает свое место, дисциплина — крепкая. «Хахам» общины окончательно и бесповоротно решает вопросы, связанные с религией и гражданским состоянием.

Вот на этих-то евреев обрушились теперь представители наших поселенческих движений.

Бецалел Негораи, которому «Движение мошавов» поручило организовать «ядра» среди выходцев Бугмаза, затем перевезти их в Оцам и работать инструктором у них в первые годы, был и сам выдающейся личностью среди посланцев «Движения мошавов».

Во-первых, он не был мошавником, а старым кибуцником, еще из основателей кибуца Генигар в Ездрелонской долине. В молодости, которую он провел в далекой и необъятной России, он страстно увлекся сионизмом и халуцианством. Там же он познакомился с Ахавой и женился на ней. В Генигаре они стали столпами кибуца: Ахава, бесконечно добродушная и терпеливая женщина, ко всем относящаяся как мать, и Бецалел со своей медвежьей внешностью, которая, однако, не мешала ему быть в высшей степени проворным в любом деле как в поле, так и дома.

К концу 1954 года Бецалел, которому пошел уже шестой десяток, решил пойти с Ахавой добровольцами в мошав иммигрантов от имени «Движения мошавов». Оба были «добровольцами-ветеранами», но мы вмиг оценили их достоинства и были очень рады принять их.

Вдобавок ко всему Бецалелу и Ахаве удалось блюсти и в кибуце религиозные традиции и обычаи. Кибуц, правда, не был религиозным, но в семействе Негораи ели только кошерное, чтили субботу и еврейские

праздники. Это у них получалось как-то очень просто и естественно.

Бецалел и Ахава поселились в Херувит среди иммигрантов из Бугмаза. Первые недели все шло как по маслу. Бецалелу удалось столкнуться с главами семейств, он брал их с собой в строящийся Оцам и пытался растолковать им что к чему. «Движение мошавов» предоставило в его распоряжение переводчика, молодого парня, выходца из Марокко, теперь жителя мошава Ишраш, знавшего арабско-берберийское наречие, на котором говорили выходцы из Бугмаза.

Через некоторое время Бецалел почувствовал, что с его «воспитанниками» творится неладное. Какие-то пошептывания, слухи, сплетни. То и дело приходилось слышать «вот тут — трэфное», «вон там — хазер».

Бецалел говорил обо всем с Саулом Ореном, самым старшим инструктором в Херувите. После короткой слежки выяснилось, что в Херувит «занесло» несколько человек, которым здесь делать нечего, если не считать того, что им было поручено «разъяснить» членам «ядра», что их собираются увезти в «трефные» и «нечистые» места.

Я понял, что «иудейская война» началась. Вызвал к себе представителей «Движения мошавов» и «Гапоэл Гамизрахи» и пояснил им, что очень скоро, уже с мая месяца, мы сможем заселять в неделю по новому мошаву, поэтому я их убедительнейше прошу не нарушать дженгельменское соглашение, заключенное между ними, и не пытаться перехватывать друг у друга людей.

Представители «движений» уже всю враждовали между собой. Они обвиняли друг друга во всевозможных кознях, в подстрекательстве иммигрантов, и мы с большим трудом нашли какой-то «модус вивенди».

Заселение первого мошава, а именно мошава Оцам, мы назначили на 22 мая, которое совпадало с новолунием месяца Сиван.

Руководители и деятели «Движения мошавов» отнюдь не намеревались проворонить такой великий день. Район Лахиш уже успел войти в моду, и газеты посвящали ему аршинные заголовки. Мне, а также моим товарищам в Лахише, все эти массовые торжества были ни к чему. Для нас этот день был просто началом, и мы заранее предчувствовали всю трудность предстоящих

нам серых будней. Нас тревожило также поведение глав бугмазской общины, которые должны были поселиться в Оцаме.

И вот, словно в оправдание наших опасений, за несколько дней до переселения как-то вечером прибыли в Херувит ешиботники из Бней-Брака, заняли позицию у барака добровольных медицинских сестер и женщин-инструкторов и принялись орать: «Проститутки!», «Бесстыжие!», пока их с позором не прогнали инструкторы. Мы не знали, чьих рук эта демонстрация, но на душе стало еще тревожней.

Бецалел организовал среди поселенцев жеребьевку на получение жилых домов. Дома были прикреплены к земельным участкам по системе, принятой нашими проектировщиками. Разбросанность села была большая, поэтому некоторые дворы, естественно, расположены ближе к центру села, а другие — дальше. Мы решили бросить жребий, чтобы потом не было жалоб на несправедливое решение. Бецалел рассказал мне, что жеребьевка прошла благополучно, и что каждый поселенец теперь знает, какой ему достался дом.

Приготовления к празднику переселения были закончены. В центре села построили трибуну, мачты для флагов. Для гостей приготовили угощение.

За день до праздника привезли поселенцев. Я стоял в центре села с группой инструкторов и работников района, когда из Херувита начали прибывать первые грузовики. Руководил всем Бецалел. Поселенцы сошли с машин, а мы приготовились развести их по домам, согласно жеребьевке. Какие мы были наивные!

Ифрах Масод, крепко сбитый и хитрый мужчина, глава большого рода, состоящего из десятка семейств, первым спрыгнул с машины и захватил дом, расположенный ближе всего к магазину. Остальные семейства своего рода он рассовал в соседние дома. Бецалел закричал что было силы:

— Ифрах Масод, что ты делаешь?! Это не твой дом!

Не успели мы и глазом моргнуть, как глава рода Бен-Хаму, состоявшего тоже из десятка семейств, захватил дом у синагоги, а члены его небольшого «племени» — остальные дома по соседству.

Глава и остальные мужчины рода Ревиво, видя, что

их «провели» и захватили дома, доставшиеся им по жребии, закричали караул. Семейство Коген напустилось с кулаками на семейство Ифраха Масода. Сыновья Асулина набросились на детей Бен-Хаму.

Бецалел носился как ошалелый от одного к другому, кричал, просил, умолял, угрожал — без всякой пользы. Люди вцепились один в другого, и все село превратилось в сплошной балаган.

Мы ринулись в самую гущу, начали разнимать дерущихся, а потом снова стали распределять дома — на этот раз уже не по жребии, а по родам. Только к концу дня, когда на обезумевшее село спустились сумерки, а люди утомились, нам удалось положить конец суматохе и вселить большинство поселенцев в бараки. Несколько семейств ворвались в общественные здания и отказывались освободить их. Все сердито пререкались. Все были недовольны тем, что им досталось.

Это было только начало. Поздно ночью я вернулся в Ашкелон. Тут же позвонил руководителям «Движения мошавов» и категорически объявил им, что торжества отменяются и поэтому необходимо немедленно оповестить печать и радио. Только их нам еще не хватало!

Назавтра, рано утром, я помчался обратно в Оцам. У меня было смутное предчувствие, что беды на этом не кончатся.

Встретил меня Бецалел и рассказал, что «делегация» поселенцев в составе десятка мужчин ушла ночью в неизвестном направлении. Он опасается, что они подались в Тель-Авив или в Иерусалим, чтобы устроить демонстрацию перед «начальством».

— Ифрах Масод тоже поехал с ними? — спросил я.

— Нет, — ответил Бецалел. — Ифрах Масод организует бунт на месте. Он подстрекает людей не выходить сегодня утром на работу.

Тем временем приехал десятник «Керен Кайемер», чтобы повезти людей на работу по посадке деревьев неподалеку. Ничего другого мы пока не могли им предложить.

Из ворот одного барака вышел Ифрах Масод, а с ним с два десятка возбужденных евреев. Ифрах обратился к нам и заявил, что «жители этого села не выйдут на работу в «Керен Кайемер», потому что зарплата

там низкая, работа тяжелая, и вообще мошав Оцам перейдет на днях в ведение «Гапоэл Гамизрахи» и перестанет быть «нечистым» и трефным» местом.

Работник «Керен Кайемета», опытный и тертый товарищ, принялся собирать людей с «окраин» села. Они начали залезать в машины. Увидев такое дело, Ифрах схватил лопату и бросился на инструктора, злобно выкрикивая:

— Я размозжу тебе голову!

Началась драка, суматоха и балаган. Люди, согласившиеся выйти на работу, испугались и прыгнули с машин.

Я завел свой джип, во весь опор помчался в полицию Ашкелона и вернулся в сопровождении сержанта и нескольких полицейских. Те задержали Ифраха Масода по обвинению в нападении на инструктора и забрали его с собой в полицейский участок Ашкелона.

В обед нам стало известно, что делегация, выехавшая из Оцама, добралась до руководящих учреждений в Тель-Авиве и до дома «Гапоэл Гамизрахи», устроила там сидячую забастовку протеста против подавления свободы совести, против «трефного» и «хазера» в Оцаме.

Журналисты и фотокорреспонденты накинулись на сенсацию, и на страницах всех газет появились фотографии наших евреев в халатах и статьи о их жалобах.

Я вмиг понял: если делу не положить конец немедленно, то это приведет к цепной реакции, которая превратит «Оцам», «Шахар» и «Ноам» в притчу во языцех.

Я помчался в Иерусалим к Эшколу. Он сразу уловил всю серьезность обстановки и тут же созвал к себе вождей как «Гапоэл Гамизрахи», так и «Движения мошавов». Это была горькая и тяжелая встреча. Я обрисовал положение в очень резких выражениях. Деятели «Гапоэл Гамизрахи» не сдавались, и обвинили меня и моих товарищей в том, что мы без основания арестовали их товарища Ифраха Масода. Пришлось ответить им, что когда грозятся проломить голову нашим инструкторам, у нас есть только один «товарищ», а именно — израильская полиция, и добавил, что если они считают Ифраха Масода и его братию «своими товарищами», то пусть забирают их не только из Оцама, но и вообще из Лахиша.

Принимая, однако, во внимание, что мы все — од-

ного поля ягодки, и что у меня были прекрасные взаимоотношения с деятелями «Гапоэл Гамизрахи», большинство которых — труженики и большие энтузиасты, мы пришли в конце концов к компромиссу и пошли на мировую.

Однако с Ифрахом Масодом мы ни на какую мировую не пошли и заставили его вместе с полудесятком семейств покинуть Оцам. Они поселились в первом мошаве «Гапоэл Гамизрахи» района Лахиш, а именно в мошаве «Эйтан». Там Ифрах стал со временем тихим и трудолюбивым хлеборобом, и я частенько заходил к нему выпить стаканчик и вспомнить горячие первые деньки.

Глава 20

ДЕРЕВЕНСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ЕВРЕИ

Атласские евреи, поселившиеся в Оцаме, нашем первом мошаве, были вроде «деревенскими» евреями: мы даже считали, что они крестьяне, и думали, что привыкнут они к земле без особых трудностей. Очень скоро выяснилось, как глубоко мы заблуждались: мало того, что нет ничего общего между современным сельским хозяйством и примитивным земледелием берберийских племен, но наши евреи были еще вдобавок вовсе не крестьянами, а как вообще евреи в странах рассеяния — ремесленниками, кустарями, мелкими торговцами и так далее.

(И действительно, когда некоторое время спустя, один мой знакомый посетил небольшие города и села южного Атласа, он прошелся также по базару между рядов кустарей и искал особую обувь, которую носили жители Атласа. Ему не раз тогда отвечали: «О, господин хороший, нет теперь хороших сапожников в нашем городе. Когда-то были искуснейшие сапожники, евреи, знаете ли. Но они уехали в страну своих предков, а теперь некому стачать хороших сандалий. Хорошего халата не достать сегодня, потому что и портные все — евреи — подались на восток, в Израиль...»).

Вот в этом, по крайней мере, выходцы из Атласа не разочаровали нас. Пускай они и не были знакомы с

современным сельским хозяйством, но к физическому труду, и вообще к деревенской жизни они привыкли еще в Марокко, а, значит, легко привыкли и у нас.

Когда наступила очередь заселить мошав «Шахар», мы попросили работников отдела интеграции, сопровождавших иммигрантов на пароходе из Марселя в Хайфу, отобрать для нас еще одно «ядро» атласских евреев для мошава «Шахар».

— Будет сделано, — ответили нам.

Однако работники, занятые по горло, не стали утруждать себя отбором людей. Когда я приехал в «Шахар» на следующий день после прибытия первой группы поселенцев, то заметил по выражению лиц наших инструкторов, что не все в порядке.

— В чем дело? — спросил я.

— Пойдем, сам увидишь, — ответили они и повели меня знакомиться с поселенцами.

В первом бараке мы познакомились с семейством Даган. Глава семьи сидел у порога, тараща глаза на все, что происходило вокруг, а мать, дебелая красавица, стирала во дворе. Дети, числом пять или шесть, сидели в пустом дворе, словно отрешенные от мира.

— Откуда приехали, господин Даган?

— Из Танжера.

— А чем вы занимались в Танжере?

— У меня там было кафе, — ответил он. — Нет ли тут поблизости какой-нибудь «вилль» (город)? Зачем вы нас завезли в «виляж» (деревню)? Мы ведь не крестьяне, наши предки тоже крестьянами не были. Я собираюсь открыть кафе где-нибудь в городе.

Не помню уже, что я ему ответил на это, но он, конечно, остался недоволен моим ответом. Мы зашли в следующий дом. Там поселилось семейство Леви.

— Откуда приехали, господин Леви?

— Из Танжера.

— А чем занимались в Танжере?

— У меня там было кафе.

В третьем бараке мы застали семейство Коген, тоже из Танжера.

У господина Когена в Танжере был «кабарет».

У семейства Бен-Харош, которое мы застали в четвертом бараке, тоже было кафе в Танжере.

А вот у господина Бен-Шимхона в Танжере была винная лавка, и он снабжал команды кораблей в порту. А у господина Ифраха было кафе.

Вот какой народ прибыл к нам в «Шахар». Все же прошло несколько дней, и эти владельцы кафе и «кабаре-ретов» из Танжера начали прокладывать трубы, помогать строителям, работать на лесопосадках, а под конец развели даже огороды во дворах.

Конечно, утверждать, что процесс этот проходил гладко, и что прошли его все, не приходится.

Проходили недели и месяцы. Села Лахиша были постепенно заселены. Наступила очередь Кирьят-Гата, «столицы» округа.

Первые пятьдесят домов, каждый из которых предназначен для двух семейств, стояли двумя рядами, готовые принять новоселов.

Незадолго до этого мы снова обратились к работникам отдела абсорбции и известили их, что на этот раз нам нужны горожане. Очень важно, чтобы первые поселенцы были именно горожанами, которые, может быть, работали когда-нибудь на современных предприятиях. Есть место и для хозяина кафе, для нескольких лавочников. Главное, — чтобы были горожане, а всего лучше — жители большого города, Касабланки, например.

— Будет сделано, — ответили нам.

И вот в один прекрасный день стоим мы в сумерках у въезда в Кирьят-Гат и ждем прибытия из Хайфы первой группы поселенцев на грузовых машинах. Тут были инструкторы, работники отдела абсорбции, несколько работников из администрации округа, а также женщины-добровольцы, принесшие печенье и прохладительные напитки, чтобы новоприбывшие могли напиться и перекусить после утомительного пути.

Наконец прибыла первая машина. К «городу» вела еще проселочная дорога, и машина прямо утопала в пыли. Скрежеща тормозами, она остановилась около нас.

— Это Кирьят-Гат? — спросил шофер.

— Точно, Кирьят-Гат, — ответили мы хором.

— Чудненько, — сказал шофер, молодой силач; выпрыгнул из кабины, обошел машину, отдернул брезент, приставил лестницу с одной ступенькой и закричал.

— Приехали, господа! Прошу выйти!

И вот они вылезают — евреи с огромными бородами, в коричневых халатах, патриархи, словно сошедшие со страниц Библии. Праотец Авраам с длинной бородой, белой, как снег; за ним праотец Ицхак, ростом повыше, костью пошире, с пепельно-белой бородой; за ним праотец Иаков с черной бородкой и горящими глазами.

Я смотрел на них в изумлении.

— Откуда приехали?

— Мы из деревни Варзает, — ответили евреи. — Возделывать землю наших предков приехали: пахать, сеять и добывать хлеб из земли.

Это и были первые городские жители Кирьят-Гата. И тут тоже прошло несколько дней, и наши евреи пошли работать — правда, без особого воодушевления, — на молодых и новых предприятиях, которые начали создаваться в новом городе.

Глава 21

ВЕЛИКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мне позвонили из Министерства иностранных дел. — Снова к нам пожаловала важная гостья. На сей раз ты, конечно, будешь рад. В страну прибыла доктор Маргарет Мид, всемирноизвестная специалистка в области антропологии и социологии.

Я, действительно, очень обрадовался. Будучи студентом факультета общественных наук Иерусалимского университета, я учился по ее книгам, знание которых было обязательно для каждого студента-социолога. Мне очень нравился ее ясный и яркий язык, лишенный того наукообразного жаргона, который свойственен стольким трудам по социологии и призван, повидимому, только вносить путаницу в головы читателей и студентов. Маргарет Мид, напротив, писала в высшей степени толково и захватывающе интересно.

И вот я ее увижу, так сказать, лицом к лицу, а главное, мне не придется ломаться перед нею. Я знал, что Маргарет Мид побывала на своем веку еще и не в таких местах: ей не привыкать к трудностям и бездорожью. Поэтому я ни минуты не колебался, когда при-

шлось забрать ее на своем джипе из гостиницы в Иерусалиме. На экскурсию нам выделили три дня.

В первый день я повез ее к окрестностям древнего холма Тель-Лахиш. Мы стояли у его подножья, и я с воодушевлением, как заправский археолог, пояснял ей, что на этом холме есть и древние, и более молодые слои. Древние слои — еще времен прихода сюда евреев, а то еще древнее, то есть им больше четырех тысяч лет. «Молодые» же слои на вершине холма — византийского периода, и им не больше полуторы тысяч лет.

— Очень интересно, — вежливо сказала Маргарет Мид. — А вот те белые домики, что виднеются на горизонте?

— Это кибуц «Бейт-Говрин». Относительно старое село. Оно создавалось еще задолго до того, как мы вообще начали мечтать о создании Лахиша.

— А сколько лет этому старому кибуцу? — спросила госпожа Мид.

— Да лет шесть — ответил я.

— Прекрасно, — ответила госпожа Мид.

Мы поехали дальше на запад и проехали мимо Тель-Гата. Не выходя из машины, я пояснил:

— На этом холме обнаружили остатки кладбища времен начала арабского завоевания, то есть 8-го века нашей эры. Однако археологи собираются углубиться в недра холма и надеются найти там слои периода филистимлян.

И вот мы прибыли к мошавам иммигрантов, расположенным в центре округа, первым из которых был «Мецудат Иоав» («Крепость Иоава»).

— Вот перед нами, — сказал я госпоже Мид, — три новых мошава. В одном из них живут евреи Курдистана, во втором — евреи из Марокко, а в третьем — румынские евреи. Мошавы созданы всего лишь несколько недель тому назад.

Я показал рукой в сторону кибуца «Негба» и пояснил:

— А вот это старый кибуц, созданный еще лет десять назад.

— Мистер Элиав, — перебила меня доктор Мид, и улыбка пробежала по ее лицу и глазам. — Давайте сначала определим раз и навсегда, что вы подразумеваете

под словами «новый» и «старый». По-вашему получается, что «новым» является и Тель-Гат, которому «всего» тысяча лет, и мошав, которому нет еще и месяца. Кибуц же, которому десять лет, вы называете «старым» и старым же называете Тель-Лахиш, которому около пяти тысяч лет.

Я ответил:

— Трудно приложить к нашей истории и географии обычную мерку. Недаром же наш Герцль называл свою книгу «Альтнойланд» («Древняя новая земля»).

Мы вошли в мошавы новых поселенцев. Научная, человеческая и интеллектуальная любознательность доктора Мид просто не знала границ. Она беседовала с иммигрантами, с их женами и детьми. Долго расспрашивала инструкторов и инструкторш, проектировщиков, архитекторов и инженеров. Она входила в бараки, в кооператив, в склад оружия, в синагогу, в «микву». Ничего не ускользало от ее пытливого взгляда, и вопросы, которые она задавала, были в высшей степени дельными. В распросах миссис Мид явно чувствовался опыт десятиков лет, проведенных в исследовании племен, общин и рас во всех уголках земного шара.

Когда наша трехдневная и насыщенная экскурсия подошла к концу, и я отвез доктора Мид обратно в Иерусалим, то задал ей вопрос в пути.

— Миссис Мид, вы не поделитесь со мной своими общими впечатлениями о нашем проекте и вообще о виденном? Могу заверить вас, что я и мои товарищи, — восприимчивы к критике. Я хочу, чтобы вы знали, что мы сами действуем наощупь, блуждаем в потемках, пытаемся учиться на ошибках прошлого и все время ищем новых путей.

Миссис Мид бросила на меня испытующий взгляд:

— Вы действительно желаете услышать мое мнение?

— Конечно, хочу, — ответил я.

— Ну, так вот. Я думаю, что вы поступаете неверно, неправильно и неорганизованно.

— Вот как, — сказал я. — Может быть, вы мне объясните, что именно вы имеете в виду?

— Конечно. Я вам сейчас скажу, как бы стала поступать я. Итак, вот вы проектируете создание нескольких десятков новых сел, нескольких межсельских центров

и нового города, в которых вы собираетесь поселить десятки тысяч евреев. Евреи эти приезжают из Атласских гор и из чешских городов, из гор Курдистана, Йемена, Индии, Румынии и ряда других стран. Я собственными глазами увидела, что эти люди не только не говорят на одном языке, но пришли с совершенно разных планет как о общественном, так и культурном отношении. У них нет ничего, решительно ничего общего, кроме того, что они евреи. Более того, и это, пожалуй, ничуть не менее серьезная проблема, эти люди — вовсе не крестьяне. Только единицы, приехавшие из Курдистана и Марокко, занимались там примитивным земледелием, которым лучше бы не занимались, если исходить из ваших интересов здесь. И вы думаете, что после всего этого вам удастся превратить их в течение нескольких лет в современных земледельцев, которые будут жить на передовых и сложнейших кооперативных началах, которые носят пока еще экспериментальный характер в нашем мире?

— Все это, конечно, правильно, — сказал я.

— Так вот, мистер Элиав, — продолжала миссис Мид. — Я на вашем месте пошла бы другим путем. Первым делом, я бы обратилась от имени вашего правительства в соответствующие учреждения Организации Объединенных Наций и попросила, чтобы они всесторонне изучили эту проблему.

— В учреждения ООН? — изумился я.

— Да, в учреждения ООН. Обратилась бы, конечно, письменно. Спустя несколько месяцев вы получили бы ответ, что они согласны выполнить вашу просьбу, для чего направят сюда комиссию, которая проведет предварительное обследование на месте. В комиссию вошли бы представители Организации по земледелию и продовольствию, Международной организации труда, Международной организации по здравоохранению и прочих таких учреждений. Эта авторитетная комиссия выговорила бы себе, конечно, приличный срок для изучения этой сложной проблемы — скажем, года три. По истечении трех лет комплексного исследования комиссия потребовала бы еще один год — для составления отчета. Когда истек бы и этот год, вам представили бы объемистый том в несколько сот страниц, а в конце тома, в главе «Выво-

ды и рекомендации» вы бы нашли одну единственную строчку, которая бы гласила: «Ит кэн нот би дан», то есть «Не может быть претворено в жизнь».

Пока она говорила, я уже понял, что она смеется надо мной, а теперь, когда она кончила, уловил в ее умных глазах шаловливый и шутливый блеск.

— Ну, а вы, мистер Элиав, — заключила Маргарет Мид, — вы пошли своим собственным путем: вы не обратились в ООН и в соответствующие учреждения, не стали даже дожидаться социологов и антропологов вроде меня, которые бы посоветовали вам, что и как, и хорошо сделали. Вы затеяли великое человеческое приключение, энд мэй год блэс ю — да благословит вас Господь!

На этом взаимоотношения Маргарет Мид с районом Лахиш еще не кончились.

Некоторое время спустя Маргарет Мид снова появилась в Лахише, на этот раз в сопровождении дочери, — миловидной, длинноногой девушки лет семнадцати, вечно улыбающейся и с копной волос — что твой лен.

— Моя дочь хочет познакомиться с вашими пограничными поселениями, — вздохнула мать, — а заодно, конечно, и с вашими чудными ребятами из Нахал.

Мы выехали в полувоенные села Нехуша и Амацья, расположенные в районе Лахиш.

Вернувшись с экскурсии, уже в Амацье, я был невольным свидетелем весьма бурного спора, происходившего между матерью и дочерью. Я, конечно, не стал вмешиваться.

И вот ко мне подошла мать, за которой следом пришла и дочь, и говорит:

— Правда, что это очень опасное место, все время, почти каждую ночь, идет перестрелка с диверсантами, просачивающимися через границу?

Мне было сначала не ясно, какая роль предназначается мне в этом споре, и что скрывается за вопросами, заданными мне в присутствии дочери. Поэтому я невнятно пробормотал, что можно было истолковать как утвердительный ответ.

— Вот видишь, — повернулась мать к дочери, — тебе никак нельзя остаться здесь. Это прямо нелепость какая-то.

— Но, мама, — ответила девушка, — среди бойцов здесь есть и девушки. Почему же мне нельзя остаться?

— Ей здесь нельзя остаться, правильно я говорю? — обратилась госпожа Мид ко мне, и я услышал мольбу в ее голосе. Антрополога не стало, я видел всего лишь мать.

— Правильно, — ответил я.

Дочь начала сердиться и высказывать признаки непослушания.

— Я остаюсь здесь и конечно, — сказала она матери — Ты тоже никого не спрашивала, когда поехала к дикарям острова Борнео. Я тоже ни у кого не спрошу. Мне по душе это место, ребята здесь чудные, и я остаюсь.

Делать нечего. Пришлось матери согласиться, чтобы дочь осталась на одну ночь в Амацье. Я передал ее в надежные руки командира поселка, парня из квуцы Ки-нерет.

— Вы смотрите, обходитесь с ней вежливо.

— Будь спокоен, — ответил он мне, подмигивая.

Через день-два Маргарет Мид уехала из Израиля. Дочь, однако, осталась в Амацье: не на одну ночь, правда, и не на годы, но все-таки на длинный ряд недель.

Не удивлюсь, если когда-нибудь в мои руки попадет книга под названием «Возмужание в районе Лахиш».

Глава 22

ГИБЕЛЬ БЕН-АМИ

Когда к нам начали прибывать инструкторы-добровольцы из мошавов, я очень обрадовался, встретив среди них некоторых старых боевых товарищей из еврейских соединений английской армии, которые, как и я, прошли свой путь в Хагане, в нелегальной иммиграции, и, конечно, в войне за Независимость и в Цахале.

Это были мужчины моего возраста, лет тридцати с гаком. Теперь они снова оставили плуг, дом и созданные недавно, после долгих лет мытарств и боев, семьи. Снова они откликнулись на призыв; на этот раз, чтобы помочь поселкам иммигрантов. Они пришли без громких фраз, не мудрствуя лукаво, ни из какого не «сионизма», без парадов и торжественных прощаний.

Все эти ребята: Дов, Арик и Амос из Нахалала; Абрам и Шолом из Кфар-Виткин; Бен-Ами и Ури из Кфар-Иехезкиэль, и другие стали «номерами первыми» и столпами новых мошавов. Им помогли другие добровольцы помоложе, которым не так давно исполнилось всего лишь двадцать. Все эти ребята часто бывали у меня в гостях, в маленьком домике по улице Гаврадим в Ашкелоне, и мы крепко сдружились — не только из-за нашего общего прошлого в английской армии, в нелегальной иммиграции и в Цахале, а еще и потому, что я и сам ходил недавно в инструкторах-добровольцах в мошаве Неватим.

Одним из первых в Лахиш прибыл Бен-Ами Малхман из Кфар-Иехезкиэль. Хотя он и не был оратором и вожаком, но выделялся своей сильной личностью. Впервые я с ним встретился в Италии году в сорок шестом. Он служил тогда в еврейских транспортных частях английской армии, а после войны остался работать вместе с Егудой Арзи в Италии, где участвовал в организации нелегальной алии. Уже тогда Бен-Ами был известен как первоклассный шофер и талантливый организатор автоколонн, машин и береговых баз для нелегальной переправки иммигрантов. В нашем отделении в Италии он выполнял любую работу.

Я хорошо помнил этого молодого мужчину, роста выше среднего, крепкого и красивого, с открытым и добродушным лицом. Самой отличительной чертой его было внутреннее спокойствие. Он не любил болтать попусту, сплетничать и зубоскалить, как это часто бывает у старых вояк. Не любил он также участвовать с нами после удачно проведенной «операции» в выпивках и «развлечениях» на улицах Милана и Неаполя. Вскоре мы заметили, что он влюблен в одну из беженек, работавших с нами в лагере Манджета.

Манджета — небольшая деревня в тридцати километрах от Милана. Там находилась наша центральная снабженческая база, призванная обеспечить всем необходимым нашу деятельность в Италии. На уединенной сельскохозяйственной ферме мы хранили горючее и транспорт, всякие навигационные приборы и даже оружие, которое мы «приобретали» различными способами. Там же жили наши агенты. Мы доставили в Манджету также

группу еврейских беженцев, которые помогали нам в нашей деятельности. Среди этих беженцев были и девушки, и в одну из них, Ципору, у которой были чисто славянские черты лица, и влюбился Бен-Ами. Мы всячески подшучивали над влюбленными, но немножко и завидовали этим двум молодым людям, которые несмотря на нашу напряженную и опасную работу сумели создать себе в этой вечной сутолоке семейное гнездо. Когда Бен-Ами вернулся на родину, он привез с собой и Ципору в свою деревню Кфар-Ихезкиэль. В войну за Независимость он отправился на фронт, а уже потом, когда он снова вернулся, принялся строить свое хозяйство и дом. Несколько лет я почти не встречался с Ципорой и Бен-Ами. Слышал, правда, что у них родилось трое детей, и что созданное ими хозяйство было гордостью села. И вот он здесь в Лахише, среди добровольцев. Наша дружба вмиг ожила вновь. Я снова нашел в нем толкового, спокойного и серьезного помощника, преданного работе, как никто другой.

Работа Бен-Ами в новых селах была до того плодотворной, что «Движение мошавов» назначило его старшим инструктором ряда сел в Лахише и Негеве. Он получил в свое распоряжение небольшой грузовик и разъезжал из села в село, проверяя работу инструкторских групп, пополняя их, и осуществляя связь между ними и «Движением мошавов», с одной стороны, и поселенческим отделом Сохнута, с другой. Куда бы он ни приезжал, всюду устанавливалась здоровая, спокойная атмосфера, на всех оказывали благотворное действие его добрая улыбка, его спокойная походка и его добросовестная помощь.

Однажды Бен-Ами выехал вечером из мошава «Шахар» в Лахише по направлению к новым мошавам в районе Саада, что в западной части Негева.

В мошавках западной части Негева уже ждали в тот вечер приезда Бен-Ами. Но он почему-то не приехал. Наутро инструкторы справились по телефону о причинах задержки Бен-Ами. Его начали разыскивать. Позвонили в другие мошавы, в Кфар-Ихезкиэль, в Тель-Авив. Все тщетно. Мы уже начали тревожиться за него. Куда мог деваться Бен-Ами, известный своей аккуратностью и пунктуальностью? Час проходил за часом, в полдень мы

обратились в полицию и в армию. Начались розыски, которые вскоре охватили весь Лахиш и западную часть Негева. Мы тоже присоединились к розыскам. Тревога стала невыносимой. Прошло уже сорок восемь часов с момента исчезновения Бен-Ами, как в полицию Негева поступило вдруг сообщение, что кто-то бросил грузовик на обочину проселочной дороги неподалеку от кибуца Саада: вот уже два дня, как машина стоит там без хозяина. Когда полиция явилась на место, в машине нашли труп Бен-Ами, навалившегося на руль с пулей в затылке.

Сначала было высказано предположение, что это дело рук фedaюнов; однако выстрел был произведен с такого небольшого расстояния — всего лишь в нескольких сантиметрах, — что стало ясно: выстрелил человек, сидевший в машине.

Попутный пассажир? У нас существовал обычай: не отказывать тремпистам. Проселочных дорог в районе было много, шоссейных — совсем мало, но и на них — движение очень небольшое, в особенности после обеда и вечером. Если мы, работники района, не будем подбирать жителей района, то кто же тогда подберет?

Следователи полиции объехали все села и наконец нашли последнего попутчика Бен-Ами. На следствии он сознался, что убил Бен-Ами выстрелом имевшейся у него винтовки. Человек этот, молодой оле, не отличался решительно ничем от многих, многих попутчиков, которых Бен-Ами подбирал во время своих постоянных разъездов по селам. Как выяснилось впоследствии, с ним случился припадок безумия, во время которого он выстрелил Бен-Ами в затылок, убив его на месте.

Мы похоронили Бен-Ами в его деревне. Его провожал в последний путь весь мошав: пожилые люди поколения основателей, постаревшие в тяжком труде, сверстники Бен-Ами и дети, товарищи его детей. У нас не было слов, чтобы утешить Ципору и детей. Мы сидели с ними в комнате и молчали.

Наутро мы приступили к работе.

В дни, следовавшие за этим, чувствовалось какое-то напряженное настроение среди наших работников, а в особенности среди шоферов. Они перестали подбирать попутчиков из местного населения. Я слышал, а впослед-

дствии даже сам был тому свидетелем, что наши машины проезжают на большой скорости по деревням и проселкам, не останавливаясь, чтобы не подбирать людей, «голосующих» на обочине. Я собрал работников района, инструкторов и водителей машин и сказал им, что так дело продолжаться не может. Мы начинаем вести себя по отношению к жителям точно так, как относились к евреям на чужбине: кто-то в чем-то провинился, а отдуваться приходится всем.

— Так мы жить не будем, — сказал я, — и так продолжаться не может. Сам Бен-Ами не стал бы вести себя так.

Наутро шоферы снова начали подбирать тремпистов на дорогах Лахиша.

Глава 23

«ДИКИЙ ЗАПАД»

Еще до того, как возник округ Лахиш, в стране повело духом какого-то беспокойства, стремлением к великим делам, тоской молодого поколения по «новым подвигам», по чему-то «из ряда вон выходящему». Повидимому, это вечно повторяющееся «естественное явление, которое превращает бунт против устоявшегося в моду. Переезд Бен-Гуриона, «старика», в Сде-Бокер дал этим чувствам новый толчок: вот, дескать, «старик» ушел в Сде-Бокер, а мы что? Поэтому-то и шли так охотно люди из мошавов и кибуцов на помощь поселениям иммигрантов, и отсюда и возникли эксперименты израильской молодежи создавать поселения «необычного» типа.

Когда мы начали свою работу в районе, мы застали там несколько таких молодежных «ячеек», которые кружили вокруг Бен-Гуриона и близких к нему деятелей. Последние пришли ко мне и сказали: «Вот посмотри, мы целыми месяцами бьемся с этой молодежью, не признающей никаких существующих поселенческих рамок. Возьмись ты за них и сделай что-нибудь».

Эти «ячейки» доставили нам немало хлопот и неприятностей. Были среди них парни и девушки всяких раз-

рядов и категорий. Выходцы из старых мошавов Шарона, которым просто надоела провинциальная скука родных мест. Они вели «салонный» образ жизни и так и не пристали ни к одному из организованных молодежных движений, ведущих в кибуц или в мошав. Теперь им захотелось «сделать что-нибудь».

Были среди них и чудаки из крупных городов, которые искали себе отдушину от всевозможных комплексов. Трудно было определить точно их численность, а также степень серьезности их стремлений.

Мы собрали конференцию всех «ячеек» в Народном доме Ашкелона. Пригласили на конференцию Бен-Гуриона и Эшкола. Моше Даян, который был тогда начальником генерального штаба, также явился на конференцию. Вожди произносили речи о важности заселения страны и халуцианства, а я встал у огромной карты округа, повешенной на сцене, и рассказал им о том, что мы собираемся делать в районе. После конференции мы провели множество бесед с представителями всевозможных и самых странных «ячеек».

Эти беседы происходили в большинстве случаев так.

— Сколько вас в группе?

— Да человек тридцать.

— Сколько мужчин и сколько женщин?

— Двадцать парней и десять девушек.

— А откуда сами?

— Из Кфар-Сабы и окрестностей.

— Какого же типа поселения вам бы хотелось создавать в районе?

На это они обычно отвечали вопросом:

— А вы какие села собираетесь создать?

— Мошавы для новых иммигрантов, молодежные мошавы, кооперативные мошавы и кибуцы, конечно, — отвечали мы.

— И это все? — следовала реакция. — Да ведь это же совершенно обыкновенные типы сел. А мы думали, что вы тут затеваете что-нибудь действительно новое.

— А что, по-вашему, означает «что-нибудь действительно новое»?

— Мы имеем в виду что-нибудь городское.

— Городское? — говорили мы. — Очень хорошо. Мы собираемся построить в центре округа новый город.

Давайте, будьте первыми его строителями.

— А что это будет за город? — спрашивали они.

— Что за город? Город как все города. Сначала маленький, а потом вырастет в крупный. Это, конечно, в большой степени зависит от его первых жителей.

— Но мы не хотим просто город, — возражали они. — Мы хотим чтобы был город, но с деревенским характером, или вернее, село с городским характером; что-нибудь сельскохозяйственное, где была бы, однако, и промышленность, или что-нибудь промышленное с сельскохозяйственным дополнением. Мы ищем также что-либо общее, но не кибуцовское: чтобы в нем было что-нибудь от кооперации мошавов, но не мошав и не кооперативный мошав; что-нибудь такое, где мы могли бы жить жизнью израильской молодежи, но в то же время помогать новоприбывшим иммигрантам; что-нибудь такое, где мы могли бы жить отдельно, но в то же время сообща...

И так далее, и тому подобное.

Мы предложили всем этим «ячейкам» объединиться и прийти к нам в подготовительный лагерь, который мы построим для них в районе. И мы построили несколько десятков бараков на ферме Ибим, расположенной в юго-западной части округа, и пригласили «ячейки» прийти и работать там. Из сотен членов этих «ячеек» пришли всего несколько десятков парней и девушек. Они работали там в условиях, подобных существующим в Нахал. Текучесть в Ибиме была немалая, и не меньший отсев. Наконец выкристаллизовалась группа в два с лишним десятка человек, которая решила: создадим кооперативный мошав.

Мы связали их с «Движением коллективных мошавов», и в конце концов они построили в самом сердце округа коллективный мошав Нир-Хен. На их долю тоже выпало немало трудностей, и только небольшая горстка осталась в Нир-Хене, который превратился со временем в «простой», «обыкновенный» мошав, где впоследствии селились обыкновенные евреи.

Спустя некоторое время мы столкнулись с «частной инициативой» совершенно другого рода.

В один прекрасный день Леви Аргов привел ко мне Муку. Мука — тридцатилетний, широкоплечий мужчина

с волосами, что воронье крыло, глазами, пылающими как угли, орлиным носом, огромными усами, загорелым лицом и мускулами, как у борца. Мука, уроженец страны, вырос в одном из мошавов юга. Его отец приехал из Грузии, а принадлежал он к тому чудесному и сильному племени, с которым я познакомился, так сказать, лицом к лицу, несколько лет спустя, когда работал в израильском посольстве в Москве.

Тогда я знал только, что кавказские евреи дали нам несколько живописнейших типов еще старого «Га-шомера» — превосходных наездников в черкесках, крест-накрест перетянутых гозырями, в кубанках. Лошади у них были самых лучших кровей.

И вот Мука, представитель второго поколения кавказских евреев в Израиле, явился ко мне в качестве организатора сельскохозяйственных поселений в Лахише.

Какие же у Муки планы? Он отнюдь не собирается осесть на лучших землях округа, на равнине, и выращивать хлопок и овощи. Это не для него и не для таких, как он. Он хочет создать поселок именно в горах на подступах к Хеврону. Там, в «Техасе» будет создано село, жители которого займутся исключительно скотоводством, село пастухов-ковбоев, которые будут пасти свои стада на обширных пастбищах; не жизнь это, а малина.

Мука обладал каким-то особым личным обаянием. Я попросил Аргова, чтобы он посмотрел все и встретился с ребятами.

Леви встретился с этой группой: около двадцати парней и несколько девушек. Хотя были среди них и чудаки, говорил потом Леви, но у них есть и ряд преимуществ по сравнению с другими такими «ядрами». Во-первых, все они крестьяне, выросшие в деревне, а во-вторых, они хотят поселиться в районе, весьма нелегком в военном отношении.

Еще раз, потом и в третий я встретился с Мукой и его ребятами. Признаюсь, что дал себя увлечь их романтической затеей. Мне хотелось помочь им осуществить их план.

Бени Каплан отнесся скептически ко всей этой компании. Он не раз предупреждал меня, что средства, которые мы ассигнуем на такую поселенческую ячейку, вы-

летят в трубу, но он был в меньшинстве, и мы решили выделить им участок.

В живописной горной местности в северо-восточной части округа, к северу от кибуца Гал-Он, был отведен участок для нового села Бейт-Нир.

Мы построили для Муки и его ребят с десяток жилых бараков, столовую и несколько служебных бараков: для конторы, склада оружия и так далее. Назначили срок торжественного «новоселья». Как раз в тот день террористы и федаюны совершили ряд диверсий на юге страны, и атмосфера, пока мы с оружием в руках добирались на трех джипах в новое село, была весьма напряженной.

К нам присоединился также военный джип, а в нем — капитан Цвинджи, ответственный за безопасность в нашем районе. Цвинджи, житель Ревадим из района Гуш-Эцион и один из наших самых старых командиров, был также одним из основателей нового Ревадим на юге страны. У нас с ним установились прекрасные взаимоотношения. Цвинджи всем своим существом был бойцом. Это был рослый, сильный красавец (оттуда и его кличка — смесь из «Цви» и «джинджи»), с огромными усами на худом и тонком лице.

Когда мы подъезжали к Бейт-Нир, до нашего слуха донесся винтовочный залп. Время шло к вечеру. Трудно было допустить, что диверсанты посмели напасть на село среди бела дня. Цвинджи прибавил газу, а его бойцы спустили курки. Мы погнались следом, и так, во весь опор, въехал в село.

Мука и его ребята устроили нам шумную встречу, сердечно пожимали руки, хлопали по плечу. Мы спросили, что за пальба? Очи ответили, что устроили салют в честь новоселья и стреляли в воздух просто так, ради смеха. Цвинджи едва сдержал свой гнев: лучше, дескать, не портить отношения с Цахалом.

Мы обошли жилые бараки. Ребята превратили поселок в подобие городка «дикого запада». Над столовой «прибили огромную вывеску, на которой было написано «Салон», на другом бараке красовалась вывеска «Бар», на третьем — «Шериф». Над женским бараком аршинными буквами было выведено «Канкан», ну, и так далее.

Вокруг Муки собралось с три десятка ребят, почти

все из села, но жаждавшие веселой жизни и приключений: часть из них честно хотели работать и создать хозяйство, а другая — просто битники, ищущие «жизненного пространства» подальше от общества и закона.

Девушки — тоже не совсем обычные: частью — тель-авивские «чувихи», до которых донесся слух о жгучих красавцах, носящихся верхом на лошадях; частью — девушки, тосковавшие по духу тех далеких времен, когда на стенах висели часы-кукушки, а девушки носили сарафаны; частью — просто так, чудачки. Даже Мука, и тот не знал, кто с кем живет.

Прошло несколько месяцев. За это время выяснилось, что только небольшая горсть ребят Муки действительно работает и несёт на своих плечах хозяйство. Вокруг них кружили какие-то странные типы; они приходили, ели, спали, снова уходили, но на работу не явились ни разу. В поселке пошла распри между Мукой и его помощниками, с одной стороны, и бездельниками — с другой.

Мы пытались послать туда инструкторов из разных мошавов и кибуцов; их, однако, быстро выжили оттуда. Мы попытались привязать эту бражку к какому-нибудь поселенческому движению и нарочно избрали для этой цели «Движение единоличных крестьян», но и тут ничего не вышло. Когда со временем хозяйство начало приносить большие убытки, мы вызвали Муку и разъяснили ему, что лучше закрыть эту «лазочку», пока не поздно. Мука согласился с нами. Прошло еще некоторое время, и поселок опустел.

Однако, пустовал он недолго. В нём поселились милейшие ребята из «Гашомер Гацаир»: они энергично взялись за создание кибуца на этом месте, который стал одним из самых красивых и преуспевающих во всем округе.

В те дни мы частенько отправлялись ночью на охоту и охотились на холмах района Бейт-Нир — Бейт-Говрин — Лахиш — Гал-Он.

Во многих селах жаловались на барсуков, которые, дескать, истребляли молодые всходы. С другой стороны, поговаривали, что барсучье мясо — в высшей степени вкусное. Мы получили разрешение на охоту; более того, нас даже всячески поощряли охотиться на барсуков.

Таким образом среди работников округа сколотилась группа, куда входили также капитан Цвинджи и полковник Цвика Гурвиц из южного штаба. Мы сочетали военные объезды с охотой: выезжали на двух джипах, оборудованных рефлекторами, пулеметами, но брали с собой и охотничьи ружья. Сворачивали с шоссе, двигались по проселочным дорогам среди холмов, прочесывая местность рефлекторами. Изредка в лучах рефлекторов видны были и пугливые олени, но их мы не трогали. Если попадался барсук, то немедленно пускали в ход ружья.

Однажды ночью мы погнались за одним огромным барсуком. Погоня длилась с полчаса. Нам казалось, что он весь изрешечен дробью, но барсук словно обезумел и никак не давался. Цвинджи соскочил с джипа и понесся следом, чтобы не дать ему скрыться в нору. Спрыгнув с выступа скалы вниз, он упал и сломал себе ногу. Мы потащили в джип раненого Цвинджи и тушу Барсука, который под конец все-таки отдал богу душу. Цвинджи мы отвезли в больницу имени Каплана и оставили его там, а барсука увезли в Крепость Иоава, где Цвика Гурвиц с большим искусством его освежевал и разделил между нами.

Глава 24

ГУБЕРЫ

Спустя некоторое время после того как мы устроились в Ашкелоне, Шейла сообщила мне, что Ривка и Мордехай Губеры просят, чтобы я их принял.

Хоть и поверхностно, но я знал Губеров и догадывался, что их привело ко мне.

Это была единственная в своем роде чета: халуцианское семейство из России, словно сошедшее со страниц легенды. Еще в двадцатые годы они были среди основателей Кфар-Билу неподалеку от Реховота. В них, однако, жил беспокойный и неистребимый халуцианский дух, который и заставил их перейти на новое место. Они присоединились к основателям Кфар-Варбурга. Там Губеры построили свой дом и растили детей: чудных двух сыновей Эфраима и Цвику и не менее чудную дочь Хаеле. Но и здесь они не почивали на лаврах.

В дни Второй мировой войны Ривка, которой тогда уже было под сорок, надела воинскую форму и вместе со всеми добровольцами еврейскими, служившими в британской армии, вступила в Ай-Ти-Эс. Через два года ее сменил старший сын, которому уже исполнилось шестнадцать лет. Вскоре началась война за Независимость. Один за другим в боях с египетскими войсками, напавшими на Израиль, погибли оба сына.

Справившись с горем, Ривка посвятила долгие годы собиранию и изданию литературных произведений своих талантливых сыновей. Бен-Гурион очень ее любил. Он видел в ней образ настоящей израильской матери.

Мордехай посвятил себя устройству новых иммигрантов. Он нашел широкое поле деятельности в создании более двадцати поселений для юлим в районе Беер-Тувии. Эти поселения были одними из самых трудных в стране.

Иммигранты, в большинстве своем выходцы из Курдистана и Ирака, доставляли массу хлопот. Они были на редкость упрямые и злые. Скромный и низкорослый Мордехай, щуплый и щедушный на вид, возглавил персонал «поселков», которые, казалось, вот-вот распадутся: не проходило дня без забастовок, драк, галдежа и всевозможных жалоб.

Внешность Мордехая была обманчива: на первый взгляд казалось, что перед тобой типичный учитель еще «старых добрых времен». Реденькие волосы, высокий лоб, бездонные голубые глаза, тонкий нос. Для завершения картины нехватало только пенсне.

Однако, присмотревшись получше, вы видели его в совершенно ином свете. Кожа на его маленьком лице не просто загорела; долгие годы труда на солнце и ветру словно выдубили ее, а морщины рассказывали повесть этих лет не менее красноречиво, чем клеймо на дереве.

А тогда уж вы замечали и руки Мордехая, руки которые день за днем, год за годом орудовали кайлом и лопатой, развились словно особо от всего остального тела, будто в виде протеста. Это были руки хлебороба, роста в метр восемьдесят, а не низенького, как у Мордехая. Они, верно, не раз нагоняли страх на тех, кто врывался в его кабинет в Кастине и угрожающе размахивал руками. Хулиганы в «маабаре», видно, сразу чув-

ствовали, что этот немолодой уже мужичонка может за- просто вышвырнуть их вон.

Присмотревшись, однако, еще лучше, я убедился, что первое впечатление было все-таки не совсем обманчивым. За внешностью Мордехая действительно скрывался учитель. В молодости он даже работал учителем, всю жизнь был книголюбом, таким и остался сейчас.

Трудно было разобраться в Мордехе. Зато очень легко правильно оценить Ривку: она вся как на ладони, и тут же она все рассказывала о себе — откуда родом, чем занималась и к чему стремится.

Тоже маленького роста, с круглым личиком, и вся — как шарик. Но этот шарик обладал неиссякаемым источником энергии, сказывающейся не только в ее разговоре, но и в ее поведении и во всем, за что бы она ни взялась.

Она показалась мне чудесной помесью «еврейской матери» и бунтарской «народницы». Эту ассоциацию вызывали, разумеется, еще черные с проседью косы, уложенные как у «бабушки», сильный русский акцент, а также ее глубокие знания в области русской поэзии и литературы: она легко вплетала в разговор целые цитаты из произведений русских писателей и поэтов, которые знала наизусть.

Слово взяла Ривка, она же и рассказала, что их привело ко мне.

В апреле 1955 года они предложили себя в распоряжение поселенческого отдела Сохнута. В ответ Раанан Вейц написал им: «Я был очень рад Вашему письму, в котором Вы предлагаете себя в распоряжение нашего отдела в районе Лахиш. Правление района Лахиш сообщит Вам в ближайшее время, когда вы сможете «впрячься в это ярмо». Такие люди как Вы укрепляют во мне уверенность в нашей полной победе».

Мы назначили Мордехая руководителем местного правления. Они жили в селе Нога, которое было построено после Оама и Шахара.

В те дни село состояло из нескольких десятков деревянных домиков, разбросанных на двух небольших и отлогих холмах. Домики, каждый — в одну комнату, были не новые: они уже служили в «маабарот» неподалеку от Тель-Авива, а теперь их перевезли к нам. Мы

раскрасили их в яркие цвета: зеленый, красный, синий, и надо сказать, это не только хорошо скрывало их убожество и обшарпанность, но и придавало всему селу, при ничтожных издержках, яркий и веселый вид.

В мошав Нога мы привезли «ядро» евреев из иранского Курдистана: вот уже год они жили в удушливых «жестянках» маабары Тивериады.

В самый разгар строительства мы привезли сюда Иегуду Шарифи и глав ряда других семейств, чтобы показать им место. Мы дали волю своему воображению, много и горячо говорили о будущем, о домах, которые будут здесь построены, о полях и плантациях, которые здесь раскинутся.

Иегуда Шарифи, широкоплечий мужчина среднего роста, был портным в одном из маленьких местечек в горах Курдистана. Ни он, ни его товарищи, не имели, конечно, понятия о современном земледелии, зато к деревенскому ландшафту им было не привыкать. Они оглядели холмы и согласились переехать в Ногу сразу.

Так как их было мало, мы, в своей антропологической наивности, присоединили к ним еще одно «ядро», состоявшее тоже из курдских евреев, но на этот раз — из иракского Курдистана. Амальгама получилась весьма неудачной, так как между обеими общинами, у которых и язык и образ жизни был различный, начались распри. Потребовались годы, чтобы эти различия немножко сгладились.

Вот в это-то село мы и назначили Ривку и Мордехая Губеров, поскольку считали, что Мордехай, у которого уже был некоторый опыт работы с курдскими евреями в селах района Беер-Тувии, найдет общий язык с жителями Ноги. Но еще важнее было наше намерение построить неподалеку от Ноги первый межсельский центр района — Негору. Мордехай казался нам наиболее подходящим кандидатом в руководители районного совета, который будет когда-нибудь создан в Негоре.

Весной 1955 года Губеры справили «новоселье». Вместе с ними там поселились и евреи Курдистана, прибывшие из «маабары» Тивериада. Губеры получили зеленый домик, размером такой же, как и все остальные. Не прошло и недели, как домик Губеров словно по мановению волшебной палочки, превратился в теплый чистень-

кий домик, с тюлевыми занавесками на окнах, круглым столиком посреди комнаты, а на нем всегда — тщательно выглаженная скатерть. Вдоль стены — полки, которые прямо ломились от книг, а к стене из сухой штукатурки прибиты портреты сыновей.

С первого же дня в домике Губеров днем и ночью толпились люди. Кто бы ни проезжал Ногу, или работал там, считал своим долгом зайти к ним, где его угостят холодной водой и чем-нибудь вкусеньким, всегда имеющимся в запасе в чуланчике Ривки.

Мордехай занимался местными делами, а Ривка учительствовала в школе. Школа села была тоже расположена в одном из домиков. Парты, конечно старые, средства скудные. Вот в этой-то школе Ривка и обучала первых школьников Ноги. Разделить детей на классы не было, конечно, возможности. Обучение — самое элементарное и его приходилось импровизировать на ходу. Однако уже одно то, что в селе с первого же дня работала школа, было немалым достижением. У Ривки был «заскок» — цветы. Вскоре ей удалось уговорить нашего инженера-гидролога, чтобы ей провели «кусок» водопровода. От Мордехая она добилась, чтобы вспахали «кусок земли» тут же при школе. Затем она достала семена и саженцы, и вот ее дети уже занимаются прополкой цветочных клумб на пришкольном участке. Это была первая зелень в округе; так сказать, глазок в будущее.

На долю Губеров выпало и немало разочарований. Им было очень трудно подобрать ключик к сердцам курдских евреев — грубых, и неуклюжих и в высшей степени упрямых. Немало повлияло здесь и отсутствие общего языка в буквальном смысле этого слова.

Вскоре в Ноге начались бурные распри: «иракцы» никак не ладили с «иранцами», не ладили между собой и семейства, а все вместе не ладили с инструкторами. Причин было много: незнакомая и тяжелая работа по строительству, по прокладке труб, шоссе, по лесопосадкам; напряженное дежурство по ночам, запаздывания зарплаты, а главное — подозрительное отношение поселенцев к попыткам предписать и организовать их жизнь и будущее.

Были в Ноге и забастовки, и демонстрации, и отсев. Губеры изо всех сил боролись с этим, но не все их

усилия увенчались успехом: борьба действительно превышала иной раз человеческие силы.

Тем временем мы начали строить межсельский центр Негора. Это была целиком и полностью наша идея. Мы хотели исправить таким путем ошибки, допущенные в начале пятидесятых годов из-за излишнего рвения в деле «смешения племен». В те годы смешивали всех и вся: общины, племена и семейства, ни с чем не считаясь. Были села, куда поселили выходцев из трех и даже четырех диаспор. Очень скоро мы убедились, что ничего из этого не получится. Поселенцы вздорили и спорили между собой буквально на каждом шагу.

Выходцы из Ирака не смогли молиться вместе с выходцами из Венгрии; кооперативы этих смешанных сел никак не могли удовлетворять противоречивый спрос жителей. Одни требовали риса и пряностей, а другие — картофель и рыбу. Одни разговаривали на идиш, по-венгерски или по-румынски, а другие — по-арабски на багдадском, персидском или северо-африканском наречии.

Мы намеревались создать в Лахише какой-то новый вид села, который будет более гибким орудием в деле «смешения племен». Так мы и пришли к мысли о межсельском центре; проектировали села в Лахише группами по пять-шесть деревень, а как дополнение к ним — одно село побольше, где разместится школа-восемилетка, народный дом, спортивный зал, банк, кооператив побольше, общая амбулатория, тракторная станция, а со временем и мастерские: кузница, столярная мастерская и так далее. Мы рассчитывали поселить в каждой деревне членов какой-то одной общины, создать в деревнях только самые необходимые учреждения: детский сад, синагогу, маленький кооператив и тому подобное. По-настоящему же деревни будут обслуживать учреждения межсельского центра.

Так, казалось нам, возникнут общие связи без принуждения и напряжения, не говоря уже о том, что шесть деревень с населением в несколько тысяч душ, легче смогут обеспечить создание и содержание обслуживающих учреждений на гораздо более высоком уровне, чем какое-либо одно село.

Негора была первым экспериментом такого рода. К тому же мы решили построить в Лахише впервые сель-

ские дома по новому проекту. Это был еще один «за-скок» нашего проекта.

До Лахиша в селах иммигрантов строили очень маленькие дома площадью в 24—28 квадратных метров — отчасти из-за недостатка в средствах, а отчасти «из принципа». Какой же это был «принцип»? Старожилы и руководители ведомств считали, что нехорошо, когда поселенец получает сразу большой дом. Лучше, чтобы он получил сначала однокомнатный или полторакомнатный дом, а остальные комнаты он себе потом достроит, когда обоснуется. Разве не начала Дегания с мизерных хижин в Ум-Джуни? А что получили первые поселенцы Нахалала? Палатки и маленькие домики барачного типа.

При этом забывали только одну «мелочь»: пионеры Гедеры, Дегании и Нахалала, когда они пришли селиться в этих местах, были молодыми парнями без семей, зато полные энтузиазма. Наши же поселенцы привезли с собой большие семьи, с кучей детей, да еще со стариками, среди которых были и инвалиды, и больные, слепые и прочие калеки. И вот это-то большое семейство должно было ютиться в каком-то несчастном «блоконе», когда рядом в городе можно было найти квартиру побольше. Из-за таких тесных «блоконов» немало поселенцев и перебрались в город. Вот почему мы решили, что в Лахише будем строить жилье совсем по-другому.

Наш типовой проект предусматривал дом с двумя комнатами побольше и одной поменьше, всего площадью в полста квадратных метров. Это тоже не Бог весть что для большой семьи, но все-таки больше, чем в «блоконе». Наши проектировщики постарались придать дому возможно более привлекательную внешность. Нам пришлось вести борьбу с руководством и с бухгалтерией в Иерусалиме, прежде чем нам выделили средства для строительства этих новых домов. В конце концов и в Иерусалиме поняли, что с «блоконами» надо покончить.

В Негоре было построено двадцать пять домов по новому типовому проекту. Мы построили также приличную школу. Губеры первые приехали в Негору. С их помощью мы мобилизовали учителей и воспитателей, врача, медсестер, трактористов и других работников. И снова дом Губеров стал центром всей местной жизни

и деятельности. Ривка немедленно начала выращивать цветы вокруг дома, посадила и деревья, которые должны были дать тень в будущем. Мордехай начал собирать уполномоченных окрестных сел и создавать из них выборный совет. Так возник «районный совет Лахиша», который возглавил сам Мордехай.

Возглавив районную школу, Ривка целиком отдалась работе и проработала там до 1960 года. Очень требовательная по натуре, она стремилась к быстрым результатам, тщательно следила за тем, чтобы дети были чисто и по форме одеты, чтобы школа так же сверкала чистотой, как ее собственный дом. Позже Ривка оставила школу и принялась за создание библиотеки как для детей окрестных сел, так и для взрослых. И этому делу она также отдала немало сил. В 1961 году Ривка написала интересную и захватывающую книгу «К развалинам Лахиша».

Ривка и Мордехай остались в Лахише гораздо дольше, чем все остальные работники: руководители и молодые инструкторы-добровольцы, которые вернулись кто в мошав, кто в кибуц, а кто и на новую должность. Губеры остались вплоть до 1968 года. Тринадцать лет они прожили в Негоре. Они присутствовали при рождении новых населенных пунктов, прошли с ними их трудное детство и не менее трудное отрочество. Они не баловали своих подопечных, а те не остались в долгу и не раз «бузили» и всячески «брыкались»

И подобно тому, как родители, поставив на ноги своих детей и видя, как они начинают жить в своем собственном, не всегда понятном родителям мире, так и Губеры сделали напрашивающиеся само собой выводы, и как только район Лахиш отпраздновал «бар-мицву», они ушли от дел. Жили они в Негоре, но понимали, что сам факт их проживания в Негоре осложнит работу того, кто займет их место во главе районного совета.

И вот Ривка и Мордехай решили переехать в Кфар-Ахим («Село братьев»), названное так в честь их двух сыновей, погибших в бою.

Село Кфар-Ахим было создано неподалеку от Кирьят-Малахи беженцами из европейских стран, чудом уцелевшими в годы Великой катастрофы и нелегально прибывшими в страну; среди них было так же несколько се-

мейств, которых доставил я сам на нелегальном судне «Хаим Арлозоров», оно же «Улуа».

Со временем дела у поселенцев пошли очень хорошо, они стали замечательными земледельцами и еще лучшими животноводами. Когда они узнали, что Губеры собираются покинуть район Лахиш, они пригласили их к себе в село и предоставили в их распоряжение небольшой дом в центре села.

Снова Губеры посадили деревья вокруг дома, чтобы создать со временем тень, и снова на клумбах Ривки запестрели цветы. Сегодня Ривка, конечно, уже не такая подвижная, а голубые глаза Мордехая несколько потускнели. Дух свой чудесный они, однако, сохранили.

Недавно я поехал с ними в Кирьят-Малахи, чтобы повидаться с грузинскими евреями, поселившимися там. Вот еще одно племя в нашей разноплеменной радуге. Пускай Ривка с Мордехаем убедятся, что работа не прекращается и в страну приезжают и устраиваются все новые и новые евреи.

В день памяти павших бойцов Цахала, предшествовавший Дню независимости 1969 года, я выехал с Ривкой и Мордехаем из их маленького дома в Кфар-Ахим на военное кладбище в Кфар-Варбург. Мы стояли обнявшись, маленькие старичок и старушка опирались на меня. И так мы постояли несколько минут.

Затем Ривка сказала:

— Давайте подойдем на новое кладбище к семьям погибших в Шестидневной войне. Может, нам удастся их утешить немножко.

Глава 25

СТАРОЖИЛЫ

Среди добровольцев второго поколения мошавников, явившихся на призыв Бен-Гуриона поработать инструкторами в мошавах иммигрантов, были и несколько стариков еще первого поколения, халуцим в возрасте шестидесяти лет и больше, за плечами которых были добрых три десятка лет тяжелого труда и добровольчества.

Как только они слышали призыв, они явились и

предстали перед нами, молодыми людьми, заправлявшими проектированием и исполнением, и все как один человек сказали: «Есть». Они растворились среди сотен молодых добровольцев, но все-таки выделялись среди них, и их нельзя было спутать ни с кем.

Теперь, после стольких лет, они вспоминаются мне со всеми своими чудачествами как представители поколения, которое сошло уже со сцены, поколения в котором причудливым образом смешались в одну кучу пути ламедвавства х) и народничества, рабби Акивы и Толстого.

О двух из них мне и хочется рассказать.

РУДИ

С Руди мы были старыми друзьями. После десятков лет службы в Хагане и прочего добровольчества он с головой ушел в сельское хозяйство. Жил он тогда в своем кибуце Ган-Шмуэль и работал в саду и цитрусовых плантациях. Я вспомнил о нем, будучи уверенным, что он еще полон физических и душевных сил, а может быть, я просто истосковался по нему.

В один прекрасный день, никого не предупредив, я появился в его монашескую комнатенку, расположенную посреди утопающего в зелени кибуца. Руди еще не пришел с плантации, и я сел у порога и ждал его. Сама комната несколько не изменилась с тех пор, как я видел ее в последний раз: та же по-военному заправленная койка, маленький столик, стул или два, книжная полка, портрет Орда Вингейна на стене. В комнате царил образцовый порядок. Каждая вещь словно говорила: вот это мое место, и я отсюда ни шагу.

Руди вернулся с работы. Черные резиновые сапоги и синий комбинезон только подчеркивали его подтянутость, а также стройность и мускулистость тела. Увидя меня, он весь просиял. Я крепко пожал его сильные добрые руки.

х) «Ламед-вав» — по буквенному обозначению чисел — это 36. У евреев есть предание, что в каждом поколении живут 36 праведников, которые тайно делают добро людям и благодаря которым не погибнет еврейский народ и мир.

Мое знакомство с Руди тянулось уже лет двадцать. Впервые я о нем услышал, когда был еще юнцом среди юнцов Хаганы в дни моей службы «связным» на велосипеде во время кровавых событий 1936 года. Уже тогда Руди выделялся среди старших командиров Хаганы. Он не принадлежал ни к русско-кавказско-черкесской школе «Гашомера» с «бурнусом и кинжалом», ни к «гимназистам», первым выпускникам гимназии «Герцлия», давшим стране род Хоза-Голомба-Шарета-Авигдора, а также Давида Когена, ни к членам восточно-европейской «самообороны», иммигрировавшим в страну.

В наших глазах Руди был олицетворением «прусской» профессионально-военной школы. То обстоятельство, что он был вовсе не из Пруссии и вообще не из Германии, а из Вены, не имело никакого значения. Мы считали его «немецким офицером». Очень худой, мускулистый, прямой как струна. Рост у Руди был средний или чуть выше среднего, но его прямая стать делала его выше. Его глаза были небесно-синие, волосы — светлорусые, коротко, по-военному, подстриженные; тонкие тщательно подбритые усики. Одет всегда в защитный цвет, чрезвычайно просто и чрезвычайно аккуратно. Все в нем было полной противоположностью неряшливости и беспорядочности, короче говоря «не еврей». Он до того отличался от остальных командиров Хаганы и так мало говорил о своем прошлом, что мы, юнцы, создали вокруг него легенду. Поговаривали, что он служил в армии Франца-Иосифа в первую мировую войну; что он попал в русский плен и сбежал из Сибири; что во время побега он столкнулся с халуцами и вместе с ними прибыл в Палестину в начале Третьей алии. И еще: ходил слух, что Руди вовсе не еврей, и что в его жилах течет кровь немецких аристократов. А главное, кто же как не Трумпельдор побудил его стать сионистом и поставить свой военный опыт на службу вновь создаваемой еврейской армии.

Потом уже, когда я ближе сошелся с Руди, убедился, что за «прусским офицером аристократического происхождения скрывается чудесный человек: добродушный и чуткий вплоть до нежности, преданнейший друг и самоотверженный боец за дело правого и слабого.

Когда я поступил в Иерусалимский университет на

горе Скопус в 1939 году, чтобы учиться биологии и сельскохозяйственным наукам, Руди командовал там «Хиш»-ем (полевыми частями Хаганы). Я сам был назначен командиром отделения Хиша, состоявшего из студентов-иммигрантов, недавно прибывших из Венгрии и Италии.

Он был моим непосредственным начальником. Вместе с другими отделениями Хиша мы совершали марш по горам Иудей и Иерусалима, спускались в Эйн-Фару, Вадикельт на подступах к Иерихону, оттуда поворачивали в Мар-Сабу и хорошо изучали местность.

В сороковые годы наступили другие времена. Сотнями тысяч мы вступали в ряды британской армии. Многие из нас состояли в Хагане и вступили в английскую армию по приказу командования. Руди, этот старый воjak и командир, всем сердцем хотел быть среди первых добровольцев, но Элиягу Голомб, главнокомандующий Хаганы, приказал ему остаться и служить связным между штабом Хаганы и бойцами, отправляющимися служить в британскую армию.

Все годы войны Руди опекал нас. Он мотался из одного подразделения в другое как в самой стране, так и за границей. Он являлся в качестве представителя «Комитета помощи бойцам», а на самом деле координировал операции по приобретению оружия, передавал приказы и принимал отчеты.

Когда война кончилась, Руди вернулся в свой кибуц Ган-Шмуэль. Однако, вскоре его снова призвали в Хагану. По мере того как приближалось решение вопроса о создании самостоятельного еврейского государства, положение в стране, и в особенности в изолированных селах, становилось все труднее и опаснее. Он был назначен связным района Гуш-Эцион, а накануне провозглашения независимости — командующим округа Мертвого моря.

Закончилась и война за Независимость, и Руди — его настоящее имя Амнон Заир, но никто его по имени не называет — снова вернулся в Ган-Шмуэль.

Наступили дни массовой иммиграции. В Самарии были созданы гигантские «маабарот». Руди добровольно пошел работать там инструктором, ответственным представителем, руководителем, — всем.

Затем он подался в Негев. Кто-то решил, что нет

лучшего места для создания села, чем в районе Большой низины. На холме, посреди пустынной местности, спешно построили убогие коричневые бараки и привезли сюда иммигрантов из Румынии, не имевших ни малейшего опыта ведения сельского хозяйства. Наступили трудные дни нищеты и оторванности от всего мира, и Руди был для этих евреев единственной опорой. Так было заложено село Кфар-Иерохам.

И снова Руди вернулся домой в свой кибуц. Он был уже не так молод. Наконец-то, казалось, кончились его скитания.

Мы сидели с ним в его комнатухе. Я рассказал ему о Лахише и о мечтах, связанных с ним, и попросил его присоединиться к нам. Руди без малейших колебаний согласился.

Он снял маленькую комнату в Ашкелоне и там разбил свой штаб. Когда Лахиш находился еще только в стадии проектирования, он выходил каждое утро в поле с нашими геодезистами и землеустроителями. У Руди было какое-то шестое чувство для нахождения площадей, подходящих для фруктовых плантаций. Он измерял своими шагами километр за километром, а вечером возвращался в свою комнатуху. Время от времени он заходил в нашу небольшую квартиру, чтобы поиграть с Офрой, моей младшенькой, и Цвикой, моим сынишкой. Таня запаривала ему кофе по-немецки, как он любил; изредка он соглашался остаться на ужин, но едва прикасался к еде. Таня очень быстро научилась уважать и любить этого скромного, спокойного человека, берущегося за любое дело.

Когда в Лахиш прибыли первые поселенцы, а с ними и первые инструкторы, Руди стал руководить инструкторами. Как-то ему всегда удавалось быть среди первых в поле — шла ли речь о первой борозде, о первом посеве, о первом вывозе удобрений в поле, о первой посадке.

Для первых посадок Руди мобилизовал всю свою энергию. Не было еще выделено площадей под фруктовые плантации, не было еще и воды, но он принялся сажать вдоль улиц новых мошавов нежные саженцы оливковых деревьев, которые дадут в будущем тень для пешеходов.

Руди привез саженцы, вместе с поселенцами посадил их и берег изо всех сил. Увы, это ему удавалось далеко не всегда. Поселенцы не понимали, зачем вообще нужны посадки, которые когда-то еще дадут плоды. О «тени» же и об «озеленении» думать было трудно, когда дома не хватало хлеба, а взять негде. Кому эти посадки действительно пришлось по душе, так это козам, которыми обзавелись почти все поселенцы, чтобы в доме было хоть немного молока и творога. Нежные ветки и сочная листва деревьев очень даже пришлось по вкусу козам; они не обращали ни малейшего внимания ни на какие диетические правила и обгрызали саженцы что называется до костей и корней.

Руди и инструкторы пытались отстоять посадки сначала по-хорошему, затем и при помощи угроз, что, дескать, к нарушителям будут приняты меры, и, наконец, путем ограждений из колючей проволоки.

Когда после долгих месяцев работы в Лахише Руди вернулся в свой кибуц, он знал, что работал не напрасно. Сегодня он может, если захочет, гулять по полям и садям Лахиша. Тысячи дунамов цитрусовых и фруктовых плантаций, в закладке которых он принимал непосредственное участие, уже приносят плоды.

Руди вернулся в свой кибуц Ган-Шмуэль.

Прошло еще несколько лет. Мне поручили создавать район Арада в Иудейской пустыне неподалеку от берегов Мертвого моря. Снова я пустился в путь, снова сижу в его комнате и жду, чтобы Руди вернулся с плантаций, снова разложил перед ним генплан всего того, что мы собирались построить со временем в Араде. Новый город, новые заводы, новую химическую промышленность, новые ландшафты и новый туризм.

Руди посмотрел на меня своими бездонными синими глазами и сказал:

— Нет. На сей раз я отказываюсь. Я, конечно, понимаю, что дело это очень важное, но не говоря уже о том, что у меня, боюсь, уже и годы не те, вся эта промышленность и химия — не моя область. Ты уж поищи себе инженеров в помощь. Их ты, я не сомневаюсь, найдешь.

«АИЗИК»

Есть люди, которых называют только по имени.

Как-то фамилия к ним не пристает. А есть люди, которых никогда по имени не называют, а только по фамилии. «Айзик» — так сокращенно называли Моше Айзиковича.

Как и Руди, Губеры, Бецалел, Ахавз и другие, Айзик был тоже уже не очень молод, когда он присоединился к нам. И на его счету имелось немало халуцианских дел. Айзик был одним из основателей кибуца Рамат-Рахель неподалеку от Иерусалима. Однако в конце тридцатых годов он спустился в Иерихонскую долину и вместе с молодыми людьми кибуца Бейт-Арава пролил немало пота над превращением бесплодных солончаков в цветущую, плодородную землю. После войны за Независимость и потери Бейт-Аравы Айзик вернулся в кибуц Рамат-Рахель, который был почти полностью разрушен артиллерией Арабского легиона.

Горсточка основателей Рамат-Рахель снова принялась поднимать кибуц из пепла. Айзик был их официальным представителем. Я видел его почти каждую неделю, когда работал с Эшколом. Он не хуже молодых бухгалтеров бегал за работниками финотдела Сохнута за начальством, за инженерами, поторапливая, упрашивая, умоляя, угрожая. У Айзика были большие связи в самых «высоких сферах», начиная с Эшкола и Гарцфельда и кончая старейшими работниками чином поменьше, с которыми он был дружен в молодости. Благодаря этому Айзику удавалось добиться для Рамат-Рахель того, чего никто другой ни за что бы не добился.

С тех пор как мы начали строить Лахиш, я его больше не видел. И вот в один прекрасный день он пришел ко мне и предложил свою кандидатуру. Я не стал долго допытываться, что у него там произошло в Рамат-Рахель. Только потом я постепенно узнал, что он там не поладил с кем-то, взял жену и сыновей и покинул селение, которое он дважды создавал.

Я посоветовался с Леви и Бени, что же делать с Айзиком. Он еще полон сил, у него большой хозяйственный опыт, а главное — он хорошо знаком с работой в таких новых и трудных условиях, как, например, в кибуце Бейт-Арава. Мы решили вверить ему хозяйственное руководство поселений Нахал, которые будут созданы в Лахише. Мы намеревались построить по меньшей мере три таких поселения на восточной границе района:

первое — неподалеку от Тель-Лахиша, второе — Амацию, прямо на границе с Иорданией, у покинутого села Дуима, а третье — Нехушу — тоже на границе, у дороги, которая когда-то соединяла Бейт-Гуврин с Хевроном.

Таким образом, Айзик был назначен «хозяином» этих трех поселений; в его обязанности входила забота обо всем, что так или иначе имеет отношение к производству.

Летом 1955 года все три поселения справили новоселье — одно за другим. На границе положение было такое, что ребята из Нахала жили в атмосфере, так сказать, «дикого Запада»; военные и впрямь называли этот район «Техасом». Еще раньше этот «Техас» снискал громкую славу, так как туда то и дело просачивались диверсанты с той стороны границы. На территории района было множество пещер, где легко могли скрываться лазутчики и диверсанты, которые нередко открывали огонь среди бела дня. Когда в районе были созданы поселения Нахал, они тоже понесли жертвы. И среди молодых поселенцев Лахиша тоже были жертвы.

Айзик устроился в старом разрушенном доме, торчащем посредине заброшенной цитрусовой плантации недалеко от Ашкелона. Он уже тогда вынашивал «дикие» планы создать на плантациях Ашкелона большое семейное хозяйство. Не было ни воды, ни электричества, но Айзик заупрямился, а упрямство ему было не занимать, и привел туда свою добродушную и послушную жену, а также сыновей. На объекты Айзик выезжал каждое утро на рассвете, оставался там до позднего вечера, а нередко и ночевал там. Он без устали бегал и хлопотал по делам хозяйства, как наседка вокруг своих цыплят. Своей неутомимостью он частенько надоедал ребятам и даже работникам округа. Он прямо не «слезал» с работников того или иного отдела управления округом. Бывало, приходили ко мне люди и жаловались на него: «Все-то ему надо, этому твоему Айзику, да быстро, без проволочек, потому что ему, видишь ли, некогда». Айзик надоедал трактористам, ходил за плугами и требовал больше дунамов и более глубокой вспашки. Он хлопотал о семенах, об удобрениях, пристаивал к Рафи Гурвицу и его ребятам, чтобы привезли маленькие насосы и качали воду из найденных новых источников и из старых колод-

цев. Он распоряжался также средствами, отпущенными поселениям, а скряга он был ужасный. «Нельзя разбазаривать ни единого гроша, — втолковывал он своим ребятам. — Боже упаси, допустить «убытки». Деньги можно тратить только на «конструктивные» цели».

Айзик создал первую животноводческую ферму в поселениях Нахал: стадо овец в Лахише и стадо крупного рогатого скота — в Амации. В стране проводилось тогда много опытов по животноводству, и наш округ был избран одним из опытных районов. Привезли нам стада коров и быков породы «Санта Гертрудис» из США, у них был какой-то необычный и странный вид, и гуляли они по полям Лахиша, словно упали с другой планеты.

Первое поселение Нахал, которое встало на собственные ноги и сбросило с себя опеку Айзика, — Тель-Лахиш. Там сидело «ядро», состоявшее из молодых мошавников второго и даже третьего поколения, которым было немногим более двадцати. Я их хорошо знал еще по первым дням моей работы в Негеве. Тогда они временно находились в Сде-Бокер. Их «открыл» Давид Бен-Гурион и влюбился в них с первого взгляда.

Среди ребят выделялся один, Янкелс, который служил «старику» инструктором по овцеводству и научил его азам этого дела. Молодые мошавники решили превратить свое поселение в постоянное село. Мы обсудили с ними все подробности их плана, начиная с жилья и кончая севооборотом. Не прошло и нескольких месяцев, как вместо временок, расположенных полукругом вокруг учебного плаца, были построены добротные дома. Предстояло еще немало работы, но в конце концов Тель-Лахиш стал одним из самых зажиточных и красивых сел района.

С Амацией и Нехушей дело обстояло хуже — главным образом из-за текучести состава. Одно «ядро» уходило, другое приходило, зато у Айзика было полно работы.

Были у Айзика и другие планы: ему хотелось построить в Лахише и свое личное хозяйство. Он так долго и так упорно приставал к нам, что мы уступили и выделили ему участок в несколько сот дунамов в западной части района, неподалеку от Ашкелона. Мы помогли ему получить нужные займы, построить пять домов, всего для

пяти семейств, — и создать садовое и овцеводческое хозяйство.

Айзик снова начал на новом месте. Этот немолодой и выдавший виды человек, принялся работать теперь на себя и на свою родню.

Глава 26

ДВОРА ДАЯН И ЕЕ СЫНОВЬЯ

О Дворе Даян, матери Моше Даяна, мне впервые рассказал ее брат, Иегошуа Затуловский, который служил лейтенантом 745-го саперного батальона в армии Его Величества короля Великобритании во время Второй мировой войны.

Сам Иегошуа тоже был незаурядным человеком. Когда он пошел добровольцем в британскую армию, ему было уже под шестьдесят. Это был русский еврей до мозга костей и разговаривал он на иврите с чистейшим русским акцентом. Он приехал в страну халуцом еще с третьей волной иммиграции. Где и кем он только не работал! Со временем он стал одним из лучших старых прорабов строительной компании «Солел-Боне». Когда работники «Солел-Боне» были призваны в 745 саперное подразделение, Иегошуа тоже пошел добровольцем, хотя по возрасту он давно уже не подлежал призыву. Благодаря его многолетнему стажу командование присвоило ему «автоматически» офицерское звание.

Я был моложе его лет на тридцать с гаком и служил одним из ефрейторов в его роте, но у меня уже был двухлетний опыт воинской службы и меня назначили инструктором по строевой и физической подготовке; и его самого я обучал военному делу и обращению с оружием. Иегошуа, мужчина среднего роста, крепкий и широкоплечий, с дубленным, изрытым морщинами от долголетней работы на стройках под палящим солнцем лицом, любил после трудового дня беседовать «за рюмкой» со своими бойцами. И вот таким образом я и услышал от него в клубах «Нафи» британских военных лагерей на канале или в кофейнях Суэца, Исмаилии и Порт-Саида, рассказы о его молодости в украинской деревне, где

он родился, о заре сионистского движения и много-много рассказов о его многотрудной жизни уже в стране после первой мировой войны.

Тогда-то я и услышал впервые и о его сестре Дворе, которая приехала в страну задолго до него, году в 1913, и вместе со своим мужем Шмуэлем была одной из основательниц Детании, а затем и Нахалала в Ездrelонской долине.

Прошло несколько лет, и я близко познакомился с сыном Дворы и Шмуэля, Зориком.

Это было уже в 1946 году в Италии. Зогар Даян, он же Зорик, прибыл в распоряжение итальянского «филиала» «Мосада», который, как известно, занимался организацией нелегальной иммиграции. Он явился к Иегуде Арзи, командиру «Мосада» в Италии в качестве добровольца, как многие из нас, после службы в британской армии. Зорик был еще очень молодой и не успел долго прослужить в еврейских частях британской армии, а теперь, когда война кончилась, он всячески стремился внести свой вклад в борьбу евреев Эрец за право своих братьев на иммиграцию.

В то лето меня, «старого вояку», назначили начальником «базы подразделения», созданной в имении, которое мы взяли в аренду. Это имение, принадлежавшее какому-то богатому итальянцу, было чрезвычайно красивым: оно было расположено в селе Болиаско к югу от Генуи на итальянской Ривьере.

Тогда я как раз подбирал себе бригаду, чтобы привести имение в порядок. Надо было оборудовать также небольшой заливчик рядом и приспособить его для нужд нелегальной иммиграции.

Вот на эту-то работу и назначили Зорика. Мы поработали с ним несколько месяцев вместе в селе Болиаско. Зорик был тогда красавцем атлетического телосложения лет двадцати, а из-за его вьющихся каштановых волос он казался выше своего среднего роста.

Зорик был первоклассным шофером, ездил он всегда «с ветерком» и не слишком осторожно. Зато он в совершенстве владел своим джипом, и тот ему беспрекословно подчинялся.

По внешнему виду он был типичный сабра из мошава: крепкий, худошавый, храбрый, искренний, хоть и сдер-

жанный, упрямый, хлебороб и механик с детства; но за всем этим скрывался талантливый поэт с нежной душой, отзывающейся на все, что он любил, будь то люди или природа.

Зорик оставил дома любимую девушку, которую звали Мими. Мы знали тогда Мими только по письмам и стихам, которые Зорик писал и посвящал ей.

Нас было всего трое в пустующем барском доме, и у нас, конечно, не было секретов друг перед другом.

Спустя несколько месяцев после того как барский дом был превращен в «базу подразделения», меня перевели на другую должность, и я больше не видел Зорика.

Когда в 1947 году я вернулся в страну, то узнал, что он женился на Мими, что она беременна и что живут они в Нахалале. Однако события в те дни разворачивались с такой быстротой, что не успел я оглянуться, — а я, кстати, и сам собирался жениться на девушке, которую привез из-за границы, — как наступил уже 1948 год, и так мы с ним и не свиделись.

Зорик погиб в бою за Рамат-Иоханан.

Впоследствии я познакомился с Мими, у которой на руках был уже ребенок; звали его Узи. Несколько старых товарищей Зорика — и я в том числе — служило тогда в нашем молодом военноморском флоте, и мы все старались не терять связь с Мими.

Спустя год после войны Мими вышла замуж за Моше Рабиновича, одного из наших лучших людей как по нелегальной иммиграции, так и во флоте.

Мими и Моше обосновались в мошаве Иогеве, который был только недавно создан в Эмеке неподалеку от Афулы. Моше крестьянствовал, а Мими, у которой были незаурядные способности, создала небольшую мастерскую по ювелирной обработке металла и самоцветов.

В их доме я и познакомился с бабушкой маленького Узи, с Дворой Даян.

Дворе шел тогда уже седьмой десяток. Это была небольшого роста и очень худенькая старушка, но волосы у нее по-прежнему были черные и тщательно заплетенные. Эти красивые черные косы и по-молодому живые глаза напоминали о ее былой красоте, о которой мне столько рассказывал ее брат Иегошуа.

Я тогда работал с Эшколом, и Двора слышала обо

мне от Шмуэля, ее мужа, принимавшего активное участие в мошавном движении. Возможно, еще сам Зорик рассказал ей обо мне, и уж конечно — Мими и Моше. Мы с нею быстро сдружились, тем более, что Двора одной из первых вызвалась вместе с другими мошавниками ее поколения пойти добровольно на организаторскую и инструкторскую работу среди новых иммигрантов.

Тем для разговоров у нас с нею было хоть отбавляй: положение в новых селах, как поднять, как улучшить. Двора была в высшей степени деловая и слов попусту не тратила. Только потом я распознал ее доброе сердце и глубину ее чувств, скрывающихся за ее «деловитостью» — плод долгих и трудных лет, отданных созданию семьи, дома, села, жесткого распорядка и твердой решимости придерживаться именно этого нелегкого образа жизни.

Тогда-то я и понял сложный характер Зорика, а со временем это помогло мне понять — пусть только частично — личность ее старшего сына Моше.

С самим Моше я был знаком только поверхностно еще со времени войны за Независимость и со случайных встреч в генеральном штабе. Наши пути шли как-то параллельно: когда я служил в рядах английской армии, Моше служил в особых частях Хаганы; в дальнейшем он преимущественно служил в сухопутных частях, а я — во флоте; затем я ушел работать на село, а Моше остался служить в армии и быстро поднимался по служебной лестнице.

По-настоящему мы встретились с ним перед тем, как был создан район Лахиш. Моше был уже тогда начальником генерального штаба, и вместе с тем активно участвовал в движении, возникшем по инициативе Бен-Гуриона: призыв ко второму поколению мошавников и кибуцников пойти инструкторами среди новых иммигрантов. Моше имел огромное влияние на людей его поколения и на молодежь старых мошавов, и он полностью воспользовался этим.

Названное добровольческое движение имело все признаки заправского идеологического движения: были вожаки, комитеты, общественные проблемы, нескончаемые споры о путях движения и, конечно, очень много организационных проблем.

Моше являлся на собрания молодых мошавников как свой человек, участвовал в спорах, пытаясь найти решения и всячески помочь. Я не раз видел, как он подъезжает на эти собрания в штабной машине, выходит из нее, снимает на ходу погоны с плеч и прячет их в карман, затем присаживается к своим ребятам, одетый просто в защитную форму без каких бы то ни было знаков отличия.

Когда движение еще только началось, я был инструктором в Неватим. Руководители движения — Аси Яфе, Арик Нехемкин и другие «усыновили» меня тогда, и я стал в движении своим человеком. Тогда-то я и сошелся с ним поближе и по делам, связанным с оказанием помощи мошавам иммигрантов.

Когда идея заселения Лахиша начала принимать явственные очертания, Моше оказал мне щедрую помощь без всяких формальностей во всем, что касалось Цахала и мобилизации добровольцев-инструкторов.

В первые дни заселения Лахиша к нам присоединилась и Двора. Здоровье ее становилось все хуже: она стала словно еще меньше ростом, а лицо сплошь изоброждено мелкими морщинами; теми морщинами, которые оставляют на человеческом лице годы тяжелого труда, годы, в которые было много горестей и мало счастья.

Я разъезжал с нею по новым селам. Она интересовалась и занималась главным образом работой с женщинами и настойчиво требовала, чтобы мы ни в коем случае не запускали эту работу, не пренебрегали женщинами, среди которых многие были совсем неграмотны и у большинства были на руках большие семьи.

Двора старалась выкроить дополнительные «крохи» бюджета для особых женских нужд: для курсов по ведению домашнего хозяйства, для женских и детских консультаций, для детских ясель и т. п. Она уставала от езды по проселочным дорогам и бывала рада, когда я предлагал по вечерам заехать к нам в Ашкелон отдохнуть и набраться сил для нового трудового дня.

Так у нас с Дворой создались и «семейные» связи: она сдружилась с Таней, моей женой, а также с моими маленькими детьми.

Через несколько месяцев Двора заболела. Болезнь была такая, от которой уже не поправляются. Силы ос-

тавляли ее, и приезжала она в Лахиш все реже и реже. В один из ее последних приездов мы долго беседовали с ней на тему, которая вращалась вокруг того, что называли тогда «поколением сыновей», — поколение ее сыновей Моше и Зорика, к которому, кстати, принадлежу и я сам.

Двора сказала: «Моше не вечно останется в армии, а ты не вечно останешься в Лахише. На вас и на других таких, как вы, через несколько лет ляжет весь тот груз, очень тяжелый груз, который еврейский народ возложил на наше поколение. Мне сейчас этот груз частенько кажется просто непосильным».

Тогда я рассказал ей, что еще через полгода намереваюсь закончить свою работу в Лахише, передать округ Леви Аргову, а самому податься в Иерусалим и поступить в университет.

Двора одобрила мое намерение, пожелала мне счастья и добавила, что и сама надеется, что ее Моше тоже удастся поступить в университет и получить высшее образование.

Вскоре после этой беседы Двору положили в больницу, а через месяц она скончалась.

В первые годы существования Лахиша Моше Даян частенько приезжал в округ и в села. Понятно, что поначалу он посещал главным образом поселения Нахал на границе с Хевроном: Лахиш, Амацию и Нехуш. Это был совершенно дикий район, он так и кишел диверсантами, и у Цахала хватало с ним хлопот.

Я частенько выезжал вместе с ним, и между нами начало завязываться что-то вроде дружбы. Я рассказал ему о трудностях устройства иммигрантов в мошавах, о тяготах, выпадающих на их долю и на долю инструкторов, многие из которых были его товарищами и учениками, и время от времени мы наезжали внезапно и в иммигрантские села.

Я рассказал ему о долгих вечерах и ночах, проведенных инструкторами и мной с главами многочисленных семейств в этих селах, и как проходят «заседания комитета» в таком мошаве.

Он попросил меня взять его когда-нибудь на такой вечер. Мы назначили срок и выехали на двух джипах в мошав Сдот-Миха.

В тесной конторе нас уже ждали несколько десятков иммигрантов из Марокко и их инструкторы. На повестке дня стоял вопрос: выборы комитета. Село было создано всего лишь несколько недель назад, было оно одним из самых глухих и изолированных наших сел, расположенных в районе холмов северо-восточной части округа у шоссе Бейт-Гуврин — Бейт-Шемеш.

Мы вошли в барак, вокруг нас толпились иммигранты.

В кандидатах в председатели не было недостатка. Большое и разветвленное семейство Леви выдвинуло кандидатуру одного из своих. Это семейство имело почти абсолютное большинство в селе, но кандидат семейства Коген, которое хоть и было меньше, сумел сколотить «коалицию» с семейством Бен-Харош, а вместе у обоих семейств было немало шансов «прокатить» кандидата семейства Леви «на воронях» и провести в председатели комитета своего собственного кандидата.

Мы открыли заседание, и старший инструктор представил слово поселенцам. Каждый из выступавших — а выступало немало, начинал с длинного списка жалоб на положение в селе, а затем принимался хвалить своего кандидата. Все эти речи произносились на примитивном иврите, а то на арабско-марокканском диалекте, который приходилось переводить на иврит.

Моше Даян внимательно выслушал первых араторов и с любопытством рассматривал поселенцев. Через полчаса я убедился, что он «уловил принцип», и этого урока «демократии в действии» с него довольно.

Он встал, сказал несколько слов приветствия, вышел, сел в свой джип и исчез в ночи.

Когда мы потом как-то встретились, он спросил:

— А чем кончился тот вечер в Сдот-Миха?

Я рассказал ему все драматические события той ночи и как был избран наконец комитет.

— А когда закончилось это драматическое заседание?

— Примерно в час ночи, — ответил я.

— А где ты берешь терпение просиживать с ними дни и ночи напролет?

Это был уже риторический вопрос, и отвечать на него я не стал.

Впоследствии, когда Моше стал министром сельско-

го хозяйства, мы попытались «вытянуть» одного из лучших земледельцев страны, Эфраима Шиле, из кибуца Тират-Цви и отправить его для оказания помощи в Иран, где как раз было землетрясение. Организацию помощи Ирану поручили тогда мне. Как и следовало ожидать, кибуц заупрямился и не пожелал освободить Эфраима для работы за границей. Я рассказал об этом Моше Даяну.

— Давай съездим вместе в Тират-Цви и поговорим с ребятами, — сказал Моше.

Мы предупредили кибуц, что собираемся к ним, а к вечеру, когда мы приехали, там уже шло общее собрание, где на повестке дня стоял вопрос: «О мобилизации товарища Эфраима Шиле». Столовая была битком набита, пришли также старики и дети: все-таки интересно послушать. Женщины принесли с собой вязанье, чтобы одновременно и послушать, и закончить какой-нибудь свитер или платок.

Я взял слово и напирал все больше на важность работы в Иране. Затем выступил Моше и всячески поддерживал меня. Начались прения и, как водится, образовались два течения: одно было «за», другое — «против»; ни дать, ни взять — школа Гилела и школа Шама. Прения шли долго, мы с Моше то и дело снова брали слово и терпеливо излагали свои аргументы. Наконец, где-то уже за полночь, было принято решение. Кибуц решил освободить все-таки Эфраима и разрешить ему отправиться в Иран.

На обратном пути из Бейт-Шеана в Тель-Авив я напомнил Моше те ночи в мошавах иммигрантов и сказал:

— От выборов комитета в иммигрантском мошаве и до «демократии в действии» в кибуце — дорога далека. Но в сущности это одна и та же дорога. Мы еще доживем до тех дней, когда нам придется съездить и в те мошавы, чтобы уговорить их отпустить какого-нибудь первоклассного специалиста для проведения в жизнь какого-либо израильского или заграничного сельскохозяйственного проекта.

И действительно, эти дни наступили даже раньше, чем мы думали.

ТОЩИЕ ГОДЫ «МАШБИРА»

Когда мы открыли «кооперативы» в иммигрантских мошавах, режим экономии и карточная система были еще в полном разгаре.

Слабое сельское хозяйство Израиля, созданное еще до провозглашения Независимости, не могло прокормить население страны, возраставшее в те годы в геометрической прогрессии, даже наполовину.

С овощами, фруктами, молоком и молочными продуктами — еще как ни шло. Правда, поселенцы в своих новых мошавах были тогда только потребителями, тогда росли одни лишь сорняки. Другие же продукты такие, как рис, сахар, растительное масло, пшеница, рыба и мясо, приходилось привозить из-за границы и расплачиваться за них не только чистоганом, но еще и валютой. Казна была тогда совершенно пуста, а Элиезер Каплан, министр финансов, давным-давно заложил и перезаложил те небольшие валютные резервы, которые сохранились еще с довоенных времен. На экспорт шли одни только цитрусовые, но и они были заложены на много лет вперед и наличных поступало очень и очень мало.

Чтобы расплатиться за какой-нибудь пароход пшеницы Элиезеру Каплану приходилось мобилизовать всю свою финансовую смекалку, на которую был способен он сам и его помощники по работе. Из Иерусалима шли срочные телеграммы в Нью-Йорк, в Женеву, чтобы мобилизовать каких-нибудь десять тысяч долларов для оплаты транспорта сахара или риса, потому что поставщики грозились, что велят капитану изменить курс и ни под каким видом не разгружать пароход в Хайфе.

Чего ж удивляться, если «Иосиф Гамашбир» в правительстве, то бишь министр снабжения и продовольствия Дов Иосеф, обрек страну на семь тощих лет. Все продукты выдавались по карточкам. Пестрые, замысловато продыравленные продовольственные карточки, раздаваемые семьям, превращали продавцов в бухгалтеров: они должны были вырезать из карточек всякие пестрые талоны и вести в высшей степени запутанный учет. Конт-

ролееры рыскали на дорогах и в селах, проверяли каждую грузовую машину, чтобы не допустить хищений продовольствия.

Именно в это время в иммигрантских селах открылись кооперативы.

Кооператив, созданный на идеологической основе, предусматривающий участие членов кооператива в прибылях и ставший важной и эффективной частью того современного аппарата, который израильское рабочее движение построило на селе, был чем-то искусственным и весьма странным в иммигрантских мошавах. По виду это была маленькая продовольственная лавка, размещившаяся в бараке в центре села.

Поставщиком кооперативов был «Гамашбир лаолес» — филиал «Гамашбира». Пайщики, пятьдесят-шестьдесят иммигрантских семейств были в буквальном смысле слова нищими, и их покупательная сила — очень близка к нулю. Так как в каждом селе было решено создать такой кооператив, то и тем, кто не кончал экономический факультет, было ясно с самого начала, что вся эта затея по самой природе сулит одни убытки, и потому «Гамашбир» не отставал от Сохнута, требуя все новых и новых субсидий.

Поселенцы всего этого не знали. Они видели только магазин, наполовину пустой, с какими-то подозрительными консервами, банками на полках, несколько не похожими на продовольственные товары, к которым они привыкли в тех странах, откуда они приехали.

Но что особенно злило и выводило их из себя, так это работники кооперативов. Иммигранты очень скоро поняли, что они имеют дело не просто с лавочниками, с которыми можно поторговаться, поспорить, а главное, у которых так или иначе все можно купить, но со служащими на жалованье, которым наплевать на покупателей. «Купят — хорошо, не купят — тоже неплохо».

Кооперативы злили иммигрантов из коммунистических стран, так как напоминали им пользовавшиеся дурной славой колхозные и совхозные «универмаги». Еще более странными они казались выходцам из стран Ислама. Вместо духанщика на разношерстном и шумном базаре, они имели дело с каким-то серым служащим в каком-то сером бараке, и этот служащий выдавал им ка-

кие-то странные продукты: кефир, мороженое рыбное филе и тому подобное.

Кооперативам, конечно, было очень трудно укомплектовать «меню» выходцев из ста и одной страны: польским евреям хотелось приготовить «гефилте фиш», марокканские требовали продукты, необходимые для приготовления «кускуса», румынские евреи мечтали о мамалыге, индийские прямо жить не могли без риса в остром соусе; евреи из Йемена требовали все необходимое для фелафеля, евреи из России все бы отдали за тарелку борща; венгерским евреям хотелось гуляша с острым перцем, а персидским — кебаба, и так далее без конца. И на все это у кооперативов был один ответ: кефир и мороженое рыбное филе.

Мы старались, чтобы хоть хлеб поступал во-время и чтобы его было более или менее вволю. Правда, не единым хлебом жив человек, но зато, когда есть хлеб, тогда хоть нет голода, а это было тогда главное.

Вообще-то хлеб доставляли в Лахиш еще довольно свежим. Его привозили из пекарни «Гамашбира» в Ашкелоне на машине, которая и развозила его по селам.

В один прекрасный день — был как раз канун первого праздника Шавуот в Лахише — я сижу в нашем доме в Афридаре и тоже готовлюсь к празднику. Вдруг ко мне врываются несколько растерянных инструкторов и сообщают:

— Не привезли сегодня хлеб в Ногу, в Шахар, в Оцам, в Сде-Давид, в Эйтан и в Ноам. Поселенцы прямо с ума там сходят, плачут, ломают руки. Что теперь будет?

— А в чем дело? Почему не привезли? Вы в пекарне были? А почему вы не достали хлеба в другом месте?

— Мы целый день ждали машину. Думали, что пустяшная поломка, — ответили инструкторы. — После обеда мы поехали в Ашкелон, но пекарня закрыта. Разыскиали заведующего, а тот говорит, что печь вышла из строя и хлеба не будет.

Хотел я у них спросить, почему пекарня не предупредила заранее, чтобы мы могли достать хлеба где-нибудь в Реховоте или Ришоне, но все равно этим теперь делу не поможешь.

Стали мы искать выход из положения, и вдруг мне

пришла в голову мысль. Я пошел на кухню и спросил у Тани, сколько у нее булок.

— Четыре, — ответила она.

— Очень хорошо. Я три забираю, а одну оставляю. Шалом, через пару часиков я вернусь.

Затем мы поехали к Хавиву, проделали с ним ту же процедуру и «конфисковали» у его жены четыре булки. Так мы объехали дома всех наших работников в Афридаре, и не прошло и получаса, как мой джип и джип инструкторов были нагружены десятками буханок хлеба.

Уже в самый канун праздника мы ворвались в деревню, обошли один барак за другим, как те почетные гости, которые по еврейской традиции должны побывать в праздник в домах жителей, поздравили всех с праздником и всюду оставили буханку или полбуханки хлеба.

Где-то около полуночи я вернулся домой и тут же позвонил в Тель-Авив Якову Аптеру, управляющему «Гамашбира».

— Шалом, Яков, поздравляю с праздником. — начал я. — С вами говорит Лева Элиав из Лахиша.

— Шалом, Лева, с праздником, — ответил ошеломленный Аптер, который, вероятно, уже спал сном праведника, когда раздался мой звонок.

— Яков, я помню, как еще будучи мальчиком я изучал историю рабочего движения в стране, в том числе и главу о том, как вы создали «Гамашбир» накануне первой мировой войны.

— Вот как, — вежливо ответил Аптер, решивший, верно, что я хватил лишнюю рюмку и поэтому в приподнятом настроении.

— Я помню тот чудный рассказ про мешок муки, который вы тогда купили в Тверии и понесли на собственном горбу в Деганию и в Кинерет, чтобы накормить голодных халуцим.

— Точно. Так оно и было; — ответил Аптер в трубку, так и не взяв в толк, чего это я к нему пристал среди ночи.

— Нас учили, что в тот день вы решили в душе создать учреждение, которое обеспечит поселенцев всем необходимым. Так, дескать, возник «Гамашбир».

— Тоже верно, — ответил Яков.

— Ну, так вот, — сказал я. — Сегодня в стране то-

же есть поселенцы, нуждающиеся в помощи. Я говорю о новых иммигрантах, проживающих в новых селах, для которых, собственно, и существуем мы с вами, а заодно и «Гамашбир».

— Это тоже правильно, — уже несколько нетерпеливо ответил Яков.

— В таком случае вы должны мне помочь. — И тут я рассказал ему всю историю с пекарней.

Когда я кончил, Яков Аптер сказал:

— Найди заведующего пекарней и скажи ему, что завтра утром я лично привезу механиков из Тель-Авива. Будем надеяться, что нам удастся отремонтировать пекарню и снова выпускать хлеб.

Так оно и было. Как только праздник закончился вечером, в Ашкелоне уже пекли хлеб. Руководил всем сам Аптер. Он был стариком и десятки лет ворочал гигантским предприятием в сотни миллионов. Все же у меня было чувство, что он с наслаждением находит новое удовлетворение в оказании помощи своему детищу.

Глава 28

НОЧИ ФЕДАЮНОВ

Когда в 1955 году мы приступили к созданию первых двадцати населенных пунктов в Лахише, когда на холмах появились сотни бараков, когда в них поселились тысячи евреев со своими женами и детьми, когда огромные плуги ринулись в поле, а за ними бульдозеры, экскаваторы, катки и все прочие чудища современной цивилизации, в Лахише дни «Техаса» подошли к концу.

Диверсанты, просачивавшиеся из-за границы, столкнулись с новыми факторами. Теперь им было уже не так легко передвигаться по местности, до этого пустынной. Зато они нашли себе новое поприще: принялись воровать и грабить в новых селах. И вот, летом 1955 года, фedaюны, засланные египтянами, начали нападать на населенные пункты и убивать поселенцев и просто прохожих.

Подразделения Цахала начали преследовать фedaю-

нов. В наш район было направлено прославленное подразделение Гивати.

Нас серьезно тревожила судьба новых иммигрантов. Как выдержат новички это страшное испытание, когда они не имеют ни малейшего понятия о военном деле?

В каждой группе инструкторов мы назначили одного районного командира. Это был сержант или молодой офицер запаса. Он отвечал за безопасность каждого нового села. Остальные инструкторы находились в его подчинении, несли охрану по ночам и поддерживали связь с армией и с полицией в районе. Его второй, не менее важной функцией было обучение, и как можно более срочное, поселенцев, в особенности молодых, обращению с оружием и несению караульной службы.

Мы знали, что ночная охрана, состоящая из четырех-пяти инструкторов-добровольцев, даже если к ним присоединятся и несколько человек поселенцев, только что научившихся держать оружие и никогда на своем веку под огнем не бывавших, никак не обеспечит безопасность села, в котором сотня семейств живет в сельских же разбросанных бараках.

Электричества в селах еще не было, о световом ограждении мы даже не мечтали. Как только наступала ночь, наши маленькие села погружались в непроглядную тьму. Поселенцы нервничали и уже с вечера сзывали детей, закрывали двери и окна, и так сидели взаперти, не подавая признаков жизни.

Диверсанты начали устраивать засады машинам и грузовикам на проселках района. В мошаве Шафир они бросили гранату в дом одного поселенца, и все люди, находящиеся в доме, погибли.

Наша тревога за судьбу поселенцев все усиливалась. Однажды утром я отправился в Крепость Иоава, где находился тогда штаб подразделения Гивати. Мне хотелось поговорить с командиром, подполковником Иосифом Гева, которого я хорошо знал еще со времен войны за Независимость.

— Командир спит, — сказал дежурный по штабу.

— Попрошу разбудить его. У меня срочное дело.

— Но командир устал: он всю ночь был в разъездах. Он приказал не будить его, разве лишь по чрезвычайно срочному делу.

— Дело чрезвычайно срочное, — сказал я.

Поспоров еще немножко, дежурный пропустил меня в конце концов в кабинет командира.

Иосиф лежал на военной койке, укрытый с головой одеялом, чтобы не мешал дневной свет. Я легонько дотронулся до его руки. Он открыл свои большие черные глаза и, увидев меня, соскочил с койки во весь свой огромный рост и уже был готов выслушать меня.

Я рассказал ему о положении в селах. В особенности напирал на тревогу жителей, которая вот-вот превратится в панику. Рассказал также о том, как люди запираются в домах, как в селах все усиливается страх.

Иосиф слушал, кивал головой и заверял меня, что подразделение делает все, что в его силах, преследует феодалов, ловит их и всячески борется.

Я заверил его, что нисколько не сомневаюсь в усилиях Цахала. Однако недостаточно, чтобы Цахал делал усилия; надо еще, чтобы жители это почувствовали.

— То есть, как «почувствовали»? — удивился Иосиф. — Ты хочешь, чтобы мы приглашали глав семейств для участия в засадах и погоне?

— Нет, — ответил я. — Надо просто, чтобы Цахал продемонстрировал жителям свое присутствие.

— Что же ты хочешь: чтобы я парады устраивал в селах? Или боевые учения? Поверь, что бойцам и без того достаётся.

Подумав немного, он добавил:

— Если хочешь, я похлопочу, чтобы в села направили ребят из Гадны; тогда будет веселее.

— Нет, Иосиф, — сказал я. — У меня совсем другое на уме. Я знаю, что это будет не просто, но я все-таки прошу тебя: выдели мне, то есть выдели администрации округа три-четыре бронемшины на гусеницах с экипажами и дай мне объезжать на них села. Я знаю — с военной точки зрения эти объезды не много значат, но ты даже представить себе не можешь, как они поднимут дух поселенцев.

Иосиф бросил на меня долгий взгляд, затем сказал:

— Ты понимаешь, что ты от меня требуешь? У меня всего-то в подразделении дюжина исправных машин. Люди круглые сутки — на задании. И ты хочешь, чтобы я сократил свои силы на одну треть только затем, чтобы

поднять дух твоих поселенцев. Ты уж не сердись, но ты требуешь невозможного. К тому же, если бы я даже был в состоянии помочь тебе, я все равно должен получить разрешение штаба.

— Иосиф, — сказал я. — Я не уйду отсюда с пустыми руками. Просто не имею права. Знаешь что? Хватит и двух машин. И не на всю ночь — хватит и половины. Сделай так, чтобы бронемшины выполняли заодно какое-нибудь твое задание. Расстояния ведь здесь не очень большие: один круг в эту сторону, один — в ту. И не обязательно самые новые машины. Главное, чтобы они громыхали, да были оборудованы прожекторами, да сидели на них бойцы с автоматами и пулеметом. Это все, о чем я прошу. Что же касается начальника штаба, то давай мы с тобой придем к «принципиальному» согласию, а там я уверен, что если расскажу обо всем Меиру Амиту, он тут же даст нам зеленую улицу.

— Одну машину, так и быть, выделю.

У меня лицо, видно, засияло.

— Когда ты хочешь машину?

— То есть как это — когда? Сегодня ночью, конечно.

Иосиф согласился.

Под вечер я вернулся в Крепость Иоава, одетый в шинель защитного цвета, в теплый свитер, а на голове у меня вязанная «Балаклава» — шерстяной шлем. Машина стояла во дворе крепости.

— Познакомься. Это — лейтенант Моше Леви, — сказал Иосиф, знакомя меня с молодым парнем, рослым, мускулистым, хоть и худым, с черным чубом. — Он командир твоей бронемшины. Он получил уже приказ выехать с тобой на всю ночь. У него связь со штабом подразделения, а также с другими частями, расположенными в округе.

Мы пожали друг другу руку и сели в машину.

Мы выехали из Крепости Иоава. Проездив минут пятнадцать, я попросил Моше свернуть на обочину и сделать небольшую остановку. Затем я ему коротко разъяснил, что происходит в деревнях и какова цель этих предстоящих ему странных объездов. Моше сразу уловил суть дела. Он сказал, что он сам уроженец Багдада, приехал в страну всего несколько лет назад и пре-

красно понимает, каково положение и какую цель я преследую. Тут же мы вместе разработали «план операции».

Мошав Оцам был весь погружен во тьму, когда мы подъехали к нему. Машина съехала с шоссе и повернула по проселку в сторону деревни. Гусеницы подняли тучу пыли сзади, а спереди лились снопы света. Моше включил прожектор и направил свет на бараки села.

Мотор оглушительно трохотал, а Иоси, водитель бронемашинны, делал все, чтобы рокот получался как можно более шумным. Мы въехали в центр села. Группа инструкторов во главе с Бецалелем вышли нам навстречу. Я соскочил с машины и разъяснил им цель операции. Несколько инструкторов село с нами в машину, и мы подъехали к темным баракам поселенцев.

Мы остановились у барака реб Моше, одного из руководителей села. Постучались в запертую на засов дверь, и Бецалел назвал себя. Реб Моше открыл нам дверь, а за спиной на нас тревожно поглядывали его жена и пятеро детей. Мы посидели у него с полчаса, попили крепкого марокканского чаю, хозяйка вынесла также чаю бойцам, всюю орудовавшим на улице прожектором.

Мы побеседовали с реб Моше о положении в селе, о кооперативе, о строящихся домах. Под конец мы, как бы между прочим, сказали несколько слов об армии и о том, какая она мощная.

От барака реб Моше мы направились в другой конец села и проделали то же самое и в бараке рабби Ифраха, тоже главы большого семейства и лидера на селе. Мы взрыли гусеницами все «улицы» Оцама. Вместе с тем мы выкорчевали и страх из людских душ. Стены бараков дрожали, когда мы проезжали мимо. Приблизительно через час мы выехали из Оцама, распрощались с инструкторами и поехали в Ногу.

Там свернули к бараку Ривки и Мордехая Губеров. У них прямо слезы стояли в глазах, когда они нас увидели. Ривка словно ждала нас: она тут же вынесла танкистам всякие лакомства, затем Губеры пошли с нами в барак Иегуды Шерифы, а оттуда в барак хахама Иехезкиэля. Тут только Моше и его ребята поняли, какое важное дело — эти ночные объезды новых сел.

Из Ноги мы поехали в Шахар. После полуночи поехали в Сде-Давид, а оттуда — в Халац и в Тель-Маним. В три часа утра грохот гусениц разбудил жителей Эйтана. Перед рассветом мы проехали Озу, Ахузам и Ноам. Начало светать. Восток заалел. Мы потушили прожектор и вернулись в Крепость Иоава.

Я сказал Моше:

— Теперь дай своим ребятам поспать. В следующую ночь с тобой поедет мой заместитель Леви Аргов. Да мотай на ус, Моше, — добавил я, — так будем ездить каждую ночь.

— До каких пор? — спросил Моше.

— До каких пор? Пока инструкторы не доложат, что поселенцы умеют обращаться с оружием. Когда мы увидим, что им ничего уже не страшно, тогда и прекратим.

Много ночей мы объезжали деревни на брошемашине. В октябре 1956 года Цахал прорвался в сектор Газы и в Синайскую пустыню. Базы фedaюнов были уничтожены и целых десять лет в районе было спокойно.

Глава 29

ПЕРВЫЕ ШАГИ

До заселения Лахиша было принято взваливать на новых поселенцев тяжелое ярмо ведения самостоятельного хозяйства без каких-либо переходных или промежуточных этапов. И не просто самостоятельного хозяйства, а такие современные и усовершенствованные формы кооперации, как трудовой мошав. Это сложный вид сельскохозяйственного поселения создавался и совершенствовался в Израиле в течение двух поколений, в медленном процессе поисков и деятельности мысли и творчества таких выдающихся людей, как Элиезер Яфе, Шмуэль Даян, Яков Ури и других. Нынче мошав по своим принципам и уставу, — тонкая и очень сложная система взаимных расчетов, кредитов, займов, процентов, финансирования, правления и контроля, организованного снабжения и сбыта продукции, органически связанная с районной, а затем всеизраильской сетью «Тну-

вы», «Центрального Машбира», «Машбира Потребителю», «Рабочего банка», «Бюджетного отдела Сохнута», «Кооперативного Нира», «Сельскохозяйственного центра», «Мошавного движения» и т. д. и т. п.

Поэтому не приходится удивляться, что те, кто прибыли в страну после провозглашения независимости и устроились в новых селах, относились к этой запутанной системе, в которую они вдруг попали, с подозрительностью, удивлением, отчужденностью и даже страхом, и чувствовали себя в ней примерно так, как чувствовал себя пророк Иона в животе рыбы.

Евреи из Восточной Европы, чудом спасшиеся после катастрофы, отбывшие годы и годы в немецких и сибирских лагерях, скитавшиеся по степям и пустыням советской Средней Азии — они первыми подались в новые мошавы, — при виде всех этих «органов», «движений» и «учреждений», окружавших их со всех сторон на новом месте, тут же вспоминали о «колхозах», «совхозах», «совнархозах» и «госпланах», — их-то они почувствовали на собственной шкуре в годы своих скитаний.

Евреи с Востока, прибывшие в мошавы в начале пятидесятых годов, тоже никак не могли привыкнуть к этой странной системе, столь чуждой их прежнему образу жизни и понятиям.

Вот, скажем, вырастил себе человек полтонны помидоров. Помидоры удалась на славу, и он рад бы погрузить их на повозку, запрячь осла и вывезти их на рынок. Но не тут-то было! Это противоречит правилам кооперации (слово-то какое!). Он обязан выждать пока его товарищи по мошаву тоже уберут урожай, и тогда откуда-то приезжает грузовая машина какой-то организации, которую зовут «Тнува», у него забирают его помидоры, погружают их вместе с остальными, машина уезжает себе восвояси, а он остается с какой-то бумажкой в руках. Проходит неделя, он спрашивает инструктора: «Где деньги?», инструктор отвечает: «Потерпи». Проходит еще одна неделя, он снова спрашивает, теперь уже сердито: «Где деньги?». «Потерпи», — отвечает инструктор. Проходят еще две недели, из «Тнувы» поступает наконец «локш», то бишь счет. Поселенец вне себя от обиды: все есть в этом «локше», кроме денег. Есть «брутто», есть «нетто»; «тара», «естественная убыль»,

«накладные расходы»; есть первый сорт и второй и третий, есть «в случае несогласия», есть «удержания на содержание комитета», все есть, только наличных нет.

В мозгу поселенца рождается страшное подозрение. Тут, видно, устроили заговор, чтобы выжать из него все, продать его урожай за бесценок, лишь бы начальство получало жирные зарплаты. Вот такие мысли не раз пагубно отражались на новых мошавах и приводили к бегству поселенцев. Мы решили облегчить процесс приспособления и избегать кризисов. Для этого нужно было создать какую-то временную «перегородку» между новым и неопытным поселенцем и жестокой экономической системой, основанной на спросе и предложении, с одной стороны, и кооперативной структуре мошава, с другой.

С согласия мошавного и прочих поселенческих движений мы создали «коллективную ферму». То есть, вместо того, чтобы сразу разбить всю землю мошава на 80 или 100 хозяйственных единиц, она будет обрабатываться как одна большая ферма. Поселенцы будут жить в своих домах, но своих участков они не получают, а будут работать как сельскохозяйственные рабочие на этой большой ферме, управлять которой будут старые и опытные земледельцы из старых мошавов. Мы знали, что больших прибылей от этих ферм не получим, во всяком случае — не в первые годы, когда наши рабочие не имеют еще современного сельскохозяйственного опыта. Зато мы таким путем убереем их от неудач и подготовим к самостоятельности.

Первый год был трудным. Необходимо было научить поселенцев азам пахоты, культивации, боронования, полива, применения инсектицидов, уходу за семенами и плантациями.

Первые урожаи были невысокого качества, но рынок, столь жадный в те дни до овощей, поглощал все. Поселенцу не приходилось хлопотать о сбыте и реализации. Он получал поденную или помесечную плату и мог отдаваться земледелию, не отягощая себя другими заботами. Так прошла весна, затем лето, осень, зима и еще одна весна, лето, осень и зима. Смена времен года вошла в сознание и в образ жизни нового поселенца, посевные площади увеличились, и дунам за дунамом прокладывалась оросительная сеть.

И вот наступил момент, когда инструкторы самых старых мошавов Ноги и Оцама почувствовали новую волну напряжения и подозрительности в селах: однако, на сей раз причина была иная. В один прекрасный день к нам явилась делегация жителей Ноги, выходцев из Курдистана как иранского, так и иракского, и заявила: «Господа, вы доставили нас сюда и поселили нас в деревне. Вот уже два года, как мы обрабатываем землю. Земля хорошая, и урожай мы получаем от нее славные. А вот наживаются на их другие. Этот ваш «Метах» (так называлось общество по управлению коллективными фермами, как нашими, так и фермами «Мошавного движения», нас эксплуатирует, выплачивает нам поденку, а прекрасные наши урожаи продает «Тнуве», и те и другие делают неплохие делишки за наш счет».

Именно этого момента мы ждали и ответили им: «Мы ведь сказали вам, что весь этот «Метах» — временное явление, пока вы сами не сможете управляться всеми сельскохозяйственными работами. Что же вы теперь решили?».

«Что же мы решили? — ответили поселенцы. — Очень просто. Отдайте нам наши участки, и мы их будем обрабатывать сами».

Глава 30

БАНК В НЕГОРЕ

Вот именно такого дня мы ждали. Разве может быть лучшее доказательство, что наши евреи пустили корни в своей земле и прониклись доверием к своему труду и его плодам? Мы начали нарезать поселенцам участки «А», то есть сначала только те пять дунамов, которые были расположены у самого двора. Мы опасались, что если дадим каждому хозяйству все причитающиеся ему двадцать дунамов, они, пожалуй, не справятся.

Первый самостоятельный сезон выдался хорошим, поселенцы продали овощи, выращенные на участках «А», по хорошей цене. В их карманы потекли теперь наличные. Мы пришли к выводу, что пора открыть банк в центре Негоры, где поселенцы могли бы иметь расчет-

ные счета, закрытые счета для сбережений и так далее.

Мы пригласили представителей банка Гапоалим из Ашкелона и попросили их открыть первый филиал в округе Лахиш. Для этого мы выделили полторы комнаты в одном из общественных зданий в центре Негоры, снабдили окна решетками, как полагается банку, и в один прекрасный день в Негору действительно приехали представители банка. Они привезли с собой перегородку с окошком, стол, большой стальной сейф и яркую вывеску: «Банк Гапоалим ЛТД, филиал Негора».

Первые дни банк пустовал. Никто не заходил. Поселенцы, правда, прослышали про банк, некоторые проезжали мимо него вечером на своих повозках, возвращаясь с работы. Другие, приехавшие в амбулаторию или на тракторную станцию, набрались смелости и даже заглянули, перебросятся несколькими словами со скучающими служащими и ушли с тем, с чем пришли.

Банк бездействовал. Никто денег не вкладывал. Никто счетов не открывал.

Инструкторы развернули разъяснительную кампанию среди жителей Оцама и Ноги. Разве может быть что-нибудь более верное, чем банковский вклад? Не только не надо бояться днем и ночью за судьбу спрятанных в «джаре» — кувшине — или закопанных в землю, или спрятанных под матрац денег, так как они лежат в полной безопасности в стальном сейфе банка; мало того, деньги, положенные в банк, рожают новые деньги, так как на них начисляются проценты. И еще одно преимущество имеет банковский вклад: не надо таскать в кармане ни бумажных, ни тяжелых металлических денег. Взял с собой чековую книжку — купи хоть весь земной шар.

Евреи слушали внимательно, задавали разные вопросы, но банк по-прежнему обходили стороной. Мы поняли, что пока не повлияем на кого-нибудь из глав больших семейств и не добьемся, чтобы он открыл счет в банке, остальные не тронутся с места.

Мы пристали к Иегуде Шерифи, главе курдского семейства из Ирана, проживающего сейчас в Ноге, и после долгих и трудных уговоров он согласился открыть в банке расчетный счет на небольшую сумму. И действительно, банк начал проявлять первые признаки жизни.

Мало-помалу стали открывать и другие счета в банке. Банковскому служащему не приходилось уже спать беспробудно, но среди поселенцев все еще чувствовалось большое недоверие к банку.

Однажды в банк зашел один из поселенцев, который неделю тому назад положил на закрытый счет сто лир. Он подошел к окошку и сказал кассиру:

— Скажи-ка мне, товарищ, сколько у меня денег на счету?

Посмотрел работник в сберкнижку и сказал:

— Сто лир.

— А где мои сто лир? Где они у вас лежат?

— Вот здесь в сейфе в углу, — ответил кассир.

— А ты уверен, что вся сотня лежит там? Может быть, часть увезли в Ашкелон или Тель-Авив?

— Можете не беспокоиться, господин, — ответил работник, все ваши деньги лежат здесь и никакая опасность им не угрожает, как я вам уже сказал.

— Ну и что ж, что сказал? Нельзя, что ли, справиться о судьбе моих денег? Это ведь не твои деньги, — сердито сказал поселенец. — Ну-ка, покажи мне мои деньги, чтобы я посмотрел на них собственными глазами.

— То есть как это посмотреть? — спросил работник. Ты что же, хочешь снять какую-нибудь сумму со счета?

— Нет, — ответил поселенец, в душу которого закралось подозрение. — Мне бы лишь посмотреть и пересчитать мои денежки.

— Но это невозможно, — ответил работник, сбитый с толку. — Тебе придется выписать чек, и тогда я выдам тебе деньги.

— Прекрасно, — сказал вкладчик, — выпишу тебе чек. Он достал чековую книжку из кармана и протянул ее работнику. — Выпиши ты, а я подпишу.

— На какую сумму выписать чек?

— На сто лир.

— Что!? Ты хочешь закрыть счет в банке?

— Ничего я не хочу закрыть; я хочу сосчитать свои деньги. Я не верю вам.

Кассир выписал чек на сто лир. Поселенец подписал, кассир достал из кассы сто лир, сосчитал и передал их поселенцу. Тот взял деньги, уселся за стол в углу и не-

сколько раз пересчитал их. Затем он встал и, снисходительно улыбаясь, протянул деньги работнику.

— Ты — молодой парень, — сказал он. — Ты еще не знаешь, что это значит зарабатывать деньги и добывать хлеб из земли. Все же я вижу, что ты и твой банк — честные люди. На, возьми эти фунты, положи их обратно в сейф, да хорошенько закрой. Впрочем, подожди минутку. Возьми вот еще десять лир, которые я заработал на этой неделе, и положи их тоже в кассу.

Глава 31

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА

Если для выбора места под небольшое селение собиралась комиссия из десяти специалистов, то тем более, когда встал вопрос о выборе места для нового города, столицы Лахиша. Мы намеревались построить город где-то в центре округа, и тут сама собой напрашивалась местность у перекрестка Плугот, где скрещивались два шоссе: одно, связывающее Тель-Авив с Беср-Шевой, а другое, ведущее из Ашкелона в Бейт-Гуврин, и дальше в Иерусалим, то есть как на оси север-юг, так и на оси запад-восток.

На место выехала расширенная комиссия, чтобы определить точные координаты будущего города.

В те дни у проектировщиков была мода на города «сельского типа». Это были пасторальные города с населением, не превышающим несколько тысяч жителей, каждый из которых сидит, так сказать, под своим виноградником и под своей смоковницей в одноэтажных домиках, вокруг которых один или два дунама «подсобного хозяйства», где горожанин с горожанкой выращивают немного помидоров, лука, держит птицу и так далее.

Этому подходу противостоял другой, более простой, согласно которому город должен иметь обыкновенный городской вид, а его экономика должна основываться, главным образом, на тотчас же возникающей там промышленности. Дома должны быть многоэтажные без «приусадебных участков», которые неизбежно станут в дальнейшем рассадником сорняков и спекуляций.

В случае Кирьят-Гата мы пришли к компромиссному решению. Первые кварталы решено было строить полудеревенского типа, зато последующие кварталы — городского, то есть многоэтажными. Проектом предусматривалось, что промышленность города будет перерабатывать сельскохозяйственную продукцию всего района, но по мере того как город будет расти и развиваться, будет создана и иная промышленность.

При определении точных координат города мы брали в расчет железнодорожную линию Лод — Беер-Шева, которую успели к этому времени закончить. Мы знали, что наличие железной дороги — важный фактор для развития города, и поэтому мы спроектировали промышленный район города как можно ближе к железнодорожной линии.

Когда был готов генплан города, для которого мы предусматривали в проекте не больше десяти тысяч жителей, мы приступили к созданию рабочих чертежей первых кварталов. Моим заместителем по строительству Кирьят-Гата назначили Ицхака Чижика, у которого был богатый военный и административный опыт еще со времен мандата. Прошло несколько недель и Ицхак, его секретарша, а также помощник, переехали в два серых маленьких барака, построенных на небольшом холме, где должен был находиться въезд в будущий город.

Так были заложены основы Кирьят-Гата.

Прошло некоторое время, и мы начали закладывать фундаменты первых жилых домов.

Больше всего нас волновал, конечно, вопрос безопасности: кто будет охранять первых жителей «города»? Мы пришли к выводу, что первым делом нужно построить здание полиции, так как участку придется обслуживать также населенные пункты, которые со временем вырастут вокруг города. Главное же, полицейский участок должен стать чем-то вроде «крепости» для жителей самого города.

Мы убедили Главное управление полиции срочно построить в городе добротное здание, наподобие «таггартовых крепостей» времен британского мандата, и выделили для здания полиции подходящий участок. Нам хотелось, чтобы одновременно с первыми поселенцами в город переехал также десяток полицейских, чтобы они

поселились со своими семьями в новом здании полиции.

Мы представили свои планы на утверждение руководству поселенческого отдела. На одном из заседаний, обсуждавших вопросы, связанные со строительством Кирьят-Гата, присутствовал также легендарный Авраам Гарцфельд, отец израильского села.

— Что ты делаешь? — вскричал он. — Неужели ты хочешь начать строительство первого еврейского города в Лахише со здания полиции? Не лучше ли начать с Дома культуры, Народного дома, наконец Дома Гистад-рута? Почему тебе так приспичило начать именно с «полиции»?

Я пояснил реб Аврааму, что основная функция «полиции» в Кирьят-Гате напоминает скорее функции «Забора с башней» в сельскохозяйственном поселении.

Гарцфельд успокоился.

Нашей следующей проблемой была «индустриализация» города. В те дни начали выращивать в стране хлопок. Сэм Гамбург, миллионер из США, учившийся в молодости в Эрец Исраэле и создавший цветущую хлопковую плантацию в Калифорнии, прибыл в Израиль и заявил: «Почвенные условия Израиля очень подходят для хлопка». Поначалу к нему относились скептически, но старик Сэм заразил всех своим энтузиазмом, и когда мы приступили к проектированию сельского хозяйства Лахиша, мы выделили несколько тысяч дунамов под хлопок. То же сделали проектировщики Негева и жители прибрежных сел вокруг Ашкелона.

Но тут возникла проблема хлопкоочистительного завода. Таких заводов еще не было в стране: оборудование для первых двух заказали в Америке. Предполагалось построить один такой завод на севере страны, а именно в Хават-Шмуэль в долине Бет-Шеан, где Гамбург создал первую хлопковую плантацию в стране.

На второй хлопкоочистительный завод, предназначавшийся для юга страны, было несколько претендентов. Беер-Шева, Афиким, Ашкелон, а теперь и мы, всюду нажимали на Пинхаса Сапира, тогдашнего министра промышленности и торговли, и на Хаима Гвати, генерального директора министерства сельского хозяйства. Мы толковали: «Именно в Кирьят-Гате нужно построить второй завод. Район Лахиша станет со временем, как это

и предусмотрено планом, важным центром выращивания хлопка на юге страны. Во всем округе — один-единственный город, к тому же новый, а промышленности в нем нет».

Мы были уверены, что выйдем победителями в войне за хлопкоочистительный завод, так как доводы деятелей Беер-Шевы и Ашкелона были слабее наших. Зато у них был другой козырь на руках.

«Теперь у нас май, оборудование завода уже на пароходе и вот-вот поступит, — говорили они. — Необходимо смонтировать оборудование сразу по прибытии, а то не успеем к началу уборки, то есть к ноябрю или в крайнем случае к декабрю этого года. Наш город построен не вчера и располагает всем необходимым: у нас есть промышленность, есть подъездные пути, есть вода, электричество; мы можем сразу приступить к строительству завода и принять урожай хлопка уже в этом году. А вы? Ведь ваш город существует пока только на карте. У вас нет ни электричества, ни дорог, ни воды. Как же вы собираетесь построить завод за каких-нибудь пять месяцев?».

Глубоко вздохнув, мы ответили:

«Со всей ответственностью заявляем, что в ближайшие месяцы завод будет присоединен ко всем сетям: к электросети, к водопроводной сети и к сети дорог».

Сапир и Гвати поверили нам и решили, что завод будет построен у нас.

Нахум Гершонович был назначен специальным помощником Ицхака Чижика по строительству завода. Инженерам я дал указание не жалеть никаких усилий, мобилизовать все силы, всю смекалку, где только можно, лишь бы смонтировать оборудование в срок.

Мы сразу решили, что не будем рисковать и даже не приступим к строительству здания завода, потому что знали, — это нам не под силу. Вместо этого мы решили построить только бетонные фундаменты и смонтировать на них оборудование под открытым небом. Только так мы, может быть, справимся с задачей.

Работа шла в бешеном темпе. Мы прокладывали узкое шоссе к «промышленному району», заливали бетон под фундаменты, продолжили временный водопровод к ближайшему мошаву Озе, протянули временную электро-

линию, а главное, монтировали оборудование как можно быстрее.

В день, когда началась первая уборка урожая на полях юга, мы пустили в ход машины, стоявшие под открытым небом.

Мы не нарушили график.

Когда стальные гребни начали расчесывать первый хлопок, мы почувствовали себя как тот пассажир, который мчался что есть сил за автобусом, отъехавшим от остановки, набирая скорость, и буквально в последнюю минуту успел вскочить на подножку, ворваться в дверь, поблагодарить водителя и опуститься в изнеможении на первое попавшееся сидение.

Глава 32

АСТАРТА ИЗ КИРЬЯТ-ГАТА

Еще до прибытия первых семей в Кирьят-Гат нас тревожил вопрос трудоустройства и обеспечения новых поселенцев средствами для существования. О сельском хозяйстве не могло быть и речи, так как речь шла о городе; да и не было сельскохозяйственной работы: мы с трудом нашли ее для жителей сел.

Правда, часть людей можно будет использовать на строительстве как подсобных рабочих. А остальных? Мы долго думали, и наконец нас осенила мысль.

Ведь Кирьят-Гат строится неподалеку от древнего холма Тель-Гата. Никто из археологов этого кургана еще не касался. Он в полном смысле слова девственный курган. Кто знает, что там скрывается внутри? Не настала ли пора покопаться в его внутренностях?

Мы ознакомились с профессором Йевиным, возглавлявшим Государственный археологический отдел.

Да, сказал профессор, если мы добьемся ассигнований для археологической экспедиции. И если предоставим экспедиции инструмент, жилье и оборудование, то он, пожалуй, согласен заняться курганом и обеспечить работу для ста человек ежедневно, при условии, что мы же будем выплачивать им зарплату.

Ура! Нашлась работа! Не просто работа, но еще и

творческая, связанная с культурой. но где взять средства?

Я поехал к Эшколу в Иерусалим. Он был тогда министром финансов, но одновременно возглавлял поселенческий отдел Сохнута.

— Какую новую беду ты принес на мою голову? — дружески встретил меня Эшкол в своем кабинете. — Начни, пожалуйста, с конца.

Я коротко изложил суть дела. Всячески подчеркивая историческое и культурное значение Тель-Гата, выражал уверенность, что он станет со временем центром туризма и источником доходов как для Кирьят-Гата, так и для государства. Еще дома я почитал немножко Библию, готовясь ко встрече с Эшколом, а теперь вытаскивал подходящую цитату (Эшкол ужасно любил цитаты из Библии).

— Вот в Книге Царств сказано, что в храмах филистимлян были наросты и мыши из золота. Кто знает, вдруг мы найдем при раскопках этакий клад наростов и мышей, и это сразу решит все твои проблемы. Правда, наросты и мыши — не ахти какие почтенные вещи, но золото, как известно, возмещает все; в особенности оно возместит дефицит в валюте.

Эшкол бросил на меня отеческий взгляд поверх очков. Я знал, что он ищет в уме какую-нибудь цитату в ответ.

— А ты помнишь, — сказал он, — как молодой Давид, спасаясь от Саула, нашел убежище у Ахиша, царя Гата?

— Да-да, — ответил я не очень уверенно, — помню.

— А помнишь ли ты, что, представ перед гатским царем, он прикинулся сумасшедшим, а гатский царь сказал: «Что, у нас своих сумасшедших мало?» Я не царь и не царевич, но все-таки я скажу вслед за ним, что у меня довольно своих дурачков, которые форменным образом забрасывают меня проектами, как спасти страну и ее экономику.

Я почувствовал, что это не окончательное «нет». Еще немножко «обработал» Эшкола, пока он, наконец,

не смягчился и не накинул еще двадцать тысяч фунтов на раскопки в Тель-Гате.

Мы сразу известили профессора Йевина, а тот немедленно принялся организовывать археологическую экспедицию. Со своей стороны мы срочно построили несколько временных барачков у подножья кургана, завезли койки и матрацы и устроили также несколько душев и уборных.

Спустя несколько недель прибыл профессор Йевин со своими людьми, чтобы проверить маленький лагерь, построенный для них. Ни бараки, ни остальное им у нас не понравилось. Особый гнев вызвали у него уборные, которые мы спешно устроили в маленьких будках.

— Разве это уборная — возмущенно вопрошал упитанный профессор, показывая на деревянный стульчик с круглым отверстием посередине. — Это что же за калибр? Да ведь это для маленьких детей!

Пришлось увеличить «калибр» по мерке.

Спустя два дня после прибытия в Кирьят-Гат первых поселенцев явилась и археологическая экспедиция и обосновалась в лагере. Мы вывели на работу с сотню мужчин, выходцев из Марокко и Атласских гор, выдали им кирки, лопаты и корзины, изготовленные из старых скатов. Археологи стояли над ними и учили, как надо копать и раскрывать курган. Наши евреи сначала не поняли, чего от них хотят: вывели их к какому-то холму, велют копать как можно осторожнее и загружать корзины землей. Для чего это нужно? Что тут происходит в этой новой, странной стране, в которую они попали?

Мы объяснили им, как сумели, что вот в этом самом кургане когда-то стоял город филистимлян; может быть, здесь жил даже сам Голиаф. Имя Голиафа сразу нашло себе дорогу к их сердцу. К вящей радости, первый слой оказался кладбищем, существовавшим здесь тысячу лет назад. Под неусыпным наблюдением археологов рабочие собрали кости и осторожно складывали их в корзины. Когда кто-нибудь из этих бородатых мужчин в бурнуках находил какую-нибудь кость покрупнее, он радостно кричал:

— Вот нога Голиафа! Вот рука Голиафа!

Смушало их еще одно, а именно — Ора. Ора входила в состав археологической экспедиции, а была она

«штучкой» что надо. Со стройной фигуркой, длинными, красивыми и загорелыми ногами. Ее одежда состояла, в сущности, из одной лишь широкополой шляпы, защищавшей ее от полящего солнца. Помимо шляпы, на ней были коротенькие шортики, почти «бикини», да тоненькая блузка, которая больше обнажала, чем скрывала.

В Атласских горах женщины ходят закутанные с головы до ног, и наши евреи смотрели теперь на Ору как на существо, которое даже постичь нельзя, как нельзя постичь и всю эту археологическую возню.

Проходили дни, проходили недели, загар Оры продолжал усиливаться, пока она не стала отливать просто медью; продолжали и рабочие углубляться в недра холма и доставать оттуда черепки кувшинов и прочей утвари. Вскоре добрались еще до одного слоя, потом до другого. Археологи возбужденно обсуждали каждую находку, привезли реставраторов для склеивания черепков и восстановления кувшинов; словом, скучать не приходилось. Рабочие получали зарплату в срок и тоже не скучали.

Тем временем был построен хлопкоочистительный завод, и можно было найти работу уже в самом городе.

В один прекрасный день археологи показали мне маленькую фигурку Астарты, богини плодovitости у древних кананцев, найденную при раскопках. Это была хорошенькая статуэтка голы женщины, толстогрудой и широкобедрой, сделанная из красной глины. Я попросил одолжить мне эту штуку на время, чтобы показать ее Эшколу и доставить ему удовольствие. Археологи, хоть и неохотно, но все-таки одолжили мне скульптуру. Они тщательно завернули глиняную леди в вату и осторожно положили ее в картонную коробку.

Когда я поехал в следующий раз в Иерусалим, то взял с собой маленькую Астарту. В самом разгаре прений по бюджету в кабинете Эшколы, я с гордостью достал Астарту из картонной коробки, поставил ее на стол Эшколы и сказал:

— Видишь, какие сокровища имеются в Кирьят-Гате?

Эшкол уставился на маленькую богиню с шутливым изумлением, затем поставил ее на свою огромную ладонь, похлопал второй рукой по ее широкому заду и пышным грудям и сказал:

— Вы только посмотрите на эту нахальную канаанскую бабу. Мало она шантажировала евреев тысячи лет назад, когда за нею увивались на каждом возвышении и под каждым ветвистым деревом, так она и сейчас ухитрилась выжать из казны государства Израиль еще двадцать тысяч лир чистоганом!

Глава 33

НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ

Когда мы справились со строительством первого хлопкоочистительного предприятия в Кирьят-Гате, перед нами встала задача справиться еще с одним урожаем, требовавшим переработки: урожаем земляного ореха. Уже в первый год поселения Лахиша собрали богатый урожай и теперь предстояла сортировка и упаковка арахиса. Мы построили в Кирьят-Гате огромный шалаш, где и производилась сортировка и упаковка. Таким образом, возникло новое «производство», на котором были заняты преимущественно женщины.

В те годы мы искали промышленников, которые согласились бы вложить свои капиталы и создать в Кирьят-Гате постоянную промышленность, не зависящую от сезонной переработки сельскохозяйственной продукции.

«Мода» на текстильную промышленность, являющуюся по своему происхождению «еврейской» отраслью, тогда еще только зарождалась в Израиле. В текстильной промышленности можно будет найти работу для очень многих, и потому мы, естественно, искали инвесторов в этой области.

Так возник проект создания хлопкопрядильного завода в Кирьят-Гате. В округе имеются обширные хлопковые плантации, имеется и хлопкоочистительный завод; почему бы нам не пойти дальше тем же путем?

Мы обратились в Министерство промышленности и торговли, а также в другие учреждения с просьбой найти для нас инвесторов для хлопкопрядильного завода. Прошло некоторое время, и нас свели с одним местным жителем, у которого были связи с группой промышленников США, заинтересованных в создании прядильни.

Человек этот стал приезжать в Кирьят-Гат, интересоваться природными условиями: рельефом, водой, электроэнергией и так далее, и когда ему пообещали также различные льготы и займы от государства, он привез в Израиль несколько американских инвесторов, чтобы оформить сделку.

Переговоры вел все время Ицхак Чижик, мой заместитель по делам Кирьят-Гата. Сам я видел израильского представителя только один или два раза.

Когда американцы приехали в Кирьят-Гат, Ицхак Чижик встретил их прямо с царскими почестями. Шутка ли? Первые инвесторы за две тысячи лет!

Меня тогда не было в Кирьят-Гате: я был как раз занят другими делами такого же рода. Наши величественные «халуцианские планы», а еще больше льготные финансовые условия, произвели на промышленников большое впечатление, и они уехали из Кирьят-Гата очень довольные.

Прошло еще несколько дней, и адвокат группы американских инвесторов позвонил мне; у него, мол, большая просьба к «господину директору округа»: не буду ли я столь любезен зайти как-нибудь к нему в контору для встречи с его клиентами?

— Вы понимаете, господин директор, — сказал благовоспитанный юрист, выходец из Венгрии, — американские промышленники слышали о вас так много, что они хотели бы встретиться с вами лично. Вы ведь как бы «губернатор» всего проекта. Нечего и говорить, что и я очень много слышал о вас и был бы чрезвычайно рад познакомиться лично.

Я ответил, что сочту за честь, и мы договорились о встрече в его конторе в ближайший понедельник в десять часов утра.

В понедельник я «взнуздал» свой джип и ровно в десять вошел в просторную контору тель-авивского адвоката. Мне тогда было лет тридцать с небольшим, был я худощавый и тонкий в талии, а на мне в этот день были, как и во все остальные дни, штаны защитного цвета, такая же открытая рубашка и «степные ботинки». Я нажал кнопку звонка.

Дверь открыла миловидная секретарша. Я сказал ей, что пришел по приглашению господина адвоката. Она

проводила меня в его кабинет — просторное помещение, где в глубоких мягких креслах расположилось с полдюжины евреев.

Я остановился на пороге, как бедный родственник, никто и не думал представить меня собравшимся. Когда прошла минута неловкого молчания, со своего места встал один мужчина, чьи тщательно причесанные белые волосы образовали что-то вроде серебряного венца вокруг лба. Он подошел ко мне, смерил взглядом с ног до головы и сказал:

— Никак у вас машина поломалась в пути? Господин Элиав явится на совещание?

— Я и есть Элиав. Полагаю, что имею честь разговаривать с господином адвокатом таким-то.

Мой собеседник побледнел и скис немножко, но не надолго.

— Прошу прощения, господин директор, — тут же переменял он тон и принялся трясти мою руку.

Затем он сделал поворот на сто восемьдесят градусов, обернулся в сторону американских евреев и проводил меня на середину кабинета, дружески и с чувством обняв меня за плечи.

— Уважаемые господа, — объявил он торжественным и глубоким голосом, — вы только посмотрите, какие у нас молодые, простые и демократичные руководители в стране! Мне выпала честь, удовольствие и привилегия представить вам господина директора района Лахиш.

Тут адвокат начал петь мне славословия, перечисляя все добрые дела, которые я совершил на своем веку, начиная с детского сада и по сей день.

Я обменялся рукопожатиями с американцами, затем уселся в удобное кресло, и у нас завязалась непринужденная беседа. Подали шампанское и бокалы. Мы выпили за будущую прядильню, за евреев США, за Израиль, Кирьят-Гат, Министерство промышленности и торговли, за контору нашего адвоката и так далее. Откуда-то появился фотограф и увековечил торжественное событие.

Прошло всего несколько месяцев, и в Кирьят-Гате возник «Лахишский прядильный завод».

Теперь предстояло «закрепить текстиль» в Кирьят-Гате. Коль есть хлопок, есть и хлопкоочистительный и хлопкопрядильный заводы, то почему бы не приступить

к выпуску текстильных товаров? Ведь конфекция — тоже еврейская отрасль.

Как раз тогда в страну прибыл один из текстильных королей Южной Америки — Израиль Поллак.

Израиль Поллак принадлежал к роду потомственных текстильщиков из Румынии. Сионист еще с детства, он был сослан в Сибирь в дни Второй мировой войны, и там тоже, а затем в Средний Азии, создавал текстильные предприятия. После войны он как-то попал в Чили и вместе с братом построил там гигантские предприятия: прядильные, ткацкие и так далее. На его фабриках работали тысячи людей, и что бы он не затевал, во всем ему сопутствовала удача.

Пинхас Сапир, в то время министр промышленности и торговли, встретил его, когда он был в Чили, и всячески уговаривал этого сознательного и отзывчивого еврея приехать в Израиль и создать у нас текстильную промышленность. Теперь, когда Поллак приехал в Израиль, Пинхас Сапир хотел уговорить его построить фабрики именно в Кирьят-Гате. Мы понимали, что если только удастся, то это будет целый переворот в развитии города. Ведь тут речь идет о такой отрасли промышленности, где смогут устроиться сотни людей. Да и организатор — первоклассный. Мы, затаив дыхание, следили за действиями Сапира.

Во время своей первой беседы с Поллаком, Сапир принялся восхвалять Израиль вообще, округ Лахиш в частности, а Кирьят-Гат в особенности: чудесный климат, воды сколько угодно, необъятные просторы, высоковольтная линия проходит прямо под носом, сколько угодно рабочей силы — как мужской, так и женской; словом, конца и краю не было преимуществам Кирьят-Гата.

Поллак слушал внимательно, но когда он увидел на карте расположение города, он спросил:

— А как с расстоянием? Ведь от Кирьят-Гата до центрального района страны, до Тель-Авива и окрестностей — неблизко. Это удорожит продукцию и ее сбыт. Не так ли? Да и банков нет в городе. Нельзя ли место поближе к Тель-Авиву?

— Поближе? — вскричал Сапир. — Да что вы, доро-

гой реб Исроэл? Какое же это расстояние? Раз-два — и вы в Кирьят-Гате.

— Раз-два? — переспросил Поллак. — А в самом деле, сколько езды до Кирьят-Гата?

— Нашли о чем говорить! — ответил Сапир. — Нет и часа езды!

— Меньше часа? А мне сказали, что по меньшей мере часа полтора, — сильно удивился Поллак.

— Знаете что? — предложил Сапир. — Завтра утром я подъеду за вами в «Дан» и повезу вас в Кирьят-Гат.

— Прекрасно, — согласился Поллак. — За честь сочту. Когда же мне ждать вас?

— Когда? — не моргнув глазом, сказал Сапир. — Скажем, в пять утра.

— В пять утра? — удивился Поллак, но не стал допытываться.

Наутро, ровно в пять Сапир подъехал на своей служебной машине к гостинице. Поллак уже ждал его и тут же сел в машину.

Шофер, прошедший предварительный инструктаж, нажимал на газ что было силы и стрелка спидометра очень скоро показывала сто. Машина неслась по пустынным улицам, а когда выехала за город, шофер немедленно довел до ста двадцати, если не больше.

В пути Сапир с Поллаком беседовали о том о сем. Ровно в 5.55 машина затормозила у будущего промышленного района Кирьят-Гата.

Сапир и Поллак поднялись на небольшой холм, солнце только-только начало показываться, вид кругом был чудесный, а слова Сапира — слаще меда.

Они постояли на холмике несколько минут и приблизительно в семь были уже снова в тель-авивской гостинице.

Поллак, очень неглупый еврей, понял, конечно, все, в том числе и странный выбор такого раннего часа для поездки, «но, — так сказал он мне впоследствии, — я подумал: коль израильский министр готов подняться в четыре часа, чтобы убедить меня в необходимости постройки завода в Кирьят-Гате, то кто я такой, чтобы препираться с ним».

И вот таким образом в Кирьят-Гате возник огромный комбинат «Пулгат», который впоследствии построил

еще «Уман» и «Багир», и то ли еще построит в будущем...

Нам хотелось, чтобы в Кирьят-Гате были не только текстильные и сельскохозяйственные предприятия, но чтобы предприимчивые евреи и просто толковые ремесленники создали там мастерские и промышленность всякого рода. Со временем слесари, столяры, жестянщики открыли в городе свои мастерские; потом построили несколько предприятий по выпуску пластмассовых изделий; в городе становилось все больше всяких предприятий.

Среди них был и свечной завод. Несколько лет спустя, когда я работал заместителем министра промышленности и торговли и отвечал за индустриализацию новых районов, я однажды приехал в свой Кирьят-Гат и посетил городские предприятия. Заодно зашел и на свечной завод. Встретили меня хозяева, двое милых евреев, очень благочестивых, в ермолках и в лапсердаках, проглядывающих из-под пиджаков.

Они водили меня из одного помещения в другое, от одной машины к другой. У главной машины сидели скромные целомудренные девушки. С монотонным стуком машина опускалась на вязкий поток свечной массы, и из канавок вылетали тоненькие белые свечи.

— Это субботние свечи, — пояснили мне хозяева. — Девушки тут же упаковывают их в специальные коробки.

И действительно, я увидел коробки, на которых красовалась надпись: «Субботные свечи».

У следующей машины свечной поток был толще. Нож автоматически резал массу, а отрезанные порции попадали в маленькие жестяные банки.

— Это свечи на помин души, — пояснили мне хозяева.

Третья машина изготавливала свечи для «проводов» царицы-субботы.

Четвертая машина выщелкивала сотни тоненьких разноцветных свечей.

— Это ханукальные свечи. Те коробочки, на которых нарисован «Маген-Давид» идут на экспорт в Америку и Европу.

Меня очень заинтересовали экспортные возможно-

сти предприятия. Мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшую контору. Заговорили о трудностях, стоящих перед предприятием и о его возможностях; о недостатке оборотных средств и о планах на будущее.

В стеклянном шкафу были выставлены все виды продукции, выпускаемой заводом: субботние свечи и поминальные, «проводные» и ханукальные, свечи для Йом-Кипура и так далее. В углу стояла еще какая-то свеча, покрытая вуалью.

— А это что за свеча? — полюбопытствовал я.

Хозяева улыбнулись и в некотором смущении сняли покрывало.

Вот это была свеча! Изготовили ее, видно, взяв за модель Венеру Милосскую, только добавили руки.

Я осмотрел свечу спереди и сзади и изумленно спросил хозяев:

— Как попала эта голая баба в такое скромное место?

— Что поделаешь? — ответили свечные короли Кирьят-Гата. — В кабаре и дискотеках большой спрос на эти свечи.

Глава 34

«ПРОТЕКЦИЯ»

Когда мошав «Шахар» заселили иммигрантами из Северной Африки, главным образом, из Танжера, околица села осталась все-таки незаселенной.

Однажды ко мне в Ашкелон явилось несколько друзей, выходцев из Кочина, которые работали со мной еще в Неватим, а среди них и моя «правая рука» — Нисим Элиягу.

У многих, мол, большая просьба ко мне: мошав Неватим уже полностью заселен, а из Индии должны вот-вот прибыть несколько семейств, в том числе родственники Элиягу Нисима и его товарищей. Сам Элиягу собирался жениться, одним словом, — они просят, чтобы мы устроили всех где-нибудь в нашем районе.

Для отдельного мошава новых семейств было слишком мало, вот мне и пришла мысль поселить их на околице мошава «Шахар».

Когда я предложил это своим сотрудникам, они встретили мое предложение в штыки: опыт показал, что поспешное и искусственное смешение разных общин — неиссякаемый источник трения и неприятностей. Однако, я заупрямился, а мои товарищи, которым моя «слабость» к кочинцам была хорошо известна, под конец сдались.

И вот таким образом в Шахар попала дюжина кочинских семейств, а среди них родня Нисима Элиягу, Элиягу Элиягу, Бецалела Элиягу, Меира Элиягу...

Первое время им здорово досталось в Шахаре. Несмотря на все их добродушие, на свойственную им особую сдержанность, им нелегко было ужиться с выходцами из Северной Африки. К хозяйственной жизни они приспособлялись тоже нелегко, но бурные темпы развития, охватившие тогда все селения Лахиша, увлекли, наконец, и их.

Проходили годы. Кочинцы, попавшие в Шахар, привязались к земле и извлекли из нее свой хлеб. Поначалу это был довольно бедный хлеб, и приварок — тоже не щедрее. Как и все поселенцы в округе, они выращивали сахарную свеклу, хлопок, овощи, и кое-как кормились. Все же я ни разу не слышал от них громких жалоб. Своими горестями они делились со мной, когда я в первые годы бывал у них дома, но и тогда у них не сходила с лица робкая улыбка, словно они передо мной извинялись.

В домах было чисто, чистыми были и дети, отличавшиеся своеобразной красотой. В те годы ни тени, ни зелени перед домами еще не было, а только крохотные цветники.

Надо сказать, что они привезли с собой из Кочина не только стремление, но и умение выращивать экзотические культуры; они привезли в своих сумках семена каких-то неведомых пряных растений, которые и пытались выращивать у своих домов. По этой ли причине или по какой-либо другой, но кочинцы из Шахара были одними из первых, кто внедрил в иммигрантских мошавах новую отрасль, а именно цветоводство.

Когда, отслужив несколько лет в израильском посылке в Москве, я вернулся на родину, жители Шахара устроили мне теплый, сердечный прием в одном из

домов села. К концу вечера домохозяева Бецалела принесли мне букет гладиолусов, и Бецалел с гордостью сказал, что это первые цветы, выращенные в районе Лахиш.

— Мы выручаем за них не такие уж плохие деньги в цветочных магазинах Тель-Авива, и говорят даже, что со временем мы, может быть, сможем экспортировать их за границу.

Бецалела, который уже тогда, в начале шестидесятых годов обнаруживал недюжинные способности цветовода, министерство сельского хозяйства направило в ряд европейских стран для усовершенствования, особенно в деле выращивания роз в теплицах.

Прошло еще несколько лет. Я снова выехал за границу: в рамках израильской программы сельскохозяйственной помощи Ирану и другим странам.

Вернувшись на родину, — а это было не так давно, — я, как водится, снова объездил селения Лахиша, в том числе побывал и в Шахаре. Велико было мое изумление. Я знал, что цветоводство развивается в стране семимильными шагами, знал также и то, что эта отрасль все больше и больше забирается под стекло и полиэтилен, всячески «индустриализуясь», но что Бецалел и его товарищи стали ее «маяками» и они составляют, так сказать, «израильскую сборную» в области цветоводства, этого я не знал.

Бецалел обошел со мной свое хозяйство. Рядом с его домом и с другими домами были построены гигантские теплицы. Теплица Бецалела одна занимала свыше двух дунамов; это было настоящее промышленное предприятие. В теплице смонтировано сложное электронное оборудование для нагрева, охлаждения, тщательнейшего полива и научного удобрения, а вокруг — море роз всех пород, возрастов и цветов радуги.

У теплицы — склад для сортировки и упаковки продукции. Спустились сумерки. Юноши и девушки, а так же дети, вернувшись с поля и из школы, сортировали и упаковывали розы.

Возле дома Бецалела стоял грузовик с удлиненным кузовом.

— Все идет на экспорт, — пояснил Бецалел. — У нас постоянная телефонная связь с конторами «Агрэк-

ско» в аэропорту Лод, а те в свою очередь связаны телепринтерами с оптовыми компаниями в Европе. Нам нужно каждое утро знать, сколько потребуется роз домохозяйкам и влюбленным в Цюрихе, Бонне, Женеве и Лондоне. Упакованные и охлажденные цветы отвозят вечером на машине в Лод. Вот посмотри, к каждой коробке прикреплен ярлык с адресом получателя за границей.

Ночью или на рассвете самолеты «Эл-Ал» доставляют наши цветы в Европу, а в обед они уже на прилавках европейских магазинов.

Как бы между прочим, Бецалел обронил, что основные средства, вложенные в его теплицы, составляют чуть ли не четверть миллиона лир. Понятно, что в основном это займы, полученные по ходатайству Министерства сельского хозяйства.

Бецалел рассказал также, что Иехезкиэль Алиас провел года два в Африке в качестве инструктора и внедрил по поручению отдела международного сотрудничества при Министерстве иностранных дел передовую агротехнику в сельское хозяйство Ливии.

Когда я распрощался с Бецалелем, у меня еще долго звучали в ушах благодарственные слова поселенцев, а в машине лежал огромный букет роз.

Спустя некоторое время я встретил в Кфар-Виткин инструкторов, которые работали со мной в Неватим в Негеве в 1954 году, когда мы принимали первых иммигрантов из Кочина. У Нафтали и у Ами («Квика») теперь цветущие хозяйства в Кфар-Виткин, есть у них и жены, и дети. Только огромные усы Нафтали остались такими же, как в «старое доброе время». Были там и Ора с Узи, создавшие свой семейный очаг в мошаве «Нир-Баним» на северной окраине Лахиша. Это — цветущий мошав, созданный предыдущими поколениями иммигрантов. У них в хозяйстве много скота, а дома — трое милых детишек.

Мы говорили о том, о сем и, наконец, как это бывает у мошавников и хлеборобов, речь зашла о делах сельскохозяйственных в том числе и о цветоводстве. Они рассказали, что многие из поселенцев Неватим считаются сегодня передовиками цветоводства, но все-таки им далеко до Бецалела из Шахара.

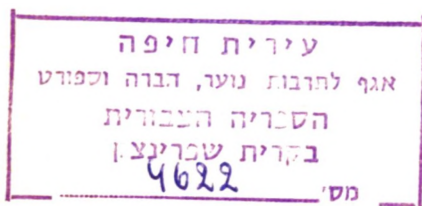
— О, — сказала вдруг Ора, и в ее глазах появился

радостный блеск, — Левз, верно, сможет устроить нам протекцию к Бецалелу.

— В чем дело? — спросил я. — Какую протекцию?

— Да вот, — ответила Ора, — у нас несколько дворов занимаются цветоводством в Нир-Баним, и мы в том числе; главным образом выращиваем гладиолусы. Между тем твой Бецалел большой дока с этим делом. У него получаются великолепнейшие карликовые гладиолусы, на которые большой спрос в Европе. Вот если бы ты попросил его, чтобы он раскрыл нам свои секреты!

КОНЕЦ.

Арье (Лева) Элиав родился в 1921 г. в Москве. В 1924 г. его семья эмигрировала в Палестину.

Окончил гимназию «Герцлия» в Тель-Авиве и Еврейский университет в Иерусалиме, где специализировался по истории и социологии.

Служил в Хагане, в британской армии. Во время войны за Независимость служил во флоте (в чине подполковника).

Известен как командир кораблей, нелегально перевозивших в страну иммигрантов, как организатор заселения района Лахиш и развития района Арад. Во время Синайской кампании организовал нелегальное спасение евреев Порт-Саида.

В 1959—1960 гг. был первым секретарем посольства Израиля в Москве. Был ответственным представителем правительства по индустриализации районов развития, по абсорбции иммигрантов, по оказанию помощи Ирану, был также заместителем министра торговли и промышленности, заместителем министра абсорбции, генеральным секретарем партии Труда. В настоящее время — депутат Кнессета.

А. Элиав — автор книг: «Между серпом и молотом», «Корабль Улуа», «Наперегонки со временем».